

ВЗ.З(ЗР-БЭЛК)
Э 444
1269623

Т. Е. Эфендиева
С. И. Эфендиев
Ф. С. Эфендиев

**ДРУЗЬЯ
КАЙСЫНА
КУЛИЕВА**

**В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**ТОМ
VII**

✓

90-летию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
Кайсына Кулиева

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев

**ДРУЗЬЯ
КАЙСЫНА
КУЛИЕВА**

**В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

ТОМ
VII

Нальчик
ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа»
2008

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(НАЦИОНАЛЬНАЯ) БИБЛИОТЕКА
Кабардино-Балкарской Республики
г. Нальчик, ул. Ногмова, 42

1269623

42

83.3 (2P=50AK) Серия «КЛИО»

Э947 («Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Литература». Выпуск 15

Научные редакторы серии:

В. М. Аталиков,
П. А. Кузьминов

Литературные редакторы серии:

Л. О. Тамазова,
М. М. Хафицэ

Художник серии М. М. Горлов

Рецензенты:

Академик Академии гуманитарных наук,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор философских наук,
профессор В. Е. Давидович;

доктор философских наук, профессор,
декан философского факультета Ростовского
государственного университета Г. В. Драч

9 785881 958695

ISBN 978-5-88195-869-5

© Т. Е. Эфендиева,
С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев, 2008
© Издательский центр
«Эль-Фа», 2008
© М. М. Горлов.
Оформление, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной монографии рассматриваются стихотворные послания и посвящения Кайсына Кулиева, которые он адресовал своим друзьям, любимым женщинам и близким родственникам. О лирико-этической и социально-нравственной направленности стихотворных посланий и посвящений до нас никто не писал. Авторы широко использовали архивные материалы, которые хранились в ЦГАЛИ СССР, а также в фонде 852 ЦГА КБР. В личном архиве Кайсына Кулиева имеется богатейший материал о современниках поэта. Он получал поздравления, приглашения из всех союзных, автономных республик Советского Союза и зарубежных стран на съезды, международные конгрессы, юбилеи, научные конференции и другие торжественные мероприятия, посвященные культуре и искусству. И везде у него были друзья. Весь этот огромный духовный пласт и бесценный исторический материал требует глубокого анализа и всестороннего исследования.

В этой книге впервые жанр посланий и посвящений Кулиева затронут так широко и подробно. Всего проанализировано 55 лирических посланий и посвящений. В семи главах представлены друзья Кулиева в автобиографическом дискурсе. Авторы не рассматривали эти стихи в хронологической последовательности. Они избрали иной принцип. В первой главе рассматриваются стихи, посвященные Дмитрию Кедрину, Индире Ганди, Салиху Хочуеву, Кериму Отарову, Саиду Шахмурзаеву, Мухтару Ауэзову, Эфенди Капиеву, Алыкулу Осмонову, Николаю Тихонову, Михаилу Дудину, Аркадию Кулешову, Мирзо Турсун-заде, Расулу Гамзатову, Давиду Кугультинову, Беталу Куашеву, Мустаю Кариму и другим.

Во второй главе взяты только те стихотворения Кулиева, которые написаны им в минуты вдохновения и посвящены любимым женщинам, таким, как Тамара Залиханова, Нати́фа Гаджаева, Вера Сидорова, Лейла Мечиева, Лия Ерусалимчик, Валентина Лебедева, Мака Дахкильгова, Татьяна Марутова.

В третьей главе проанализированы произведения, в которых Кулиев писал о своей любви к грузинским друзьям: Симону Чиковани, Отару Чиладзе, Георгию Леонидзе, Дмитрию Гулиа, Ревазу Маргиани, Теймуразу Чиргадзе и другим.

Четвертая глава посвящена в основном анализу посланий и посвящений разных лет, когда судьба сталкивала Кулиева с такими замечательными личностями, как Владимир Сосюра, Микола Бажан, Алим Кешоков, Сибгат Хаким и другими.

О самых родных и близких говорится в главе пятой, где рассматриваются стихи, адресованные сыновьям: Эльдару, Алим и Азамату, дочери Жанне Кулиевой, внучке Лейле Джигоевой, брату Исмаилу Кулиеву, женам: Маке Дахкильговой и Элизат Кулиевой.

Шестая глава посвящена Александру Твардовскому, Георгию Свиридову, Михаилу Герасимову, Якову Козловскому, Ярославу Смелякову, Сильве Капутикян, Лайме Андерсон, Якову Смолен-

скому, Марку Бернесу, Константину Ваншенкину, Ираклию Андроникову, Николаю Лопаткину, Юрию Воронову, Михаилу Кирееву, Даниилу Гранину, Регине Кафриэльянц, Владимиру Орлову.

В последней главе дан анализ произведений Кулиева, обращенных к Кязиму Мечиеву, Зульфийи, Пабло Неруде, генералу Солтану Магомедову, преподавателю Дмитрию Бычкову.

Следует сказать, что мы охватили не все вопросы, касающиеся идейно-нравственной проблематики произведений Кулиева, посвященных тем или другим личностям. Его поэзия, по нашему мнению, неисчерпаема по глубине мысли и по охвату проблем человеческого бытия, Космоса, Природы, живого и неживого. Стихи и поэмы Кулиева носят космопланетарный и общечеловеческий характер.

Мы считаем, что о поэзии Кулиева будут писать тысячелетиями. Придут другие поколения, среди которых будут исследователи с более высоким интеллектуальным уровнем и более широким кругозором, отвечающим требованиям времени, в котором они будут жить. Новые кайсыноведы (или кулиевоведы) будут по-иному рассматривать и осмысливать социально-философский и духовно-нравственный аспект творческого наследия поэта. Но бесспорно одно: Кайсын останется навсегда светильником разума, духовным феноменом и вечным спутником балкарского народа, его путеводной звездой, освещающей ярким светом душевную субстанцию своего этноса.

Как известно, на каждом историческом этапе развития культуры новые поколения, вступая в сферу общественной жизни, вносят коррективы, по-своему оценивают духовную культуру и заслуги предшествующих поколений. Тем самым они сохраняют преемственность социально-философского осмысления культурного наследия прошлого. Это было, есть и будет всегда объективной закономерностью развития общественной жизни. И останется книга как летопись духовной жизни истории народа.

*Тамара Эфендиева,
Салих Эфендиев,
Фуад Эфендиев*

12 июля 2005 г.

**Я старался говорить с тобою
о том, что знал из первых рук...**

К. Кулиев

Все стихи Кулиева жанра посланий и посвящений друзьям, по нашему мнению, несли отпечаток психологии самого автора и имели автобиографический характер. Пропуская через свое творческое сознание образы друзей, близких и родных, поэт обращался к художественному облику окружавшего его национального мира, дорогого ему с детства, к миру этноприроды и воспроизводил его с помощью родного языка. Наше утверждение можно проиллюстрировать на примере стихотворения «Орус поэт Дмитрий Кедринни эскериб» (1945–1948), эпиграфом к которому Кулиев взял слова Лермонтова «Я знал его...».

Дмитрий Кедрин, известный советский поэт, был переводчиком стихов Кулиева на русский язык и его другом. В годы Великой Отечественной войны они несколько раз встречались, позже переписывались, будучи на разных фронтах, а когда Кулиеву пришлось отправиться в «добровольную» ссылку в Среднюю Азию, он жил в доме Кедринных, ожидая решения Сталина по этому вопросу. Провожать поэта к поезду, который увозил Кулиева в неизвестность, вышли только Кедрин и его жена Людмила Ивановна. Она и собирала чемодан в дорогу с нехитрыми пожитками поэта. Тогда они не знали, что расстанутся навсегда, так как через несколько месяцев Дмитрия Кедрина убил не известный до сих пор человек. Об этом Кулиеву сообщила во Фрунзе вдова Кедрина. Поэт был потрясен неожиданной смертью друга и написал стихотворения, посвященные ему, — «Памяти Дмитрия Кедрина» и «Русская сказка» (1945).

Обратимся к началу текста первых четверостиший «Памяти Дмитрия Кедрина» («Орус поэт Дмитрий Кедринни эскериб». 1945–1948).

Къарлы элде Москваны къатында
Бирге олтуруучу эдик экибиз
Терткюл наратладан ишленген юйде,
Тынгылай къарланы кетюрген желге.

Аны чачы къалын болуучу эди,
Мангылайыны со л жанын жабыгучед.
Олманга назмуларын окъуучу эд,
Башын да биркесек артхаракъ атыб[2].

Это стихотворение на русский язык перевел М. Шехтер. Он умело передал национальный колорит, биографические факты из жизни поэтов, рассказал об их встречах и даже точно обрисовал внешний облик Дмитрия Кедрина, опираясь на многие этнокультурные реалии, передал особую стилистику поэтической речи Кулиева. Обратимся к началу стихотворения:

В заснеженном поселке Подмосковья
Мы сиживали часто, коротая
Досуг в домишке из сосновых бревен,
И вслушивались в завыванье вьюги.
Его густые волосы сбежали,
Пересекая лоб открытый слева.
Как были тонки и подвижны пальцы!
Он голову откидывал при чтеньи,
Он отличался легкою походкой,
Он радовался, как дитя, пороше [1].

Переводчик учел кулиевскую интонацию, простоту его слога, реалистический психологизм и те чувства поэта, который неожиданно потерял своего друга («Когда из жизни он ушел, планета мне показалась холодней, суrowей»). Гиперболизм был употреблен переводчиком как специальное словесное средство художественного преувеличения, чтобы максимально заострить внимание читателя на раскрытии глубокого потрясения поэта, узнавшего о трагической гибели друга. Резкое преувеличение есть и в оригинале стиха.

Понятия «друг», «дружба» были для Кулиева священными. И он вслед за Пушкиным восславил «святую дружбы власть» с большой силой чувства горца XX века. Однако у него, помимо искренних дружеских обращений, посланий и посвящений, есть и «Стихи о врагах» (1969):

Злорадствует твой враг недалкий,
И я предположить могу:
Чем день твой горше и печальней,
Тем слаще твоему врагу.
Он весел от твоей печали,
Твоей беде он рад весьма,
Хотя она ему едва ли
Прибавит силы и ума...

У Кулиева есть очень много посланий и посвящений поэтам, общественным и государственным деятелям, сыновьям, вдовам писателей, любимым женщинам и т. д. Естественно, что все стихи этого жанра носят автобиографический характер. Если эти стихи рассматривать во времени и в автобиографическом дискурсе, то можно заметить интересные особенности в использовании этноприроды поэтом. О ком бы Кулиев ни писал, кому бы стихи ни посвящал, он обязательно использовал культурный и философский концепт «горы, скалы, камня». Вот небольшой перечень стихов-посвящений: «Памяти Салиха Хочуева», «Пимену Панченко», Аветику Исаакяну («Камень и песня»), М. Дудину («Говорю моему поколению»), Давиду Кугультинову («В горах Монголии»), «Николаю Тихонову», «Моим сыновьям», «Азамату вместо колыбельной». «Амине Залиловой – жене казненного поэта», «Марике Чиковани», «Отар Чиладзе, ты назначь мне встречу», «Реквием Сайду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Алиму Кешокову», «Два письма в Киев: 1-е – Миколу и Нине Бажанам. 2-е – Марии Гавриловне Сосюре», «Левону Мкртчяну», «Шока Амо Сагиян глядит...», памяти Индиры Ганди («Жизнь на земле не убить»), памяти Александра Субботина («Недокуренная папироса»), Кериму Отарову («Другу»), Валентине Лебедевой («Девушке с севера»), Аалы Токомбаеву («Стихи, сказанные в честь Киргизстана»), Гарсиа Лорке («Смерть поэта»), М. Кирееву («Вечером, когда гремел гром»), «Джемалдину Яндиеву», Эльдару Кулиеву («Зеленый мир»); памяти Алыкула Османова («Стихи, сказанные на Иссык-Куле»), Сергею Фиксину («Ласточка»), «Памяти Бетала Куашева», «Мустаю Кариму», Н. Кешоковой («Жена поэта»), Жанне Кулиевой («Тень полдня, миновавшего когда-то...») и другие.

Большинство из воспетых Кулиевым личностей были для него «добрыми приятелями», хорошими товарищами по работе в Союзе писателей СССР, РСФСР, помощниками в издании его произведений, в переводческой деятельности; остроумными и приятными собеседниками, когда Кулиев неоднократно встречался с ними на юбилейных и торжественных Днях советской литературы и искусства в столицах союзных и автономных республик. Они способствовали «сносному существованию поэта», скрашивали

его не очень удачно сложившуюся личную жизнь и литературную судьбу. Не всех случайно встретившихся людей Кулиев вводил в ранг своих «друзей». В его понимании единственная мимолетная встреча не ассоциировалась с «дружбой», хотя и оставались приятные воспоминания на долгое время. «Приятель – не друг, с него и спрос иной, не по высшей мерке», – пишет М. Филин в статье о Пушкине «Одиночество гения» (ЛГ. 2004. 29 сент. – 5 окт.).

Более 80 стихотворных посланий и посвящений написал Кулиев, в которых спрессованы в единое целое пространственно-временные параметры, представленные в автобиографическом дискурсе. В них индивидуальная человеческая жизнь, рассматриваемая неотрывно от ее событийного контекста, пропущена через творческое мышление и психологию автобиографической памяти поэта, в литературных произведениях которого была цельная система эмоциональной направленности.

Для примера возьмем произведение Кулиева «Жизнь на земле не убить!» (1985), посвященное памяти Индиры Ганди (1917–1984), премьер-министра Индии с 1966-го по 1977-й и в 1980–1984 гг., единственной дочери Джавахарлала Неру. Она была последовательным сторонником политики разоружения и международного сотрудничества, выступала за развитие всесторонних дружеских связей Индии с СССР. Ганди была убита противниками ее правления, как и ее сын Раджив, унаследовавший дело матери. (Он был премьер-министром Индии, стал жертвой покушения).

Цикл стихов, посвященных Индире Ганди, состоит из четырех частей, в каждой из которых выражена скорбь народов всего мира по поводу ее безвременной, насильственной смерти. «Горы мои кавказские, чей чистый свет прославляем, горы, дарящие радость всем людям, всем детям земли! Горы, оденьтесь в траур, оборотясь к Гималаям, – оттуда горькие вести для мира всего пришли», – так начинаются стихи Кулиева, который обращался не только к горам Кавказа, но и ко всему миру, чтобы выразить соболезнование индийскому народу. В форме народного причитания, столь распространенного на похоронах, поэт проклинал убийц, поднявших на нее руку: «Страницей страшной наполнились двадцатого века были: на женщину руку подняли, – как с этим смириться мне?

Злодеи осатанелые мать собственную убили – Индиру Ганди матерью называли в ее стране» и т. д.

В январе 1941 г., когда Кулиев находился в гор. Старая Русса во время прохождения воинской службы, он начал писать стихотворение «Мен къагъытынгы алгъанда...» («Когда я получил твое письмо...») о талантливом балкарском поэте Салихе Хочуеве (1910–1942), а закончил его в мае того же года. Это лирическое письмо к Салиху Хочуеву входило в цикл стихов «Старая Руссадагъы тетрадымдан» («Из тетради «Старая Русса») и начиналось оно словами «Мен къагъытымгы алгъанда...» («Когда я получил твое письмо...»). В шести частях были в основном воспоминания о родном крае, о том, как они вместе не раз гуляли по парку в Долинске, вели беседы о поэзии и своих творческих планах на будущее, смотрели на всадников, которые проезжали на лошадях, чей резкий стук копыт раздавался в тишине:

Кырпакъ болгъан жамычылы
Атлыла жаныбыз бла
Ете эдиле, нал таууш
Бла оза элле ала.

Ол ингирде хар бир терек,
Къырпакъ этген жамычысын
Кийиб, скойелген таулугъа
Ушайед, кенгден къарасанг...
(«Мен къагъытынгы алгъында...») [4].

Это лирическое письмо переросло в стихотворное посвящение под названием «Памяти Салиха Хочуева» (1978), в котором художественно воссоздана короткая жизнь поэта, погибшего в расцвете творческих сил в годы Великой Отечественной войны. Ему в это время было только 32 года. До войны он вложил много труда в дело по сбору родного фольклора, в составление учебников для балкарских школ, писал рассказы, которые были опубликованы в 1940 г. Салих был одним из наиболее грамотных людей среди балкарской интеллигенции того периода и его ожидало блестящее будущее, если бы не война. Кулиев был на 7 лет моложе его, но они хорошо знали друг друга и были связаны творческой дружбой.

Цикл стихов, начатых в мирное время, Кулиев дополнил и в 1978 г. опубликовал стихотворное посвящение «Памяти Салиха Хочуева». Главное в нем – это горькое сожаление о том, что Салих «своих надежд и слов своих, и дел задуманных – увидеть не успел, свою не занял в жизни высоту»; воспоминания о молодости:

...Как будто жив ты, – так я говорю
С тобой, как будто помнишь ту зарю,
Что мы с тобой встречали, те снега,
И те – в цветенье пышном – берега,
И эти горы белые всегда... [5].

Пер. Н. Кондакова

Поэтический перевод Н. Кондаковой не всегда строго соответствовал оригиналу, хотя мысли Кулиева были переданы в основном верно. Обратимся к началу посвящения:

Хочиева Шабазы сын, Салих,
Певец народа моего, Салих,
Тебя мы рано потеряли, рано,
И черный ветер в памяти не стих.
Когда приходит в этот мир война,
Жестоких ветров черная вина,
То погибают первыми, как ты,
Те, кто душой и помыслом чисты [6].

Ол ингирде хар бир терек,
Къырпакъ этген жамычысын
Кийиб, скойелген таулугъа
Ушайед, кенгден къарасанг...

Тяжелая печаль сквозила в каждой строке Кулиева, так рано потерявшего друга, и, чтобы это чувство выразить, он прибегал к сравнению: «Своих надежд и слов своих, и дел задуманных – увидеть не успел, свою не занял в жизни высоту, ты – срубленное дерево в цвету, ты – дерево, что молния сожгла. Нам встречи нет. Меж нами тень легла».

Короткая, но искренняя дружба между ними дала право Кулиеву называть Салиха любимым другом и милым братом: «...с войны ты не пришел назад, Салих, любимый друг мой, милый брат, тебе, о гор исчезнувший певец, была земля – как мать, народ – отец». Певцом гор назвал Салиха Кулиев. По-другому он не мог охарактере-

ризовать его, потому что все, связанное с горами, для Кулиева было мерилом высоты и нравственности. Поэтому в тексте на родном языке Кулиев для определения таланта погибшего поэта употреблял слова «вершины гор», «крепость скалы», «белоснежная гора» и другие.

Твои слова! И ныне помнят их
Все родники твои в горах твоих.
Из этих родников высокогорья
Мы пьем – и это утешенье в горе,
Хочиева Шабазы сын, Салих,
Мой незабвенный друг, мой брат, Салих!

В 1942 г. Кулиев написал стихотворение «Кериму Отарову», балкарскому поэту, сражавшемуся на фронте и потерявшему, как и многие солдаты, одну ногу. Операция прошла успешно, но поэт навсегда остался калекой. Кулиев узнал об этом несчастье (они сражались на разных фронтах) из его письма и, чтобы подбодрить друга, написал стихотворение. Вот его начало:

Мен акъсыл солдат шинелни кийгенлей
Фронтланы къыйырсыз тюзлеринде
Кеб сагъыш этгенме сени юсюнгден
Уруш жолларында, кечелеринде.
Поэмаланы жартылайын къойуб,
Барабыз биз урушну жолларында,
Оиулгъан, кюиген шахарланы кере,
Барабыз биз, бушуу эте алада [7].

Переводчик В. Левик назвал это стихотворение (конечно, с согласия Кулиева) «Другу» и чуть ниже написал «Кериму Отарову». Вот его начало (оно близко к оригиналу):

В сырую ночь свернувшись на шинели,
В июльский зной, порою зимних выюг,
В полях, где пули хищные свистели,
Везде я помнил о тебе, мой друг.

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов,
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны и... [8].

Стихотворные послания и посвящения Кулиева военной поры – исторические документы эпохи. На войне не было середины. Была только одна ставка – жизнь или смерть. Мгновенно умирали от случайной или неслучайной пули, осколка снаряда, шрапнели, не дочитав письма, не докурив заженной папиросы. Памяти Александра Субботина посвящено стихотворение «Недокуренная папироса» (1942), написанная в самом тяжелом сорок втором году, так как только один год шла война, а враг уже покорил огромные пространства России.

Из пыльной махорки пришлось нам в боях
Одну папиросу курить пополам.

Пер. М. Петровых

Обычная военная обстановка, когда в окопах солдаты делились друг с другом глотком воды или делали одну затяжку из наспех сделанной папиросы. Казалось бы, эпическое, спокойное начало не предвещало ничего экстраординарного, из ряда вон выходящего случая.

Мы рядом стояли. Ты ждал, когда я
Свое откурю и тебе передам [9].

Но случилось страшное, непредвиденное (как и бывает на войне): мгновенная смерть. Почти натуралистично, без каких-либо романтических наслоений и героических мотивов Кулиев в художественном слове отобразил трагедию военного времени:

... ты не дождался, – безжизненно бел,
Упал ты с простертой к убийцам рукой.
Быстрее папиросы ты сам догорел.
Лишь кровь твоя вспыхнула стружкой живой,
К губам не успел папиросу поднести
И – мертв!

Сурово, просто, без рисовки писал поэт о войне, ничего не приукрашивая и не романтизируя. Он говорил о правде военного быта, где жизнь и смерть, радость и горе были рядом, поэтому он писал:

Сегодня стих мой – беспощадный бой.
В нем люди погибают. Кони в нем

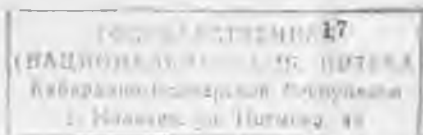
Со ржаньем падают. Горят дома.
И ворон опускается на труп [10].

Пер. М. Петровых

Символика горы, скалы, камня в контексте посланий и посвящений как особого литературного жанра приобрела особое значение. Характеристики, обычно даваемые друзьям, уважаемым старшим коллегам по перу, связаны не только с их внутренним миром, но и с их общественно-политической жизнью, с тем статусом, который они занимали в судьбе своего народа. Стихотворения «Другу», «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Памяти Дмитрия Кедрина», «Камень и песня» (Аветику Исаакяну) – яркое свидетельство этому.

В «Реквиеме Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема» Кулиев художественным словом сказал о нем как об одном из первых просветителей балкарского народа, подчеркнув его роль в образовании своих земляков («И чегемцы твои, земляки твои, дети детей, коих грамоте ты обучал и строкою своей озарил, осенял, согревал, – благодарны судьбе» и снова: «Написал свои книги, и пахарей, и чабанов светом грамоты вывел на путь...»). Люди, воспитанные им, известны не только в Кабардино-Балкарии, но и за ее пределами. Это и ученые, и известные поэты.

Саид Османович Шахмурзаев родился в 1886 г. в ауле Верхний Чегем. Этот аул является родиной и Кайсына Кулиева. Отсюда начиналась поэтическая тропа этих одаренных личностей. Саид Шахмурзаев известен не только как поэт, но и как автор первых учебников для балкарских школ. Поэтому в «Реквиеме...» (1978) настойчиво звучит мотив общественной деятельности «Так учил ты чегемцев. И каждый на этом стоит» Или: «...Дети наших детей будут знать, постигая твой стих, где ты горы любить завещаешь им каждой строкой...». Уважительное отношение к этому старейшине балкарской литературы звучит в каждой строке «Реквиема...» («Мой учитель, Саид Шахмурза, эти строки сложил о тебе я в Чегеме, где дружбой с тобой дорожил») и т. д. В этом произведении Кулиев рисует необычайно широкий спектр качеств личности Саида Шахмурзы, с полным правом относящегося к основоположникам балкарской литературы. Особое внимание Кулиева привлекала в «поэте из Чегема» любовь

к родной земле, к ее горам; этого горца восхищала «вознесенная высь, где снега, где небес бирюза... Ты всю жизнь любовался Чегемом, Саид Шахмурза!» Этот человек своей судьбой был непосредственно причастен к разным общественно-политическим переменам, которые происходили во всей стране и на Северном Кавказе, в частности: он был очевидцем революции, пережил Великую Отечественную войну, депортацию и возвращение на родину. Кулиев отразил в «Реквиеме...» вехи жизни своего учителя: «Было все. И Кязим наш остался в далеком краю, хоть и в доброй земле, но – чужой. Ты же – в землю свою был опущен в Чегеме родном».

Зримое восприятие Кулиевым времени в автобиографическом дискурсе нашло свое проявление и в композиции «Реквиема...», и в авторском отношении ко всему, что было в жизни Саида, и в изобразительных средствах языка (как в оригинале, так и в художественном переводе) и даже в приемах характеристики главного персонажа. Ставя в фокусе читательского внимания реальную личность Саида Шахмурзы, как известного человека в балкарской интеллигенции, Кулиев находил для него и соответствующие краски, характеризующие его как талантливого просветителя балкарского народа. Он, по мнению Кулиева, отличался глубиной и сложностью своего внутреннего облика. И предстает его духовный облик не в строго последовательном развитии каких-то поворотных событий в жизни народа (война, насильственная высылка и др.), а в авторском восприятии. Сюжета как такового здесь нет, и композиция обусловлена не сложностью сюжетных ситуаций, а лишь одним монологом автора «Реквиема...», который вспоминал время, проведенное рядом с поэтом:

Я дорогой иду. Здесь не раз мы ходили вдвоем.
Долго-долго ходили, с таким ощущением всегда:
Нет дороги конца, путь не кончится наш никогда!..

Композиция «Реквиема...» проста, ее отличает свобода и непосредственность разговора Кулиева с Шахмурзой. Беседы не было, был лишь монолог-воспоминание о

прожитой жизни Саида; были и вопросы («Пусть не знал тебя мир, но балкарец любой тебя знал. Что на свете есть большего? Большого ты не искал»). Было и горькое сожаление, что его нет:

Ты – еще одной жизни костер, что на скалах погас,
Ты – еще одна песнь, что в горах недопета была,
Как вершины мудра.
Как их белые главы светла [11].

Пер. Д. Долинский

Употребление развернутого сравнения («Ты – еще одной жизни костер, что на скалах погас», «Ты – еще одна песнь, что в горах недопета была» и др.) было важным для раскрытия духовного облика поэта. При этом Кулиев употребил рядом два подобных сравнения, непосредственно следующих одно за другим и усиливающих друг друга. А сам повтор слова «Ты», «Ты» создавал повышенное эмоциональное ударение на этом слове и ставил его в центр внимания. Кулиевское утверждение, что его «песнь была как вершины мудра, как их белые главы светла» подчеркивало несомненность того, о чем он писал в «Реквиеме...»

Автобиографическая и социальная память Кулиева вобрала в себя все радостные и печальные события жизни родного народа и страны в целом. Поэтому его лирические послания, посвящения, лирические письма так разнообразны по стилю, художественному методу и по способам построения лирического образа, не говоря уже о лексических средствах яркого языка и средствах его художественной выразительности. Поэт прошел сквозь утро Балкарии, трагические годы Великой Отечественной войны, участником которой он был, знал тяжкие годы депортации. В то время, обращаясь к ингушскому поэту Джемалдину Яндиеву, тоже высланному, Кулиев писал: «Чернее быть не может дня, потери – больше». Некоторые народы Северного Кавказа потеряли свою малую родину на долгие 13 лет, а некоторые семьи навсегда так и остались в Средней Азии.

Народный поэт Ингушетии Д. Х. Яндиев (1919–1979) и Кайсын Кулиев дружили многие годы, часто встреча-

лись в Москве. Так, 30 августа 1957 г. Кулиев подарил ему свою книгу «Хлеб и роза» и сделал такую надпись: «Джемалдину Яндиеву – одному из ярких и талантливых поэтов книжного Кавказа, человеку, с которым я в самые трагические дни нашей жизни делил кусок хлеба и глоток вина. С любовью

Кайсын Кулиев»

Балкарский поэт знал, что Д. Яндиев был первым ингушским народным поэтом, членом Союза писателей СССР с 1936 г., Председателем Союза писателей ЧИАССР в 1938–1944 гг., кавалером ордена «Знак Почета», что он являлся автором 20 поэтических сборников на ингушском и русском языках. У них обоих были даже одни и те же переводчики – С. Липкин, Н. Коржавин, Д. Голубков. Оба учились в Москве в Литературном институте им. М. Горького в 30-е гг., а потом разделили судьбу спецпереселенцев. Ф. Кузнецов пишет: «В 1956 г. Д. Х. Яндиев вместе со своим другом по судьбе и поэзии, балкарским поэтом Кайсыном Кулиевым, приезжает из ссылки в Москву на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. После их окончания в 1958 г. возвращается на родину. Но не в родное селение, по которому тосковал все годы депортации, что отразилось в его стихах, а в Грозный» (ЛГ. 2006. № 50. 13–19 дек. С. 8). Статья Ф. Кузнецова называется «Я видел радость и беду...». Она о жизненном и творческом пути Д. Яндиева, но и о дружбе поэтов – К. Кулиева и Д. Яндиева. Много говорит письмо Кулиева, отправленное из Нальчика 7 июня 1976 г.: «Дорогой Джемалдин, здравствуй! – писал он. – Сегодня авиапочтой отправил письмо оргсекретарю СП Ю. Н. Верченко Думаю, что все будет хорошо, и мы увидимся еще в Москве. Я тебя обнимаю, мой друг, и желаю тебе здоровья, вдохновения и всего доброго. Сегодня еду в Орджоникидзе к Цагараеву Максиму. Может быть, увидимся и там?

Передай мой привет всему твоему семейству во главе с Раей.
Будь здоров, Гусар!

Твой Кайсын

Копию письма к Верченко посылаю тебе на память». В своем письме Кайсын просил Юрия Николаевича Верченко пригласить «лучшего поэта Чечено-Ингушетии и одного из талантливейших ныне поэтов Кавказа – Джемалдина Яндиева» делегатом на V съезд писателей СССР. Основания были разные и одним из них было: «...ведь кроме прочего, Джемалдину Яндиеву в этом году исполняется 80 лет. Очень и очень прошу, дорогой Юрий Николаевич, пригласить на съезд в качестве гостя этого замечательного лирика. Иначе я буду весьма огорчен и буду чувствовать себя неловко. Сделайте, пожалуйста! Это будет очень справедливо.

Уверенный, что все будет сделано, заранее благодарный, с уважением к Вам и сердечным приветом

Кайсын Кулиев»

Лирическое послание «Не плачь...» (1951) написано Кулиевым во Фрунзе, где он жил и работал в Союзе писателей Киргизии. Оно имеет подзаголовок Джемалдину Яндиеву. Яндиев так же, как и все поэты насильственно высланных народов, не имел право печататься. Вероятно, чтобы как-то морально поддержать своего коллегу по перу, укрепить его дух верой и надеждой на лучшее, Кулиев и написал к нему маленькое лирическое обращение, состоявшее всего из двух четверостиший. Обратимся к началу стиха:

Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака.
Что в небе плавают вокруг:
Кого не бьет беды рука? [12].

Вопросительное предложение «Кого не бьет беды рука?» имело обобщающий характер, то есть очень многие народы многонациональной России пережили то же самое, что и ингушский этнос, и сам поэт, разделивший участь своего народа. Можно только предполагать, что имел в виду Кулиев, когда обращался к поэту: «Ты не прав: будь мудр – кто потерял коня, не плачет, плетку потеряв!». Биографическая память Кулиева сохранила то, о чем тогда спорили поэты, отстаивая в дружеском общении свои моральные и эстетические принципы, но о них ничего не сказано в послании «Не плачь...».

Поэтический перевод этого произведения осуществил мастер художественного слова, поэт Николай Тихонов, умолчав о главном. В оригинале послания Кулиев писал так:

Жилияйма, тенгим, сабыр бол
Бу кечеги кекде баргъан
Булутла. Айтырым бу:
Кимди палах сынамагъан?

Сени тас этгенингден кеп
Тас этерге амал болмаз.
Сабыр бол. Атын тас этенн
Къамичисине жилимайд [13].

1951. Къыргъызстан

«Проблема общения душ, разумеется, охватывает все этапы жизни каждого человека, – пишет Ф. Хараев. – И тогда, когда душа формируется, и тогда, когда трудно другому передать всю глубину внутренней жизни... Всегда общение, дружба остаются самым высоким Божественным даром, питающим душу светом и счастьем» [14]. У Кулиева на протяжении всей его жизни было желание общаться с друзьями, со своими земляками, с духовными учителями в поэзии. Может, поэтому в среднеазиатский период он обратился к жанру посланий и посвящений. Образная иносказательность, аллегоричность в стихах-посланиях и посвящениях была по-особому кулиевской, потому что она была по своей художественной точности и выразительности воплощением авторского замысла. Так, стихотворение «Камень и песня» («Таш бла жыр». 1956) было написано в год возвращения балкарского народа на свою историческую родину после тринадцатилетней насильственной высылки в Среднюю Азию и Казахстан. Посвящалось оно армянскому поэту Аветику Исаакяну. Поэтическое творчество Исаакяна стало для Кулиева бесценным духовным богатством, когда балкарский поэт жил во Фрунзе и испытывал многие трудности. И хотя различны время и исторические условия их жизни, можно, однако, проследить то общее, что их связывало как художников слова, их гуманистические и гражданские позиции. Приведем известные строки Исаакяна:

К чудесному нагорному, зеленому,
В весенних розах склоню я прильну.
К дыханью материнскому, бездонному,
Что шевелит пшеничных нив волну.

Это о родине и о себе писал Исаакян в далеком 1935 г., когда тосковал в Париже об Армении. Этих волнующих строк любви к родному краю, земле отцов не мог не знать Кулиев; он имел под рукой «Избранные стихи» А. Исаакяна, купленные во Фрунзе в 1945 г. Да и сам Кулиев признавался: «А сколько я испытал радости, читая и перечитывая эту книгу...». Признание Кулиева – не просто эмоциональная информация, это духовное потрясение от немеркнувшего прометеява огня поэзии Исаакяна. И не просто сходные мотивы и настроения мы находим в стихотворении Кулиева «Родной земле», написанном в эти годы, а новую трактовку исаакяновской тоски по отчей земле:

Став глухим, я буду слышать, знаю,
Шум листьев там, в родимой тишине,
И, став слепым, моя земля родная,
В твоих горах не заблудиться мне [15].

Пер. Н. Коржавин

Так писал Кулиев, обращаясь к любимой Балкарии. В одном из своих воспоминаний он признался: «Исаакян был одним из тех поэтов, которые спасли меня в тяжелые дни моей жизни. Иначе и не могло быть. Гуманист и скиталец, многие годы тосковавший по огню родного очага, он был мне очень близок, стал опорой и поддержкой...».

Классику армянской литературы Кулиев посвятил еще одно стихотворение «Босагъабызны кюн жылытханды» («Солнце грело наши пороги»). Оно написано на пять лет раньше, чем стихотворение «Камень и песня» («Таш бла жыр»). В 1951 г. Кулиев писал:

Босагъабызны кюн жылытханды,
Манга эшикни ач, анам.
Жашынг жараларындан талгъанды,
О, къучагъангы ач, анам!.. [16].

В радостный солнечный день,
Обогревший порог твоего дома,
Открой дверь, мама, твоему сыну,
Уставшему от ран!

Подстр. пер. С. Эфендиева

В этом же, 1951 г. Кулиев написал еще одно четверостишие, посвященное Аветику Исаакяну. Оно имело глубокий социально-философский смысл. Приведем эти строки, как они были написаны на родном языке:

Ол манга сын боллукъ таш къайда жатад?
Аны къайда жаун жууад, къар жабад?
Ким билед, мен бир къайгылы кюнюмде
Олтургъан болурма аны юсюнде... [17].

Где тот могильный камень, который будет мне
памятником?
Где он лежит, омываемый дождем и засыпанный
снегом?
Может быть, в беспокойные дни
Я сидел на этом камне...

Подстр. пер. С. Эфендиева

У трудных годов – свой отблеск, горьким пеплом высвечивает он память прошлого. Острее становится ощущение нерасторжимой связи прошлого и настоящего. В этом смысле Кулиев и Исаакян очень похожи. И тот и другой мечтали (конечно, каждый по-своему) почувствовать сладость «дыма Отечества», находясь вдали от родного края. Стихотворение «Таш бла жыр» (1956), посвященное Исаакяну, небольшое, всего четыре четверостишия, повествует о том, как старый поэт шел из города и увидел уставшего каменщика, тесавшего у дороги камень и певшего песню, которую когда-то сложил поэт... День был жаркий. Стояли горы, похожие на стадо буйволов, собравшихся тесным кольцом. Между каменщиком и поэтом произошел краткий разговор. Поэт спросил: «Кто сложил эту песню и о чем она?» И получил неожиданный ответ, что эту песню всегда пели и поют в народе, она любима и ее невозможно передать простыми

словами. «Нам даже двоим не под силу сочинить такую песню!» – ответил каменщик.

Обратимся к оригиналу стихотворения «Таш бла жыр» («Камень и песня»):

Кюн тюшде къарт поэт, шахардан чыгыб
Бара,
Кергенд шахарны кыйырында:
Ташчи жырлай эди, турса да арыб,
Ол таш жона тураед жол жанында.

Исси кюн.
Геммешле быттым эткенча,
Басыныб эдиле таула. Къарт поэт
Ташчыны къатына барды, тенгича
Ол ташчы жырлагъан жыр аныкъыед.

– Айтчы, шуйохум,
жырлагъан жырында
Нени юсюнден жырланад, ким эткенд?
Ташчы да къарады: аны аллында
Бир къарыусуз къарт кишичик сюйелед.

– Ангылайалырма, къартчыкъ,
аны? –
Дейд ташчы ол жырны эткен адамгъа. –
Ташчыла кеб жыл жырлайла бу жырны,
Экибизге къайда аллай жыр тагъаргъа! [18].

Жанровая сценка встречи двух людей – каменщика и поэта – и кажущаяся простая беседа между ними метафоричны, насыщены поэтическими фигурами и эпитетами, характеризующими и старого поэта, и усталого каменщика. К сожалению, это стихотворение Кулиева не переведено на русский язык, совсем неизвестно русскому читателю, а оно очень интересно по идейно-эстетическому замыслу еще и потому, что посвящено великому армянскому лирику Аветику Исаакяну, сыгравшему большую роль в поэтической судьбе Кайсына Кулиева.

После смерти А. Исаакяна дружба Кулиева с этой семьей не прекратилась. Каждый свой приезд в Ереван Кулиев заходил к ним – поведать, поговорить с сыновьями поэта. К праздникам он получал от них поздравления. Вот что они писали 4 января 1977 г.: «...Ваша поэзия бесконечно дорога нам, она часть нашей жизни, продол-

жение дела Аветика Исаакяна. Пусть Новый год принесет счастья славному балкарскому народу, его сыновьям и дочерям. Всегда с Вами – Виген и Авак» (ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 57, л. 1.) [19].

Тесная дружба с этой семьей началась, когда Кулиев приехал в Армению на празднование 100-летия со дня рождения Аветика Исаакяна. Все республиканские газеты печатали статьи об Исаакяне. Была напечатана в газете «Коммунист» (Ереван, 1975. 17 окт.) и статья доцента кафедры русской литературы КБГУ Т. Е. Эфендиевой «Духовное родство: о К. Кулиеве и А. Исаакяне». Была в Ереване опубликована и другая ее статья – «...Многим я обязан армянской культуре»: о влиянии армянской культуры на творчество Кайсына Кулиева (Литературная Армения. Ереван. 1977. № 8. С. 13–18). О первой статье Кулиев знал. Он читал ее, одобрил и разрешил печатать. Об этом свидетельствует письмо Кулиева, написанное им 16 марта 1975 г. из Москвы, где он в это время находился по делам службы. Левон Мкртчян был одним из друзей Кулиева. Они переписывались, иногда встречались в Ереване, Москве и Нальчике.

«Милый Левон, здравствуй! – писал Кулиев. – Очень жаль, что мы так давно не видимся. Но я уверен в том, что ты здоров по-прежнему... А я старею и тоскую, бездельничая, стал бродягой.

Тамара Эфендиева читала мне свои заметки, в которых говорит о моей любви к Аветику Исаакяну. Мне, разумеется, неловко читать и слушать даже в малой степени сопоставление и сближение с великим лириком века, но я вынужден был выслушать. Я попросил сделать маленькие добавления, то есть ввести главное. Сделай это.

Кланяюсь твоей земле, Арарату, памяти великих, твоему дому! А тебя обнимаю с неизменной любовью.

Твой Кайсын Кулиев [20].

Время и автобиографичность стихов-посланий и посвящений Кулиева своим друзьям и литературным собратьям по перу были строго подчинены духу кулиевского миропонимания и его эстетическим принципам. Он специально обращал внимание на форму и содержание

стиха, его стиль и добивался гармонии мысли и слова даже в небольшом лирическом стихотворении. Стремясь в минимальном количестве слов выразить максимум содержания, Кулиев часто прибегал к таким средствам образной выразительности языка, как сравнение и метафора. Это видно в стихотворении «Левону Мкртчяну» (1985), в котором много сердечности и теплоты. Вот начало стихотворения:

Мы братья – и балкарцы, и армяне.
Не раз в краю, что дорог нам и мил,
Я говорил с тобой, как с Чиковани,
Любовь, как Сагияну, я дарил.

Делили мы с тобой и хлеб, и слово,
Поэзия свой цвет дарила нам.
Чье мастерство, что есть всему основа,
Мы кланялись с тобою мастерам.

Твой дар был нужен всем – лишь хлебу равен.
Как благодарен я судьбе моей,
Что дни, когда бедою был я ранен,
Умом, талантом делал ты светлей [21].

Пер. Д. Долинский

Это стихотворение написано, когда Кулиев лежал в больнице и осознавал свой скорый уход. Его навещали друзья, был в числе них и Левон Мкртчян, который потом приехал на похороны в Нальчик, чтобы навсегда проститься с Кайсыном. «Ушел к судьбе», – это было слово прощания Левона Мкртчяна, а его автобиографическая память запечатлена в небольшой книжке «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван, 1997). Эту книгу воспоминаний о Кайсыне Кулиеве проф. Левон Мкртчян привез на 80-летие со дня рождения своего друга, когда общественность Кабардино-Балкарии в Нальчике торжественно отмечала эту дату.

Левон Мкртчян был большой личностью в Ереване, крупным ученым. Он был деканом факультета русского языка и литературы Ереванского госуниверситета, видным литературоведом и критиком, членом Союза писателей СССР. О нем написано послание «Мне часто кажется, что я...» на армянском языке, автором которого является известный поэт Армении Амо Сагиян. Перевел

это послание на русский язык Михаил Дудин. В этом небольшом поэтическом обращении как бы подведен итог размышлениям о прожитой жизни (самого автора или того, с кем шла беседа):

Мне часто кажется, что я
Жизнь проиграл свою. Все дни
Свои пустил на ветер, а любовь
Отдал быстротекущему потоку.

Пер. М. Дудин

Более подробно о творческой дружбе К. Кулиева и Л. Мкртчяна рассказано нами в третьем томе многотомного издания «Кайсын Шуваевич Кулиев: Друзья поэта» (Нальчик, 2000) в очерке «Кайсын Кулиев и Армения».

В стихах-посланиях о друзьях исследователи творчества Кулиева обратили внимание на значение этих образов не только в литературном плане, но и острое мышления поэта, на образной силе его мысли, в которой есть ясность, лаконичность и строгость. Дело здесь не только в прямом использовании художественных образов, но в целой гамме разнообразных средств, усиливающих чувственно-образный строй кулиевской речи. Кулиев, по общему признанию многих литературоведов и критиков, — мастер слова и замечательный стилист. Он умело использовал художественные средства родного языка, поэтому его многие произведения считаются шедеврами балкарской литературы. В стихах-посвящениях и посланиях есть продуманная логика почти каждого слова, оригинальные по красоте конструкции фраз и четверостиший (примером может служить стихотворение «Жизнь на земле не убить», посвященное памяти Индиры Ганди). Кроме того, Кулиев умело использовал в таких стихотворениях художественно-образительные средства: метафоры, аллегории, эпитеты, сравнения, гиперболы, риторические обращения и восклицания. Все эти особенности можно увидеть в стихотворении «Мухтарда кьонакьда» (1955), посвященной казахскому писателю Мухтару Ауэзову (1897–1961), которого Кулиев знал лично, бывал у него в гостях, был знаком с его произведениями, такими, как «Путь Абая», где рассказывалось о великом казахском поэте Абае Кунанбаеве. Этот двухтомник, вы-

шедший в 1952–1956 гг., Кулиев прочитал, когда жил и работал во Фрунзе.

Стихотворение «Мухтарда кьонакьда» («В гостях у Мухтара») на русский язык, к сожалению, не переведено, но можно поверить в бесспорные художественные достоинства этого замечательного произведения об известном писателе Мухтаре Ауэзове, с почетом и лаской принимавшем в своем гостеприимном доме молодых и старых литераторов. Вот два первых четверостишия:

Аулакъла жырлары бла махтау блача
Къуршаланган жазычуда кьонакьда эдик.
Чал тамата Сабит жарык эди тойдача.
Мухтар:
– Культурала кьардашдыла, – дей эди.

Ай, кюфю кьач мирезуден толгъан юйбийчеча,
Алма-Атаны башиндан жарыкъ кьарай эд.
Биз жарык олтура эдик, бирге есгенча,
Мухтар культурала кьардашлыгъын айта эд

Жулдузла кьар тау башында,
Суукъ болгъанча,
Кьалтырай, хар жулдуз алгъыш сезча жана эд.
Мухтар культурала шуйохлугъун айта эд [22].

Каждое из этих четверостиший заканчивалось восторженными словами Кулиева: «А Мухтар говорил и предлагал тосты за дружбу и братство культур». Седобородый тамада Сабит и все приглашенные гости безмерно радовались душевному гостеприимству и широкому застолью, а Мухтар: «Культурала кьардашдыла, – деди. («За братство культур, – он говорил»).

Простота, ясность и лаконичность слога стиха «В гостях у Мухтара» достигались за счет оригинальных сравнений: гости гордились знаменитым писателем, как ущелья гордятся своими песнями; луна похожа на полные закрома зерна, что стоят у хозяйки и др.

Стихи-послания, стихи-посвящения были излюбленным жанром в поэзии Кулиева и оказались важной вехой в развитии этого жанра в балкарской поэзии XX века, потому что этот жанр позволял соответствовать той этике, которая позволяла писателю быть свободным и мыслящим человеком, независимо от идеологических установок

социалистического реализма. Интересно в этом плане рассмотреть стихотворение Кулива «Подарок другу» (1984), адресованное А. К. Нурпеисову, известному казахскому писателю.

Их дружба относится к началу 70-х гг. Кулиеву было 50 лет. Нурпеисов был на семь лет моложе, он был одним из видных прозаиков Казахстана. Его роман «Курляндия», вышедший во второй редакции под названием «Долгожданный день» (1956), и историко-революционную трилогию «Кровь и пот», за которую ему была присуждена в 1974 г. Государственная премия СССР, знали все. Кулиев одним из первых поздравил друга со столь высокой наградой. Они оба стали в один год лауреатами Государственной премии СССР. Кулиеву она была присуждена за сборник стихов «Книга земли». Председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям Н. С. Тихонов в статье «Гордость советской литературы» отмечал заслуги Абдижамила Каримовича Нурпеисова (1924 г. р.) и Кайсына Шуваевича Кулиева (1917 г. р.) перед всей нашей многонациональной литературой. Пятидесятилетний казах и пятидесятисемилетний балкарец были наконец-то удостоены внимания правительства и признания их заслуг перед советской культурой, которой служили верой и правдой в течение всей своей сознательной жизни. Оба пережили одни и те же чувства, когда были в Кремле и им вручали награды, и когда отмечали со своими друзьями и родственниками это событие.

Кулиев получил по этому поводу телеграмму. «Дорогой мой Кайсын, – писал Нурпеисов, – безмерно рад награде. Мы ликуем всей семьей, со всеми твоими, как ты сам знаешь, искренне любящими тебя друзьями по поводу присуждения тебе Государственной премии СССР» (ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 103).

Сочинения в четырех томах, изданные в Алма-Ате на казахском языке, Кулиев не читал. Это желанное событие для А. К. Нурпеисова произошло в 1981–1982 гг. Кулиев в это время много болел, лечился в разных больницах; ему оставалось жить только три года. Кайсын Кулиев знал, что его друг много работает, издал очерки «Край голубых озер» в Москве в 1979 г. и подготовил к изданию свои сочинения в трех томах. Как всегда, Кулиев радовался успехам друзей и в письмах к Нурпеисову не

раз восхищался его трудолюбием и талантом. Нурпеисову посвящено одно стихотворение – «Подарок другу», которое входит в цикл стихов «Зимняя тетрадь» в переводе Л. Шерешевского.

Зная о своей роковой болезни, Кулиев обращался к своим друзьям: Аркадию Кулешову, Сибгату Хакиму, Чингизу Айтматову, Мирзо Турсун-заде. Аркадия Кулешова уже не было в живых, но Кулиев почему-то вспоминал и его в эти тяжелые годы.

Вот это небольшое стихотворение особого стиля и кажущегося бытовым по содержанию:

Один из друзей моих, добрых и старых,
Писатель Нурпеисов Абдижамил,
Чей слог так чист и талант так ярок,
Как-то привез мне прекрасный подарок,
И я с благодарностью его сохранил.

Особенно им я доволен, – не скрою, –
Когда снег на деревьях и снег вдоль дорог:
Порою студеною и ветровою
Дар друга мне голову греет зимою
Уже пятый год. Немалый срок!
Халат из бархата и шапку кунью
Привез мне в подарок Абдижамил,
Чтоб я и в морозные полнолуния,
И в дни, когда воеет вьюга-колдунья,
В Чегеме голову не простудил.

Моя голова, – умна ли, глупа ли, –
Одна у меня. Природа строга:
И, как бы о том вы ни хлопотали,
Другую голову дадут вам едва ли –
И каждому его голова дорога...[23].

Пер. Л. Шерешевский

В содержание стиха вошли воспоминания поэта автобиографического характера: в дни, когда общественность республики отмечала шестидесятилетие Кулиева, Нурпеисов подарил ему бархатный халат, меховую шапку и другие подарки. Не вдаваясь в подробный психологический анализ разнообразных сторон быта в Чегеме, «когда воеет вьюга-колдунья», Кулиев все внимание читателя заострил на подарках друга, привезенных из Казахстана.

Действительно, это было все так: как посол от казахского народа Нурпейсов вручил Кулиеву в музыкальном театре Нальчика под аплодисменты всех присутствовавших эти подарки. Все пришли в восхищение при виде поэта в этом роскошном восточном наряде. Через несколько лет Кулиев воспроизвел этот факт биографии в художественном слове.

Многие стихи этого жанра навеяны личными воспоминаниями, тем, что было когда-то с поэтом. К таким произведениям можно отнести посвящение Кулиева «Над старой книгой горских песен» (Памяти Эффенди Капиева), которое он написал в 1946 г., будучи в Средней Азии.

Кайсын Кулиев был моложе Эффенди Капиева на восемь лет, но он хорошо знал его по многогранной работе в области национальной культуры в Дагестане и был лично с ним знаком. Капиев был выдающейся личностью, и Кулиев всегда сожалел, что умер он так рано: 35 лет от роду! А у него было много творческих замыслов, которые он не успел осуществить, так же помешала Великая Отечественная война, участником которой он был.

Эффенди Мансурович Капиев – лакский поэт, один из представителей многонациональной литературы республики гор. Родился он в начале столетия – 13 марта 1909 г. в древнем высокогорном дагестанском ауле Кумух. Умер в 1944 г. в одном из госпиталей Пятигорска. «Ему воздала почести, как бойцу, воинская часть залпом из автоматов. На следующий день глубокий снег выбелил землю. Легла зима», – писала Наталья Капиева в своей книге «Жизнь, прожитая набело» (М., 1975. С. 315). Эта книга и другие написанные ею труды по литературоведению будут многократно переиздаваться в Москве, как и произведения Эффенди Капиева в России и зарубежом. Так, в 1972 г. в Праге на чешском языке был выпущен в свет «Фронтовой дневник» Э. Капиева под названием «Неоконченная мозаика» (Пер. В. Тафеловой).

Время духовных исканий этого замечательного поэта Дагестана падало на 30-е и 40-е гг. XX столетия. За одно десятилетие ему удалось сделать очень многое для развития национальной художественной культуры: он был истинным собирателем литературных сил республики, одним из первых прозаиков, публицистом и

литературным критиком, собирателем народных песен, переводчиком стихов Сулеймана Стальского на русский язык. Перевел он в то время с аварского и повесть Р. Динмагомаева «Как он ушел», печатавшуюся тогда в газете «Красный Дагестан» (1931. 27 сент.). Э. Капиев активно участвовал в литературной жизни Дагестана. Так, в 1932 г. ДАПП (Дагестанская ассоциация пролетарских писателей) была реорганизована в ДССП (Дагестанский союз советских писателей). Ответственным секретарем этой обновленной творческой организации был Эффенди Капиев.

Или другой факт. В том же году был создан первый пленум оргкомитета Дагестанской писательской организации, на котором были обсуждены ход перестройки в литературных объединениях и некоторые особенности усвоения принципов социалистического реализма дагестанскими писателями. На пленуме с докладом выступил Эффенди Капиев. Был он и ответственным секретарем литературно-художественного и публицистического журнала «Штурм» на русском языке, о чем сообщалось в «Вестнике Дагестанского научного центра» РАН (Махачкала. 2000. № 7. С. 108, 109).

Уже в конце 30-х гг. его книга «Резьба по дереву» обсуждалась в Союзе писателей СССР. На этом обсуждении присутствовал Кайсын Кулиев. Вспоминая это событие в жизни лакского поэта, Кулиев писал: «...Участники этого разговора высоко оценили книгу. На меня она произвела ошеломляющее впечатление. Думаю, я не столько понял тогда ее значение, сколько ощутил ее поэтичность, выразительность, колорит. Завидная судьба ждала эту книгу, которую осмелюсь назвать шедевром горской поэзии». Эта высокая оценка первого поэтического сборника стихов Эффенди Капиева дана Кулиевым в его статье «Я рад, что знал его», помещенной в книге «Так растет и дерево» (М., 1975).

В 1940 г. «Резьба по дереву» была напечатана. Тогда же, летом, Кулиев был призван на службу в Красную Армию и взял с собой эту книжечку маленького формата в твердом переплете. «...Меня иногда просили принять участие в вечерах художественной самодеятельности,—

писал Кулиев в этой же статье. – На первом же вечере я прочитал наизусть капиевского «Хочбара». Тогда я был пленен этой трагической песней».

Духовный поиск Эффенди Капиева середины XX столетия – сложный и многогранный художественный процесс, в котором отразились характеры, судьбы и творческие черты, свойственные его поколению, особенно тем его сверстникам-писателям, которым не суждено было дожидаться Великой Победы в Отечественной войне 1941–1945 гг. Их биографии, подвиги, труд, мечты и мысли нашли художественное отражение в книгах «Поэт», над которой он стал работать с лета 1938 г., и в «Избранном», выпущенном в Москве после войны.

Подчеркивая роль и значение Эффенди Капиева в развитии культуры молодой Дагестанской Республики и его духовное влияние на горских поэтов, Кулиев писал: «...Мое общение с Эффенди Капиевым не кончилось на нескольких случайных встречах и не кончится, пока я живу. Поэт остается жить в своих книгах, в них его сердце, мысли, все существо. Часто, очень часто я беседовал и беседую с поэтом Эффенди Капиевым, еще и еще раз возвращаюсь к его прекрасным книгам «Резьба по дереву», «Поэт»...».

Капиев относится к русскоязычным поэтам. Он писал все свои произведения только на русском языке. Его творчество высоко оценили и другие писатели и поэты России. Так, творчеством Капиева, его духовной и общественной деятельностью восхищался поэт Николай Тихонов, будучи в Махачкале 12 июня 1938 г. в составе московской писательской организации. С Тихоновым были П. Павленко и В. Луговской. Тогда они встретились с лезгинским поэтом Сулейманом Стальским и аварским мудрецом Гамзатом Цадаса. Побывали эти московские писатели и в гостях у Эффенди Капиева. В очерке «Сердце гор» Тихонов писал, что в скромном жилище Капиевых кипела большая интересная жизнь, которой могли позавидовать столичные литераторы: в этом непросторном доме был простор для мыслей, дискуссий, проектов, ибо «здесь охотно бывали писатели и поэты, потому что хозяева гостеприимно приветствовали людей, как они, влюбленных в литературу, в искусство, историю. Здесь можно было

посидеть, поспорить, узнать всегда что-нибудь новое, увидеть молодых, начинающих литераторов...» (Тихонов Н. Двойная радуга. М., 1969).

Дружба Кулиева с семьей Эффенди Капиева продолжалась и после его смерти. Жена Эффенди Мансуровича – Наталья Капиева – переписывалась с Кайсыном Кулиевым, зная, что он остался верным светлой памяти ее мужа, необыкновенно одаренного лакского поэта и замечательного человека-горца. Таким она описала его в своей книге «Жизнь, прожитая на бело» (М., 1975).

Через два года после смерти Капиева Кулиев написал посвящение «Над старой книгой горских песен» (1946). Впервые оно было опубликовано в сборнике стихов Кулиева «Горы» (М., 1957). В этом посвящении балкарский поэт утверждал, что имена истинных поэтов не будут забыты потомками, будущими поколениями своих соотечественников («...Уходим мы из мира, песням нашим давая жить гораздо дольше нас»). Или:

.....
Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни – наш подарок им.

Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильней,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней! [24].

Пер. Н. Тихонов

К этому посланию Кулиев взял эпиграфом слова самого Эффенди Капиева. Н. Тихонов этими словами назвал свой поэтический перевод.

В декабре 1946 г. во Фрунзе Кулиев так закончил свое посвящение:

Жырла – кеткен кюнлени жюрегин
Алыб, учуб келген къанатлыла
Заман алада къайды желин,
Заманны жыйысыдыла ала... [25].

Это посвящение довольно большое по объему. Оно состоит из девятнадцати четверостиший и было одним из первых стихов Кулиева, переведенных на русский язык

известным советским поэтом Николаем Тихоновым. Прошло только два года после 9 Мая – Дня Великой Победы в Великой Отечественной войне. Кулиев в это время находился в ссылке, но он не пал духом, а много работал: изучил киргизский язык, переводил стихи местных поэтов на русский язык, писал стихи и поэмы о родном крае. Посвящение Капиеву «Над старой книгой горских песен» не только о том, что их имена останутся в исторической памяти народа, но и о мужестве, о котором поэт много писал, будучи в Средней Азии на положении спецпереселенца.

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но, раненый, отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою [26].

В статье «Кязим Мечиев и восточная поэзия» (1970), вернее, из доклада на зональном совещании, организованном АН СССР, Кулиев говорил: «Человек должен жить своим умом, волей, мужеством, побеждая все трудности, которые встречаются на его пути... Ему необходимы стойкость, храбрость перед врагами, мужество в жизни» [27]. Эти качества личности Кулиев видел в Эффенди Капиеве и был убежден в том, что этот лакский поэт был во многом новый для дагестанской поэзии, что он опередил время в своем творческом развитии и с огромной силой чувства и мысли писал в стихах о том, о чем будут писать дагестанские поэты, спустя многие годы.

Вы, песни мне оставившие эти,
Похвал за подвиг в мире не искав,
Иди за сердцем и за все в ответе, –
«А если я погибну», – не сказав.

Вы сравнивали в песнях зубы милых
Со снегом гор, над пропастью вися,
За эти строки первозданной силы
Ни у кого оплаты не прося [28].

О многом хотел сказать Кулиев в посвящении Эффенди Капиеву: о его большом вкладе в формирование дагестанской литературы и в целом о развитии культуры этой многонациональной республики Кавказа, о граж-

данской зрелости этого талантливового национального писателя, о своей благодарности за его труд:

Примите же вы мой поклон глубокий,
Вы живы, вы со мною наяву,
Коротких дней. как вы, имея сроки,
Я, в песни превращая их, живу [29].

1946–1948 гг. для Кулиева были трудными, но плодотворными. В начале 1948 г. Кулиев много времени посвятил работе над поэмами «Завещание», «Огонь», «Сerp» и «Стихам, сказанным в честь Киргизстана», которые посвятил Аалы Токомбаеву. Работал поэт истово и находил в ней радость откровения. Так, в письме писателю Ю. Н. Либединскому от 13 января 1948 г. Кулиев сообщал: «...Писать я продолжаю независимо ни от чего. Это для меня так же необходимо, как дыхание» [30].

В 1948 г. Кулиев задумал написать балладу о французском коммунисте, попавшем в руки гестапо и замученном в фашистском концлагере в 1942 г. Свое произведение Кулиев закончил в апреле 1948 г. и назвал его «Баллада о Габриэле Пери», о чем и сообщил известному критику В. Ц. Гоффеншеферу в своем письме к нему: «...Последняя моя вещь большая – «Баллада о Габриэле Пери». Я бы очень хотел почитать Вам свои вещи, написанные после нашей разлуки» [31]. Но Кулиев эту вещь отослал не Вениамину Цезаревичу, как того желал, а Борису Пастернаку, с которым переписывался в эти годы. Борис Леонидович, получив стихи Кулиева и его балладу, писал ему от 6 апреля 1948 г.: «...Это ответ на Ваше письмо и пакет с подстрочниками... Мне нравится все, «Пери» больше Кедрина, но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение непроизвольно врывающейся извне и лежащей на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних: «Над старой книгой горских песен» и «Охотникам, заблудившимся в ущельях». Кулиев – молодец, что и говорить...» [32].

Это произведение Кулиева не переведено на русский язык. Оно напечатано в «Избранном» в двух томах на балкарском языке (*Кулиев Кгайсын*. Сайлама. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 82–85). Подстрочники к нему написал сам поэт. К сожалению, в архиве Кайсына Кулиева их нет, хотя мы

неоднократно работали над его литературным наследием, но ни подстрочников, ни поэтического перевода не обнаружили.

Его (в нем 95 поэтических строк) можно считать стихотворным посвящением, а можно с полным правом отнести и к другому жанру, который определил сам поэт, назвав свое произведение балладой (баллада – это особый героико-драматический жанр, который имеет богатую многовековую историю и достигает своих вершин в письменной литературе – под пером Данте, Петрарки, Бернса, Гете, Мицкевича, Ботева, Жуковского, Пушкина, Шевченко, И. Франко, Н. Тихонова, М. Светлова и других). К этому жанру Кулиев обратился еще в годы Великой Отечественной войны, поскольку баллады военного времени Н. Асеева, А. Суркова, А. Яшина, А. Малышко, П. Бровки, А. Твардовского, М. Нагнибеды, А. Ерикеева, К. Агумаа, вероятно, влияли на жанрово-стилевые особенности поэзии начинающих литераторов, каким был и Кулиев. Его баллады можно условно подразделить на три группы: героико-романтические, реалистические и лирико-психологические, хотя это деление несколько условно, потому что в той же «Балладе о Габриэле Пери» есть и объективные военные события, душевные потрясения, страдания замученных людей и романтика подвига во имя жизни других. У Кулиева «Габриэль Пери» преимущественно напоминает стихотворение, имеющее героический сюжет. Трагедия человеческой судьбы одного человека – в данном случае известного французского коммуниста Габриэля Пери – находится в центре внимания читателя.

Начало этого посвящения сразу вводит в трагическую атмосферу военного времени: в мире идет война, и ночные звезды на кровавом небосклоне, как и глаза матерей и сестер, оплакивают погибших. Об этих драматических событиях, умело используя сравнения, олицетворения («къандан толуб кечелени кезлери») и повторы («Уруш. Уруш»), поэт пытался рассказать с самых первых строк:

Дуньяда уруш.

Къандан толуб кечелени кезлери.

Уруш. Уруш. Аналаны, згечлени кирпиклери

Жилямукъдан къурумай.

Тауушундан къурчну, темирни

Толуб къарлы кечелери, кюнлери да мудах жерни [33].

Особая отчетливость выделения слов в этой части баллады достигалась путем повторения слова «Уруш. Уруш. Уруш» (Война. Война. Война). И первое предложение «Дуньяда уруш» (В мире война) сразу говорило о напряженности, о драматизме внутреннего состояния автора, который воочию видел наполненные слезами глаза матерей и сестер. И здесь же, для усиления передачи силы чувств людей, Кулиев умело использовал сравнения и метафоры. Через сравнения он рисовал причины огромной беды, обрушившейся на них. Кровавый небосклон и ночные глаза звезд, наполненные кровью, — это не что иное как олицетворение: явление природы уподоблено свойствам живого существа. Эта метафора в еще большей степени, чем сравнение, способствовала усилению образной яркости воспроизведения военной действительности 1942 г., самого драматичного года Великой Отечественной войны.

Ода, как известно, требовала высокого слога, торжественной интонации, громких звуков. И это соблюдено в оде Кулиева:

Жырылдауу танк гусеничаланы, тоб чархларыны

Кечеледе бузлагъан къары юсюнде дуняаны.

Кюнле озалла.

Аланы толтуруб турад къурч таууш,

Кечеле етелле. Жер юсюнде уруш, уруш, уруш [34].

Скрежет и гул гусениц танков, шум от колес машин и артиллерийских залпов — все это терпела скорбная земля, по которой шла война, война, война в нескончаемые снеговые дни и ночи («Жер юсюнде уруш, уруш, уруш»). С первых строк баллады Кулиев хотел показать, что идет кровавый бой на всей земле. Пожар войны охватил всю Европу, и вот он в прекрасной Франции, морозную ночную тишину которой грубо нарушил стук сапог вражеских солдат («Ол аламат Францияны кечелери бузлагъан жау солдатла чурукъларыны тауушларындан толгъанд»). Лучшие люди страны встали на защиту свободы. Они близки сердцу поэта, как патриоты своей родины.

Патриотическое чувство в оде не отвлеченное понятие, а глубоко личное. Поэтому Кулкев использовал в этой части оды функции образа родной природы. Обращаясь к Габриэлю Пери, он писал:

Габриэль Пери!

Бир заманда да сен эштмеген тилимде
Махтайма сени сен кермеген таулары этегинде.
Кечеледе, бийик къар тау теппелеге къарагъанлай,
Айланганма мен,
Сени юсюнгден назумму мурулдай.

Я посвящаю тебе стихотворение, написанное
На своем родном языке, которого ты никогда не слышал.
Хвалю тебя, находясь у подножья гор, которых ты не видел.

Подстр. пер. С. Эфендиева

Использование этноприроды связано с социокультурной и философской проблематикой оды: народные герои не умирают в исторической памяти людей. Они, как высокие вершины гор, будут вечно служить примером и для их мужества даже смерть не страшна. Оно останется всегда высоким и чистым, как небо над родными горами:

Мен бийик тау теппелерине уа къарай эдим андан:
Кишилигинг тазады, бизни кекча таула башында.
Сени кибикле чыгъадыла ма аллай бийиклеге,
Таб елюм да тюзюралмайды аланы андан эншге.

Средства образной выразительности языка Кулиева в этой оде универсальны. Одним из таких средств явилось сравнение. Оно осуществляло не только описательно-образительные, но и эмоционально-выразительные функции как и в следующем отрывке:

Пери!

Жырлары сезлери да сенича жигитлеге
Алынадыла ма аллай жылтырагъан бийикледен.
Чынтды жыр да туугъан эгечиди чынтды кишиликни,
Экиси да кезлерилле адамда бек игиликни.

Подстрочный перевод с балкарского на русский язык дает слабое представление о том, как и что хотел выразить Кулиев, когда писал, что слова песни для таких героев, как Габриэль Пери, берут не только из сердца, но их под-

сказывают и сверкающие вершины гор. Сравнивая свое творческое состояние с явлениями окружающего мира, Кулиев пытался сказать, что истинная песня как родная сестра мужеству и благородству; они сродни друг другу («Чынтды жыр да туугъан эгечиди чынтды кишиликни, экиси да кезлерилле адамда бек игиликни»).

В этом посвящении характер Габриэля Пери не получил подробного изображения. В нем подчеркнута лишь одна, наиболее существенная черта героя – его мужество, стремление к свободе. И это потому, что поэт уделял внимание наиболее напряженным эпизодам, решающим моментам: первые два года войны, вторжение врагов во Францию, арест борца за свободу Пери и его пребывание в одиночной камере тюрьмы, допросы и угрозы, нравственный выбор героя. Так, ему предстоял выбор стать предателем ценою жизни или умереть. Габриэль Пери выбрал смерть:

«Елюм!» – деди къаты еню бля Габриэль Пери.
Ол сезден фашист къалтырады,
Кезлерин кенге кериб.

«Смерть!» – сказал Габриэль Пери и встретил взгляд удивленно на него смотревшего фашиста.

Подстр. пер. С. Эфендиева

В балладе, как известно, предметом изображения является не только определенный случай, как в данном произведении, – насильственная гибель борца за свободу Франции Габриэля Пери, но и эмоциональное отношение автора к нему. Эмоциональное раскрытие внутреннего состояния Кулиева в ряде случаев усиливалось в содержании посвящения таким приемом, как употребление повторения отрицательной частицы «не» с глаголом прошедшего времени: «Я не смотрел на твое небо. Я не сказал: «Добрый вечер!» и не заходил в твои дома»:

Ой тамаша Франция!
Къараматъанма кегюнге,
«Кече ахшы болсун!» – дей, кирмегенме мен юйлеринге.

О прекрасная Франция!
Я не видел твоего неба, я не сказал твоим людям: «Добрый
Вечер!» и не заходил в твой дома».

Подстр. пер. С. Эфендиева

Этим приемом поэт хотел подчеркнуть напряженность определенного чувства. Повышенно эмоциональное повествование этой баллады достигалось за счет резкого усиления напряженности в сцене допроса Габриэля Пери и в кулиевских рассуждениях о свободе вообще и свободе Франции в частности:

Алай сени эркинлигинг – кьартлыкь жетмезлик кьанатлы,
Ол мени да кьанатлымд,
Манга да багьалыды, антлыд.

Твоя свобода – это вечная птица вольности
(у поэта – нестареющая птица).
Она для меня – крылья и свята, как клятва.

Подстр. пер. С. Эфендиева

Подчеркивая значительность изображаемого, Кулиев во многих случаях переходил к сжатым формам изложения, почти афоризмам и опирался на определенные лексические средства образности родного языка:

Батыр жашынгы кишилиги –
Сени ол ехтем кьушунг
Турлукьду манга да бек кьыйын кюнлеримде болушуб.

Обращаясь к Франции, Кулиев писал о мужестве Габриэля Пери, сравнивая его с гордой птицей, утверждая, что вольнолюбивый образ этого героя останется жить навека и будет всегда помогать поэту в его трудные дни.

В «Балладе о Габриэле Пери» Кулиев не просто повествовал о случае с одним из лучших сыновей Франции в годы Второй мировой войны, а вкладывал в повествование свое собственное переживание, свои раздумья о свободе и насилии («зурлукь»), о мужестве, которое будет реять всегда, как алое знамя. Этими лирическими стихами заканчивается баллада, посвященная яркой личности французского патриота, боровшегося против

фашизма. Обращаясь непосредственно к нему, поэт не упускал из виду конкретно-историческую обстановку, интернационалистические и гуманистические идеи времени, в котором и родилась эта баллада («Пери, сен манга да жигитле чууагъын ичиресе, Пери, адамланы тау тепелерине кетюресе») или:

Мени назмум, ытылгъан окъ болгъанлай, тас болуб къалсын
Жалан сени кишилигинг, байракъча къызарыб, турсун!
Назмум, къая зангърдауу болгъанча. Думп болуб къалсын,
Адамны кишилиги, къызыл байракъча бийик турсун!
Ол эркинлиги зорлукъ урлагъанланы жүреклерин
Тау тепелерини таза чууагым бла толтурсун!..

Под этими последними строками Кулиев поставил год – 1948. *Къыргъызстан.*

Однако есть и такие стихотворные послания, которые написаны непосредственно во время пребывания Кулиева там, где он жил и общался с друзьями. Например, «Стихи, сказанные на Иссык-Куле», датируемые 1954–1955 гг., посвящены памяти Алыкула Осмонова. Первоначальное название было несколько иное. В сборнике стихов «Горы» (М., 1957) эти же стихи носят название «Иссык-Куль». Начало стихотворения создавало впечатление взволнованной живой речи поэта, восхищенного синевой иссык-кульской волны, зеркальными водами озера, лазурными просторами неба:

Синева, какая синева!
Растерял я все свои слова
И теперь не зедаю, – найду ль,
Чтоб воспеть красоты Иссык-Куль... [35].

Пер. Е. Елисеев

Не случайно стихотворение начиналось описанием пейзажа вокруг знаменитого озера, так поразившего впечатлительного поэта. Кроме того, у Кулиева был свой подход к проблеме «человек и природа». Кулиев страстно любил природу и посвятил ей много проникновенных слов.

В этом стихотворении цвет – главное художественное средство выражения чувств и мыслей поэта. «Синяя рать волн», «синева волны», «лазурный простор», «синий порог», «голубое, голубое озеро» и т. д., выражая пафос этого стихотворения, передавали и внутреннее состояние автора: его восхищение и любовь к красотам Иссык-Куля:

Здесь, недаром поэт Алыкул
Называл тебя зеркалом гор.
Переступишь твой синий порог
И оставишь здесь сердце навек!..
Равнодушным остаться бы мог
Только самый тупой человек [36].

Пер. Е. Елисеев

Кулиеву нравились стихи Алыкула Осмонова. В статье «Две весны Алыкула», написанной в связи с выходом в Москве в свет «Избранного» (1976) А. Осмонова, Кайсын Кулиев сумел увидеть в поэтическом творчестве самобитного мастера то главное, что составляло сущность его поэзии. «Алыкул нашел неповторимые слова, ритмы, образы, краски, какой-то особый «осмоновский» тон разговора, – писал Кулиев, – и стал, несомненно, новатором в лучшем смысле слова, обновив тематику родной поэзии, ее синтаксис. Словарь, расширив образную систему, впервые смело и широко привнес в стихи разговорную речь. В поэзию Алыкула Осмонова вошли люди труда, строители и созидатели новой жизни пахари, рабочие, чабаны, пастухи, садоводы, которых до него почти не было в киргизских стихах и поэмах». (Литгазета. 1976. 21 апр.). И чуть дальше Кулиев писал: «У него было две весны: одну он прожил сам, а вторую переживают сегодня его песни», – так писал поэт в предисловии к этому сборнику стихов. Поэтические строки Кулиева об А. Осмонове явились как бы продолжением того, что хотел сказать балкарский поэт о духовной основе их произведений.

...Обладая редким даром человеческого общения, умения объединить вокруг себя талантливых литераторов, Кулиев с первых же дней ссылки вписался в литературную жизнь Киргизстана. Шел плодотворный процесс взаимовлияния. Поэтическая дружба с Аалы Током-

баевым и со многими другими литераторами Киргизии способствовала его творческому созреванию, поддерживала стремление «держать равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых глубокие и сильные корни» (Кулиев К. Поэт и культура // Юность. 1972. № 12. С. 56).

Аалы Токомбаеву Кулиев посвятил стихотворение «Киргизстану» (1947–1955). Обращаясь к его родине — Киргизстану, Кулиев писал:

Я ел твой хлеб, я воду пил твою,
Шел по твоим отрогам, в снег одетым.
Я руки в горном пожимал краю
Твоим табунщикам, твоим поэтам [37].

Пер. С. Липкин

В этом четверостишии Кулиев обращался прежде всего к киргизскому народу, с которым он разделил свою судьбу, узнал радость долгожданной Победы 1945 г. и знал беды трудного послевоенного лихолетья. Именно в это время Кулиев открыл для себя вторую родину, хотя истоки его гражданственности и родники, питавшие его творчество, остались далеко в милой Балкарии, с которой он встретился в 1957 г. («Разговор с родной землей»). Но и здесь, в Киргизии, где прошли его долгие годы поэта-изгнанника, все ему дорого и все напоминало «малую» родину: горы, землю отцов и дедов:

На звезды я твои смотрю: они,
Как будто в детстве, надо мной горели
Тем незабвенным звездочкам сродни,
Чей свет к моей струился колыбели.

Пер. С. Липкин

Киргизия воспринималась Кулиевым такой, какой она была в те годы: со всеми элементами новизны и старины, со всем укладом жизни и чертами духовного характера людей. В ней все было: и «маленькая школьница» с красным галстуком, и «скакуны», взбегавшие на вершину, и «спорит с буйным ветром самолет», и «шаг верблюда, бег автомашины» и др. Облик Киргизии запоминался поэту, потому что он был разнообразен и все

приметы в равной степени были близки и дороги балкарскому поэту:

Твоих лесов и кражей исполинов
Люблю я красоту и высоту,
Ценю твоих охотников и чту
Твоих строителей, твоих акынов.

Я песню высоте твоей пою,
Твоим геологам и садоводам.
Я славлю землю щедрую твою,
Я песнь пою твоим полям, заводам.

Эти строки стихов посвящались Аалы Токомбаеву, но они в большей степени относились к Киргизии и его трудовому народу. Кулиев умел оценить явления национальной жизни с гражданской точки зрения и подходил к интересам нации с общечеловеческих позиций. Его «Киргизия» и «Стихи, сказанные в честь Киргизстана» в этом отношении очень характерны и убедительно свидетельствовали о миропонимании и мироощущении Кулиева тех лет. Значение стихотворений жанра посланий и посвящений, тесно связанных между собой идейно-тематически, вовсе не в том, что по ним можно судить о характере личных переживаний и настроений поэта этого времени («В похожих на балкарские ущелья оставил боль и молодость свою...»), а в том, что они звучали как гимн дружбе людей различных национальностей, как основа человеческих взаимоотношений. Только согласие, взаимопонимание и уважение друг к другу, поддержка в нужную минуту представлялись поэту основой жизни людей, мира и благополучия. Поэтому он сумел искренне выразить большое чувство благодарности киргизскому народу и его поэтам, принявшим в тяжелые дни Великой Отечественной войны в круг своей многонациональной семьи еще и горцев-переселенцев:

Как матери мы помним молоко,
Мы доброты людей не забываем,
Мы помним хлеб, нам данный братским краем
В те дни, когда нам было нелегко [38].

Видно, что Киргизия воспринималась им как родина, и он имел моральное право уверенно сказать: «Я твой поэт. За все тебя благодарю я песней».

В этом же 1955 г. Кулиев написал стихотворение «Сыну». Оно адресовано старшему сыну Эльдару, первенцу, продолжателю рода. Кулиеву тогда было только 38 лет, он был очень молод, но почему-то писал:

Пусть себе ворчат у изголовья –
Хвори. Старость!.. Глупым не понять,
Что мои надежды и здоровье –
Все в тебе умножится опять,
Сын мой!..
Верю, что удастся сыну,
Если упаду я, может быть, –
За меня взобраться на вершину,
Довершить, что я не смог свершить [39].

Пер. Ю. Нейман

Стихи-послания Кулиева к друзьям среднеазиатского периода жизни в основном отличаются жизнерадостностью, пафосом утверждения светлых начал, победы добра над злом, верой в лучшее. Молодости свойственно это мироощущение, и идея трагичности пройдет в стихах-посланиях, написанных в больнице в 1983–1985 гг., когда поэт обращался к своим друзьям, зная свой близкий конец. Но тогда, в середине и в конце 40 – начале 50-х гг., поэт воспевал в светлых тонах природу и своих помощников-друзей. Таким явилось стихотворение «Ласточка» (1956), обращенное к Сергею Фиксину, с которым Кулиев работал в Союзе писателей Киргизии и который не раз помогал младшему собрату по перу. Казалось, что это стихотворение о самом прозаическом, – о том, что в быту встречается каждый день; да и лексика несколько снижена – быденная, разговорная. Это стихотворение опубликовано первый раз в сборнике стихов Кулиева «Горы» (М., 1957). Обратимся к началу стиха:

Облака ползут по небу,
Как вozy.
Молоком набухло
Вымя у козы.

Солнце шлет свои лучи
Во все концы.
Принимаются за дело
Кузнецы.
Чинят бороны, лопаты и плуги... [40].

Пер. Е. Елисеев

Эту обыденную жизнь, заботы простых людей правильно передал Е. Елисеев, так как он умело следовал оригиналу:

Эчки тойгъанд, желени сютден толгъанд,
Акъ къой жангы туугъан къозусун жолайд.
Кек кырдыкны кюн кыадыргъанды тюшде
Теемирчиле шиейле тюрбежиде [41].

Кулиев в этом послании достиг своеобразной художественности тем, что воспевал реальное и типичное в жизни простых крестьян и насыщал свои строки о близкой и знакомой ему жизни людей народно-поэтической образностью («Облака плывут по небу, как возы», то есть медленно и спокойно). Кулиев широко пользовался сравнениями и олицетворениями в духе народной поэзии и создавал яркие, запоминавшиеся поэтические картинки того, что видел каждый день, — хлопотливую ласточку и воровитого бездельника воробья:

Возле кузницы
Бездельник-воробей
Примостился,
Подзадоривает: «Бей!»
А у ласточки по горлышко
Хлопот —
То пушинку,
То соломинку несет.
До полудня облетела
Полсела.
Прямо в кузнице
Гнездо себе свила.

Кулиев умел опоэтизировать с высоким лиризмом самое простое, обычное в жизни людей и в явлениях природы. Концовка стихотворения «Ласточка» несла определенную кулиевскую мысль. Поэт непосредственно уже

обращался к Сергею Фиксину, и тот понимал, что хотел сказать Кулиев: «Вот и ты меня, пожалуйста, пойми: даже ласточке спокойнее с людьми». В любом стихотворении Кулиева о друзьях (и в этом тоже) есть определенное выражение авторской позиции: люди должны помогать друг другу, спешить делать добро, иначе жизнь и дела станут бессмысленными.

Интересом к судьбам и психологии реальных лиц проникнуты многие стихотворные послания К. Кулиева периода среднеазиатской ссылки. Стихи поэта этого жанра представляют определенную нравственно-этическую ценность, так как многие из них наполнены фактическими и психологическими подробностями и углубляют наше представление о мыслях и чувствах молодого Кайсына Кулиева, национальное самосознание которого сформировалось к этому времени достаточно глубоко. Обратимся к стихотворному посланию Кулиева 1956 г. «Друзья». Оно адресовано ингушскому писателю Идрису Базоркину (1911–1993), тоже испытавшему депортацию. И. М. Базоркин был старше Кулиева на семь лет. Они хорошо знали друг друга как писатели, незаслуженно потерявшие право публиковать свои произведения, встречаться на научных форумах и писательских съездах. Однако взаимопонимание и дружеские связи, творческие, духовные контакты оставались, несмотря ни на какие препоны и запреты. Возможно, поэтому Кулиев в самых первых строк своего стихотворного послания писал, обращаясь к одному из крупных ингушских прозаиков:

Будем вместе всегда и везде
Вместе в радости, вместе в беде.

Это произведение было впервые опубликовано в сборнике стихов «Я пришел с гор» (М., 1959). В 1957 г. балкарцы в массовом порядке возвратились на свою историческую родину. Для поэта возвращение на родину – это радость, а беда миновала. Друзья и народ были с ним, в его сердце. И поэт имел моральное право сказать: «Я без вас – неподкованный конь на крутом и кремнистом пути. Я хочу нашей дружбы огонь через всю свою жизнь пронести». В финале послания Кулиев уверенно сказал своим друзьям:

Буду с вами, покуда живой,
Но и вы не оставьте меня.

Пер. Е. Елисеев

В 1957 г. Кулиев опубликовал стихотворение «Поэт и горы», посвященное Николаю Тихонову. Оно вошло в сборник стихов Кулиева «Горы» (М., 1957), как и стихи-послания Сергею Фиксину, Аалы Токомбаеву, Дмитрию Кедрину, Расулу Гамзатову, Аткаю.

Николай Семенович был тогда одним из видных советских поэтов, пользовался большим авторитетом у правительства, был награжден орденами и медалями, ему доверяли делать доклады на всесоюзных съездах советских писателей. В своем докладе «Современная прогрессивная литература мира» на II Всесоюзном съезде советских писателей (15–26 декабря 1954 г.) он говорил о дружбе литераторов всех стран и их главной цели – бороться за мир, не допустить новой мировой войны. Через год он встретился второй раз с Кулиевым в Москве и первый протянул руку дружбы опальному поэту, почти позабытому в нашей стране за эти одиннадцать лет депортации. Кулиев написал стихотворение «Поэт и горы» в 1956 г. На русский язык по просьбе Кулиева перевел это стихотворение Н. Коржавин, который хорошо знал, что Тихонов любил Кавказ, много раз путешествовал по этому краю и был переводчиком стихов Кулиева еще в 40-е гг. Тихонов в числе первых высоко оценил его поэзию и стал переводчиком на русский язык таких стихов, как: «В горах» (1940), «Дождь застал нас в дороге» (1940), «Как только ночь...» (1945), «Говорю дождю» (1949), «Не плачь и постарайся, друг...» (1950), «Ночью в ущелье» (1950), «Осень пришла к вам, горы мои» (1952), «Родной язык» (1955), «В землях многих...» (1956), «Как пахнет трава...» (1956), «Тень орла» (1956).

Николай Тихонов и Кайсын Кулиев дружили много лет. Зародилась их дружба еще в довоенные годы, когда начинающий горский поэт с увлечением читал стихи и романтические баллады Тихонова, находя в них подтверждение собственным настроениям и симпатиям молодости. «Я всю свою довоенную молодость знал и обожал стихи моего старшего собрата о Перекопе и Сиваше, – писал

Кулиев. — Но не мог тогда знать, что судьбе будет угодно бросить меня также в грозные бои на Сиваше и Перекопе, может быть, еще более жестокие, чем те, которые когда-то видел Тихонов. Я тоже стал свидетелем как бы повторения сказанного в знаменитых балладах русского поэта»[42].

Стихотворение «Поэт и горы» (1956) не могло не появиться именно в таком виде, как оно было написано — о горах и Тихонове, который любил Кавказ, много писал о нем в стихах и в прозе. На вопрос корреспондента о своих впечатлениях от путешествий по стране Николай Семенович ответил:

«Кавказ... Он, как говорится, в моем сердце. Армения, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Абхазия...»

Ты беседовал с горами, их язык поняв суровый,
Ты беседовал с горами, словно был их младший брат.
В твоих строках мощно дышат наши горы, наши кручи,
Словно ты и впрямь родился на Баксане, меж теснин,—

писал Кулиев и был уверен, что именно такой была поэзия Тихонова, который еще перед Великой Отечественной войной создал цикл стихов «Горы» (1938–1940), — настоящий гимн величавому Кавказу и его многочисленным этносам, горцам и горянкам.

Как в свою родную саклю, в стих торжественно-певучий
Смуглорукая горянка вносит глиняный кувшин.
И быка у нас воспел ты, как он в гору шел упорно,
Меж рогов его широких вдруг аул ты увидал.

Ровно через десять лет после написания этого стихотворения Кулиев в 1966 г. в статье «Годы вдохновения» признавался: «...Его я люблю с тех пор, как стал читать книги... Хочется подчеркнуть, что своим безупречным отношением ко мне в тяжелые для меня времена Тихонов лишний раз доказал свою преданность Кавказу, его горам и людям, о которых поэт писал влюбленно и мужественно» (Так растет и дерево. М., 1975. С. 131) [43]. Может, и поэтому мотив возвеличивания естественно зазвучал в стихотворении Кулиева «Поэт и горы» (Поэт бла таула. 1956):

Высотой вершин взволнован, удивлен красой их новой,
Ты, как тост, за это поднял стих чеканный над собой,
Сразу эхо скал далеких подхватило стих суровый,
Как свою простую песню, повторяя голос твой.

В этом стихотворении молодой Кулиев дал прекрасную поэтическую характеристику Николаю Тихонову, его поэзии, так как она была, как «зов к свету, к солнечной радости и духовному возрождению горцев». Кулиева восхищало то, что в стихах Тихонова умело схвачены и запечатлены особенности кавказской природы, быт и нравы горцев. Тихоновские строки о горах и людях, населяющих их, были художественным открытием после известных слов об этом крае Пушкина, Лермонтова, Брюсова, Блока, Маяковского и др.

И когда на Бичесыне вдруг за дымкою туманной
Сам Эльбрус тебе открылся дальней снежной белизной,
И когда ты, наклонившись, пил из речки безымянной
И до боли стыли зубы в чистой влаге ледяной,
И когда в ауле, в сакле, на пиру в прозреньи мудром
Встал ты рядом с тамадою, не похожий на себя,
Иль когда ты близ Терскола спал в шатре и, выйдя утром,
Увидал, как встало солнце, усмехаясь и слепя,
То почувствовал ты радость, что бурлит в тебе, играя.
Как река летит в ущелье, ворвалась в стихи она.
Эту солнечную радость, как заботливый хозяин,
Ты легко и щедро миру подносил, как рог вина. (Горы. С. 280).

Пер. Н. Коржавин

Давнему другу, испытанному в трудные дни жизни балкарцев, Кулиев посвятил ряд произведений. В них дан образ поэта, ответственного перед временем и народом, человека, влюбленного в отчий край горцев, и гражданина, для которого чувство Родины – превыше всего. Таким Тихонов предстал в стихотворениях Кулиева «Поэт и горы», «Каменщику Джанхоту», «Ушли великие поэты» и в других блестящих статьях об этом русском поэте. «Поэзия Тихонова, – писал Кулиев, – близка моей душе всей жизненной сутью, мощным светом, которым она освещена изнутри, упорством восходителя и убежденностью жизнелюба» [44]. И это не просто слова. В оригинале в последнем четверостишии послания «Поэт бла таула» (Поэт и гора) Кулиев выразил свои чувства к Н. Ти-

хонову с неповторимой национальной особенностью, используя описание этноприроды:

Холам къайалары, хыны чучхурла,
Сенлей чал башлары Чегем таулары
Сени бир да унутмайдыла ала.
Мени назмум –саламларыд аланы [45].

Хуламские скалы, бурные водопады
Седые вершины чегемских гор,
Так напоминающие твою седину,
Никогда не забывали тебя.
Мой стих тебе – это благодарность от них.

Подстр. пер. С. Эфендиева

Это стихотворное послание «Поэт бла таула» в середине 70-х гг. перевела на русский язык по просьбе Кулиева Ю. Нейман и назвала его «Николаю Тихонову». Дело в том, что Н. Коржавин оказался за границей, его считали диссидентом. Его поэтические переводы запретили печатать. Поэтому в первом томе собрания сочинений Кулиева, изданном в Москве в 1987 г., есть послание «Если с грохотом и гулом вдруг срывался с гор обвал...» (Николаю Тихонову) той же тематической направленности, но только в переводе Ю. Нейман (С. 132). Суть содержания осталась той же, что и в стихотворении «Поэт и горы» (Поэт бла таула).

Кулиев уверенно шел дорогой своего поэтического собрата – «с марсианской страстной жаждой творить». За взаимопонимание и уважение культур разных народов, за их тесное взаимовлияние в жизни и в искусстве на самую высокую высь поднимал Кулиев свой стих:

Подымаю за тобою стих за все, что
сердцу нужно,
И за мужество и юность мира –
радости живых,
За людей хороших и стихов
хороших дружбу,
За вершины и за то, чтоб восходить
всегда на них [46].

Пер. Н. Коржавин

Так писал Кулиев в конце стихотворения «Поэт и горы», посвятив его Н. Тихонову, который тоже не раз писал о Кулиеве в своих статьях «Мужество и нежность», «Певец мужества и благородства», «Большая правда поэзии», «Горской песни могучее крыло» и др.

Намного раньше послания «Поэт и горы» Кулиев в 1942 г. написал замечательное стихотворение «Таулу болгъаным – ехдемлигимде» (Всегда гордился тем, что горец я!), тоже адресованное Николаю Тихонову. Это патриотическое стихотворение Совинформбюро неоднократно передавало в годы войны на 14 языках Европы, и миллионы людей на фронтах Великой Отечественной войны и на трудовой вахте слушали его. Оно было опубликовано во всех центральных газетах Союзных и автономных республик. Обратимся к началу его:

Къазбегин суйген кибик къарт таулу
Суйеме мен дуньяда бар жерни.
Алай тауда тууъаным эм таулу
Болгъаным – дайым къууанчымд мени.

Ичгеим сууукъ суун Волганы,
Мен уллу орус сууну бек суйе,
Алай анда да таулу болгъаным
Къууанчлай къалгъан эд жюреимде [47].

Обратимся к поэтическому переводу, который отразил суть оригинала:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда [48].

Пер. Д. Кедрин

Друзья Кайсына Кулиева в автобиографическом дискурсе составляли главный момент в его философско-нравственных исканиях; духовные интересы поэта были обращены не только к отдельной личности, но и к про-

шлому, и будущему, вечному. Примером может служить стихотворное послание «Къумукъны жырларында...» Аتكъайгъа. 1957. (Кумыкский язык в песнях Казака...), посвященное кумыкскому поэту старшего поколения Аткаю. С ним Кулиев дружил многие годы уже после возвращения из Средней Азии; не раз бывал в его доме, когда приезжал в Дагестан в 60–70-е гг. на различные юбилеи и праздники.

Это послание написано в том же 1957 г., что и «Поэт и горы». По содержанию и своей тональности оно другое. На первый взгляд кажется, что оно написано об Ирчи Казаке, творившем более ста лет назад и по праву считавшемся непревзойденным поэтом кумыков, о его духовном наследии. Лакский поэт Эффенди Капиев называл И. Казака гениальным поэтом.

О значении его творчества для кумыкского народа, о силе его дарования, нисколько не уступавшего знаменитому туркменскому поэту Махтумкули, Кайсын Кулиев писал с самых первых строк послания:

Ол нарт сезча тураед, халкъ тименде,
Аты айтылаед хар къумукъ юйде.

Он остался, как нартское слово в языке народа,
И его имя звучит в каждом доме [49].

Следующее двустихие тоже об этом поэте, испытавшем большое влияние кумыкского фольклора – героико-исторических песен так называемых казак-йыров (казацких песен):

Жырлары болушлукъ эдиле къартха,
Суй мекликде тайанчакъ элле жашха.

Его песни помогали старикам переносить невзгоды,
А в любви были опорой для молодых.

Подстр. пер. С. Эффендиева

Настоящее имя поэта, как тогда писали, Казак Татархан-оглы. Казак Татархан-оглы был прозван в народе Ирчи Казаком. Псевдоним «Йырчи» – певец был присвоен ему народом за высокое поэтическое и исполнительское мастерство. Точные даты рождения и смерти поэта неизвестны. Предположительно – это 1830–1879 гг. (из кн. Ирчи Казак. Махачкала, 2001. С. 6).

В этом послании Кулиева есть традиционные авторские приемы – употребление сравнений: «Къумукъ тили Къазакъны жырларында зынгырдайд къра сууча быргъыда. Айтышлада аны жырчы хорламай, чыгъыуед, чаришде озгъан атлай» («В песенных народных состязаниях Ирчи Казака никто не побеждал. Он был подобен скакуну, который всегда выигрывал на скачках»). Этим сравнением Кулиев хотел сказать об Ирчи Казаке как непревзойденном мастере поэтического слова.

Естественно, возникает вопрос: «Почему Кулиев это послание адресовал Аткаю?» Дело в том, что Аткай одним из первых людей своего времени обратил внимание на поэтическое наследие Ирчи Казака, классика кумыкской литературы. В 50–60-е гг. XX столетия были опубликованы первые сборники стихотворений И. Казака, подготовленные Аткаем (1954), С. Токбулатовым (1957), Аткаем и Асековым (1964). В 1960 г. издан первый сборник переводов стихотворений И. Казака, осуществленных С. Липкиным, – «Иные времена» – на русском языке; сборник был подготовлен К. Султановым. Кулиев читал стихи этого сборника, был поражен большой работой Аткая, который открыл неизвестный талант своего предшественника в кумыкской литературе. Поэтому Кулиев и назвал свое стихотворное послание «Кумыкский язык в песнях Казака» и адресовал его Аткаю.

В конце 50-х гг. Кулиев написал стихотворное послание «Жена поэта» (1959), адресовав его Н. Кешоковой, жене прославленного кабардинского поэта и прозаика Алима Кешокова (1914–2001). Кулиев знал ее много лет. С ней А. П. Кешоков прожил свою долгую жизнь. Скромность, благородство в поступках, преданность делу супруга – основные черты характера этой женщины, которая всеми силами души старалась во всем и всегда поддерживать помыслы и желания мужа. Поэтому Кулиев (как бы обращаясь к Алиму Кешокову), писал:

Когда с тобой мы были на войне,
О как, мой друг, ждала тебя она,
Не только днем, но даже при луне
Смотрела на дорогу из окна.

Когда успех твой мчится на коне
И ты в чести,--
Волнуясь и любя,

Жена стоит в тени, как в стороне,
Чтоб больше света пало на тебя.

В этом послании и в некоторых других, в художественном мире Кулиева семья является идейно-тематической доминантой, по-разному отраженной в посвящениях, посланиях и лирических письмах. Не раз и не два Кулиев обращался к понятию «семья». Она была постоянным объектом его художественного слова, ибо в ней слиты индивидуально-психологические свойства родственных душ. Неблагополучным был у Кулиева и первый, и второй брак. Семьи как опоры материальной и моральной у него не было. Как тяжкий крест, нес Кулиев брак с Маккой Дахкильговой и не раз говорил, что «это было Божье испытание, и он должен с достоинством вынести его». Может, поэтому он как бы мысленно беседовал с другом: «Наверно, Бог послал тебе жену, заботы женской о тебе полна, упорно чистоту и тишину наводит в доме каждый день она». И далее, в третьем и четвертом четверостишиях Кулиев подробно описал, в чем же основные обязанности жены:

Подаст обед, заштопает носки
И постирает вовремя белье.
Любить тебя до гробовой доски --
Признание и поэзия ее.

Пер. Я. Козловский

И далее:

Порой придешь ты грустный от невзгод --
Что в жизни нашей не бывает, друг!
Жена в глаза заглянет -- все поймет
И обовьет кольцом нежнейших рук [50].

Возможно, так и представлял себе семейный очаг поэт, когда писал о жене Алима Пшемаховича, стремясь к взаимопониманию двух родственных душ, к гармонии в семейных отношениях. Художественным словом Кулиев утверждал нетленное богатство -- духовные качества жен, женщин как их главное человеческое достояние:

Поддерживают женщины наш дух,
Когда они и вправду любят нас.
По-моему, твоя жена, мой друг,
Тому была примером, и не раз.

Понимал Кулиев и другое, — что идеальных браков не бывает, как и идеальных жен и мужей. И хранительницы родового очага терпят порой обиды: «Я знаю, души лепит не гончар и создан ты не ангелу под стать, случилось, что жену ты огорчал, тебя ей доводилось упрекать». Однако нравственное, этическое и разумное побеждает в прочной и удачной семье:

Но эта искупается вина
Любовью вашей.
И гордишься ты,
Что родила детей тебе жена,
Что годы не сотрут твои черты.

1959 г. был счастливым для поэта: о нем писали хвалебные статьи Н. Тихонов, А. Кешоков, Н. Джусойты и другие видные поэты и литературоведы. За этот один год в центральных изданиях Москвы вышли сборники его стихов «Я пришел с гор», «Земля и песня», «Стихотворения», в которых он опубликовал стихотворные послания и посвящения нравственно-философской направленности.

Ираклий Андроников в статье «О Кайсыне Кулиеве» писал: «...Воспевая свои любимые горы, Кулиев живет не одними своими воспоминаниями, он обращен и в нынешний день, и в грядущий» [51]. В этом смысле значительно посвящение Кулиева Михаилу Дудину, «милому Мише», как Кулиев всегда к нему обращался, когда они встречались. Это посвящение называется «Говорю моему поколению» (1980).

Возьмем строфы из второго раздела «Уходит наше поколень»:

Уходит наше поколень
Без грома с молнией, тайком.
А ведь когда-то мы камня
Раскалывали кулаком.

Костром в снегу перед веками
Пылали верности года.
Теперь мы стали стариками
И вот уходим... Навсегда.

Несем, как некогда под пули,
Свою судьбу своим путем.
Когда-то мы подковы гнули.
И вот... В Историю идем [52].

Пер. М. Дудин

Кайсын Кулиев и Михаил Дудин, как и их многие ровесники поэты, не перешагнули исторического рубежа веков. Они навсегда остались в XX столетии. Но и в грядущем, XXI веке они чувствовали свое поэтическое бессмертие («И вот... В историю идем»).

Эмоциональная оценка Кулиевым своего поколения не обусловлена никаким влиянием на них общественно-политического строя или великих мыслителей эпохи, но, по его мнению, они многое испытали, («что могли, мы совершили все же, хоть бедствиям и битвам нет числа»). Судьбой поэт был предназначен бороться за истину и правду. Обращаясь к своему поколению, Кулиев говорил от имени тех, которых уже не было рядом:

Пыланье правды, черной кривды пламя
Увидеть мы успели в свой черед.
Теперь мы тоже станем стариками,
Да и река назад не потечет!.. [53].

Ощущение бессознательной тоски по прошедшим годам, высшему смыслу жизни видно во всех трех частях стихотворения, и это выражено финальными восклицательными предложениями типа: «Да и река назад не потечет!». «Свой день у каждого, свой час!», «Жизнь, дай нам силы, чтоб в час полночный с достоинством принять последний бой!», «...будем честно уходить – как люди и как солдаты, чей черед пришел» и т. д.

Во многих стихотворениях о своих друзьях диапазон кулиевских мыслей состоял из самых разных оценок: выводов, рассуждений, которые создавали характеристики очень сильных физически и крепких духом людей («...мы камня раскалывали кулаком», «когда-то мы подковы

гнули», «пахали, скот пасли и воевали» и т. д. из стихотворения «Говорю моему поколению», посвященного М. Дудину). Поколение людей XX века обладало необыкновенной силой духа, выносливостью, потому что ему пришлось испытать революции, Гражданскую и Великую Отечественную войны, узнать об атомных бомбежках в Хиросиме (6 августа 1945 г.) и в Нагасаки (9 августа 1945 г.), когда в одночасье погибло 75 тысяч человек, а 250 тысяч получили радиоактивное заражение; пережить послевоенную разруху, многочисленные репрессии и депортацию целых народов; смену одного государственного строя другим на стыке веков и пр., и пр. Поэтому Кулиев и писал в этом же стихотворении «...что могли, мы совершили все же, хоть бедствиям и битвам нет числа», «...черной кривды пламя увидеть мы успели». Глаголы прошедшего времени «воевали», «пахали», «гнули», «пасли», «раскалывали» и другие имели не только определенный временной характер, но и непосредственное отношение к синтаксическому строю авторской речи. Поэтический синтаксис в стихах Кулиева – это продуманная система специальных средств построения речи, которые способствовали усилению ее образности, выразительности.

М. Дудин и К. Кулиев любили друг друга. Их чувства нашли выражение в стихах. Так, еще в 1962 г. Кулиев написал послание своему другу «Соловьи». В нем воспоминания об одной ночи, когда Кулиев, Дудин и Берды Кербабаяев были в курортном местечке в Фирюзе (Туркмения) и вечером слушали соловьиные трели. Об этом вспоминал и Дудин в статье «Платан на площади»: «...Мы ни о чем не говорили. Мы только слушали эту ночь. Этих соловьев». В окружении прекрасной весенней природы они были счастливы, и эти чувства друзей и свои ощущения Кулиев выразил в небольшом лирическом стихотворении «Соловьи» (1962). Обращаясь к Дудину, Кулиев тогда писал:

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели и пели, сливаясь с дыханием ночи,
Как в древние годы? В их пении – голос веков
И голос всей жизни: «Земля, я люблю тебя очень!» [54].

Пер. С. Липкин

«Голос веков и голос всей жизни» в вечном весеннем призыве соловьиного пения и свой восторг Кулиев передал в своем послании к другу: «Как пели соловьи! Их слушали, как дети, и мы, и ручейки, и листья, и поля...»

Дудин тоже подарил замечательные строки в лирическом послании «Письмо Кайсыну» (1972), начинавшееся так искренне:

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.
Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре...

Адресовал Дудин своему чегемскому другу еще одно стихотворение – «Сонет Кайсыну» (1977).

Афористический стиль, символизм, определенная образно-эмоциональная форма языка Кулиева способствовали умению сказать главное о друзьях, с которыми была тесно связана жизнь горского поэта. В сборнике стихов «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985) есть стихотворение «Пимену Панченко» (1980). Оно также опубликовано в собрании сочинений в трех томах, изданных в Москве в 1987 г.

Сегодня в Чегеме я, глядя на снежную стынь,
Вдруг вспомнил опять, как обжег меня вид пепелища,
Когда мы с тобою твою увидали Хатынь,
Как будто стоял я над прахом родного жилища [55].

Пер. Д. Долинский

Так писал Кулиев в начале первого четверостишия. Автобиографически-временной параметр позволял ему обращаться то в прошлое, то в настоящее: «Сегодня в Чегеме я...» «вспомнил опять... когда мы с тобою твою увидали Хатынь» и т. д. Историческая память поэта позволяла сравнить, что пережили люди, представители разных национальностей в годы войны, и сделать определенный вывод: «О горе людское! И здесь и далеко отсель – цвет горя везде на земле одинаково черный!» Проблемы

человеческого горя в годы войны поэт естественно связал с тем, что пережили горцы его родного края, камни и горы малой отчизны:

Кровь стынет, как вспомню я ужас беды той бывалой:
И камни над предками – вечные наши святыни, –
И люди, и сакли в горах становились золой,
Как избы Хатыни, как люди и травы Хатыни [56].

Мотив горя пройдет через многие стихи автобиографического характера, в этом стихотворении – тоже. Это стихотворное послание белорусскому собрату по перу – пример задушевной беседы с тем, кто поймет мысли Кулиева, его душевные тревоги, чувства, которые он испытал при виде пепла Хатыни («Доныне сжимает мне горло рыданье мое. Едва прошепчу я: «Хатынь», – дыма тяжкие клубы нависнут опять...»). Для Кулиева не было чужого горя, если даже оно отодвинуто далекой историей и предано многими забвению. Поэт против войны, насилия, когда «...в долины, дымясь», «кровь течет, как вода, а к высям дымы от руин поднимают долины». Искренне и убежденно Кулиев заявлял, «что нет горя чужого на свете, коль ты – человек. Я так это рано, рожденный в Балкарии, понял...».

В беседе много грустного. Грусть объяснима: это переживания, что уже ничего нельзя изменить: время не подвластно человеку, что ощущается наиболее остро в его жизни. Обращаясь к Пимену Панченко, поэт писал:

Мой брат белорусский, я тоже, как ты, уже сед.
Мы все одолели, а вот над годами – не властны.
Мы видели силу народов в годину их бед,
И к этому, Пимен, с тобою мы, к счастью, причастны.

Оттенок психологического драматизма лежит на всем стихотворении «Пимену Панченко», в котором ощущение трагических моментов истории было глубоко личностным и носило автобиографический характер. Отсюда и кулиевское «Эго»:

Я, видевший горестный пепел аула Хулам
И пепел Хатыни, Освенцима и Хиросимы,

Могу ль хоть на миг их забыть, отдаваясь делам?
Они навсегда – человеческой памяти зимы! [57].

Пер. Д. Долинский

Дружба с поэтами Белорусии для Кулиева осталась всегда символом верности в человеческих взаимоотношениях, духовности. Она была для поэтов превыше всего. Кайсын Кулиев и Белорусия – понятия в истории советской культуры тесно взаимосвязанные, ибо творческие связи в традициях советской литературы были характерными для той эпохи. Но не поэтому Кулиев писал так много стихов-посланий; идеологический диктат почти не затронул его поэзию, особенно того, что касалось его обращений, поэтических обращений к друзьям.

Своим верным другом Кулиев считал известного белорусского поэта Аркадия Кулешова, который многое сделал для популяризации горского поэта у себя на родине: он прекрасно переводил стихи Кулиева на свой родной язык, занимался публикацией его стихов в центральной печати и издал сборник стихов Кулиева в Минске. Кулешов был старше Кулиева на три года, но эта разница ими не замечалась. Они дружили долгие годы, бывали на юбилеях друг друга, поздравляли, когда становились лауреатами и получали государственные премии. Последний раз они виделись, когда в декабре 1977 г. А. Кулешов приехал в Москву на юбилей Кулиева. Никто не мог тогда и предположить, что Аркадию Александровичу осталось жить только 44 дня. Кулиев и он жили тогда в гостинице «Москва», были счастливы и строили творческие планы совместной работы над переводами и публикациями. Расстались они в Москве. А. Кулешов вернулся в Минск фирменным поездом «Минск–Москва», а Кулиев вылетел самолетом в Нальчик. 4 февраля 1978 г. Кулиев получил печальную весть: умер его переводчик и друг – поэт Аркадий Кулешов. Кулиев срочно вылетел в Минск, чтобы навсегда проститься с дорогим ему человеком.

В 1985 г. были опубликованы стихи Кулиева, посвященные памяти Аркадия Кулешова. Они входили в цикл стихов «Зимняя тетрадь». Этот цикл стихов Кулиев начал писать в начале 80-х гг. и закончил, когда сам находился

в больнице и знал о своем роковом конце. Обращаясь к Кулешову, он с грустью писал:

Тебе с Твардовским и Расулом,
Со мной, с Давидом не сойтись.
Пиров и встреч веселым гулом
Былые годы унеслись.

Я повторяю все «Аркадий!» –
Тоской бессонною объят,
В больничное окошко глядя,
Где стужа, ночь и снегопад.

Зову обратно дни, в которых
Мы вместе совершали путь, –
Но ни тебя, кто так мне дорог,
Ни дней минувших не вернуть [58].

Пер. Л. Шерешевский

Это стихотворение имеет название «Зимней ночью зову друга». В нем крик боли, жалоба на жизнь, вместившую в себя доброе и злое, праведные и неправедные поступки. Поэт надеялся, что, может быть, поймут их другие поколения и не осудят. Покаяние – это всегда очищение души.

Когда и я вслед за тобою
Уйду в назначенный мне час,
В том, что творили дело злое,
Не упрекнут, надеюсь, нас.

В статье «Признаки драматургии в поэзии Кайсына Кулиева» З. Б. Боташева, подводя итоги об этих особенностях его лирики, писала о том, что в стихах поэта присутствует много поэтических образов и «он с ними мысленно разговаривает, то есть медитирует, вступает в духовное взаимодействие, а действие, как мы знаем, – один из главных признаков драмы». И далее уже как вывод: «Анализ поэтического наследия Кайсына Кулиева свидетельствует о том, что он знал и виртуозно владел всеми приемами и методами традиционного карачаево-балкарского стихосложения, основанного на законах синергии и медитации, тонко чувствовал все нюансы драмы». Автор этой интересной статьи верно подметила, что особенно

много стихов с употреблением драматических элементов было создано поэтом в последние годы жизни. «Считается, что именно перед уходом в другой мир, — утверждала она, — у человека наиболее сильно проявляется его внутреннее Эго, он возвращается на круги своя. И потому самым действенным, самым естественным способом выражения своих чувств становится традиционный народный поэтический стиль: обращение и общение — монолог и диалог, типичные признаки драматургии вообще и карачаево-балкарской поэзии, в частности» [59].

В стихах-посланиях, в стихах-посвящениях (как уже было отмечено не раз) у Кулиева общение: монолог, диалог, риторические обращения, вопросы, отрицания, утверждения, восклицания — часто являлись особой формой раскрытия авторского отношения к друзьям, к событиям их жизни, к различным явлениям действительности. Обращение, вопрос, восклицание вводились в монолог или беседу только для того, чтобы высказать отношение автора к другу или явлению с наибольшей полнотой чувства и глубиной мысли. Таким примером может служить стихотворение, обращенное к Мирзо Турсун-заде. Кайсын Кулиев дружил с ним не потому, что он был значительной личностью, занимал ответственные посты в Москве и в Таджикистане. Дело, вероятно, было в другом: Кулиев потаенно связывал свою личную жизнь с судьбой Турсун-заде и биографией страны, с той эпохой, которая была в то же время историей жизни Мирзо и самого Кулиева. Поэтому, когда в 1977 г. не стало Турсун-заде, Кулиев понял, что кончилась и его эпоха. Он оплакал своего незабвенного друга, как народные плакальщицы причитают: «О, горе! О, печаль! О, боль! О, беда! О, небытие! О, смерть!» Кулиев простился с тем невозвратимым временем, когда они, молодые, полные творческих сил, в прошедшие годы пафосной советской эпохи славили человека и свое время.

Мирзо! Так недавно по тропкам твоим
Бродил я с тобой, милым, мудрым, живым.
Я вновь тут. А ты — под покровом земным.
О, горе!..

Так начиналось стихотворение Кулиева «Памяти Мирзо Турсун-заде» (1985). Горский поэт вновь в Тад-

жикистане, но друга его нет, и он печалится, так как все напоминает о Мирзо – улицы Душанбе, по которым они вместе ходили, парк и скверики, где они отдыхали, наслаждаясь покоем, пением птиц, цветением деревьев:

Не слышен тебе звук ничьих голосов
И вешнего ветра волнующий зов.
Отпущено смертным так мало часов...
О, печаль!

Размышляя о бесконечности времени и бытия, сменяемости времен года, Кулиев в то же время как бы окидывал взглядом свое прошлое и ушедшую судьбу друга:

Как прежде, белеет в горах твоих снег,
Плывут облака над стремнинами рек.
Ты больше на них не посмотришь вовек
О, боль!

Не будем беседой мы вновь сведены,
Ни радостны вместе, ни вместе грустны,
Нет больше нам общей зимы и весны.
О, беда!

В последующих строфах стихов первой части, не покидая области воспоминаний о том, как они вместе ходили «среди этих камней», смотрели на звезды, что воспел Турсун, Кулиев подвел как бы итог своего пройденного пути, и трагическая нота зазвучала с новой силой:

Любимых покинув, оставив свой труд,
В горах обрету я последний приют.
Как ты – пред величием гор своих тут...
О, смерть! [60].

Пер. Л. Шерешевский

Вторая часть стихотворения-посвящения по стилю и содержанию другая. Лучшие силы своей поэтики Кулиев направил, чтобы показать, каким необыкновенным поэтическим талантом, какой добродетелью и культурой обладал ушедший в небытие поэт. «...Небеса весной чисты, как твоя душа», «И земля мудра, как ты», «И снега, как твоя совесть, здесь сияют чистотой», «Зелень на ветвях подобна твоим мыслям и мечтам» и т. д. Употребление

Кулиевым сравнительных оборотов как нельзя лучше помогало высказать главную мысль, обогащало язык и придавало строфам свежесть звучания.

В этом стихотворении, как и в каждом другом посвящении, смысловая линия органично вытекала из построения стиха и каждые последующие строки сливались воедино с предыдущими. Обратимся к последующим строфам:

Вновь стремиться будут люди твои книги перечить –
В час, когда поэт уходит, утешенье в этом есть.
И слова твои, как звезды над безмолвием ночным,
Долго-долго еще будут сквозь туман светить живым.

Кулиев был уверен, что поэтическое творчество Турсун-заде останется на долгие годы живым родником для таджикской поэзии, а народная любовь к нему уже при его жизни и навсегда стала прочным залогом.

Стремясь к расширению границ поэтического слова, направленного для высказывания определенной мысли, Кулиев прибегал к метафоризации, к емким поэтическим символам, к таким, как в этом посвящении:

Высоки здесь горы, словно вдохновение твое,
Над тобой они сурово погрузились в забвенье,
И вершин венец алмазный в тень печальную одет:
Горестно им, оттого что рано ты покинул свет.

Уход из жизни поэта мучительно переживали не только его друзья, но, по мнению Кулиева, и горы Таджикистана, погрузившиеся в печальную тень. Драматизм случившегося подчеркивался разнообразными речевыми средствами, органически связанными с замыслом автора этого посвящения. В данном стихотворении мастерство Кулиева опиралось на глубокое знание родного фольклора и его поэтических средств. Так, для передачи горя поэт обратился к неживой природе, которая оплакивала смерть: «Над безвременной кончиной, над годами, что прошли, вместе с этими стихами плачет дождь твоей земли». По мнению З. Б. Боташевой, употребление особого типа олицетворения, образующее персонификацию (представление явлений природы и понятий в виде живого человеческого существа), оправдано. Для карачаево-

балкарского стихосложения характерен именно такой контакт с природой, при котором человек осознает себя как единый, целостный, слитый с природой организм (поэтому дождь оплакивает уход из жизни человека).

Финал стихотворения-посвящения Турсун-заде не трагичен. В этом посвящении, как и во многих других произведениях Кулиева на тему смерти, прослеживается редкая субстанция философского оптимизма, которая лежала в основе миропонимания поэта. Драматическое разрешается сознанием неистребимости бытия и красоты жизни: все повторяется, сменяются времена года, обновляется природа, есть молодость и вечный зов природы.

А земля твоя, как прежде, вся в сиянье, вся в цвету,
Будто можешь вновь увидеть ты земную красоту,
Та земля, что начертала славный путь твоей судьбе,
Что тебе давала радость, что дарила песнь тебе, —
Жизнь, что вечно будет жизнью, сколь б ни было смертей,
Вновь цветет — как будто снова ты обрадуешься ей!

Пер. Л. Шерешевский

Пафос трагически-романтического стоицизма в поэзии Кулиева имел истоки в традициях всей мировой и отечественной литературы и философии XX века.

В 1983 г. в цветущий апрель Кулиев был последний раз в Таджикистане. В конце марта, выписавшись из больницы, он вместе с женой Элизат вылетел самолетом из Москвы в столицу своих друзей-таджиков. Он ехал в составе делегации от Союза писателей. «Там тоже я оказался среди друзей; меня, как в давние времена, — вспоминал он, — всюду сопровождала весна с ее зеленью и радостью». Наступала роскошная среднеазиатская весна, и Кулиев после больничной палаты, надоевших ему уколов и анализов, был несказанно рад видеть эту необыкновенную красоту обновленной природы, так непохожей на горную природу его родного края — Кавказа.

Но не было с ним Мирзо Турсун-заде. В тот последний приезд в Таджикистан Кулиев вместе с другими писателями снова побывал у строителей электрогигантов — Ну-река и Рогуна, у рабочих алюминиевого завода в городе, носящем имя Турсун-заде, а также у студентов Таджикского государственного университета. Здесь все напо-

минало о друге, о его встречах с ним. И Кулиев решил посетить его могилу.

С тобою ходил я среди этих камней,
И звезд, что воспел ты, был свет мне ясней.
А нынче стою пред могилой твоей.
О, небытие!

Пер. Л. Шерешевский

Смерть в этом посвящении Мирзо Турсун-заде тождественна небытию. Во многих других посвящениях Кулиева символом смерти в его философской парадигме становится обретение вечного покоя.

Почти в каждом произведении Кулиева о друзьях наличествует автобиографический дискурс, концепт «горы» и своеобразный монолог поэта с другом, с читателем. Это была кайсыновская исповедь души, задушевный разговор с другом. Одними из таких произведений Кулиева были стихотворные послания Расулу Гамзатову. Первое было датировано 1956 г. и называлось оно «Дружба» (Шуйохлукъ). В нем главная мысль была о силе дружбы людей. С самых первых строк поэт писал:

Аны беклиги къысыр еъайачад,
Ол терек бла тамырларычад.

Ол къама бла аны сабычад,
Ол атжер бла езенгилечад.

Къуш бла аны къанатларычад,
Топуракъ бла мирзеу бюртюкчад.
Шуйохлукъ бир-бирни алай тутдурад,
Тирменлени аны сууу бурад.

Ол бузула, аны анасы – къуш
Таулары башында сарнай учад [61].

Поэтический перевод передавал суть мыслей Кулиева о дружбе людей:

Крепче дружбы мужской не найдешь ничего.
Это – связаны с деревом корни его.

Это значит – кинжал и его рукоять,
Это значит – стремя от седла не отнять.

Это – крылья с орлом составляют одно,
Это – связаны жизнью земля и зерно.

А нарушится дружба – тогда ее мать,
Мать-орлица, в горах начинает рыдать [62].

Пер. Н. Коржавин

Другое стихотворное послание Р. Гамзатову датировано 1970 г. Это лирическое произведение Кулиев назвал «Письмо Расулу Гамзатову». О многом говорит концовка этого стиха:

Я выбрал риск, но я бы не рискнул
Не заручиться долголетьем друга.
Как трудно уберечь друзей, Расул,
Как трудно уберечь, Расул, как трудно! [63].

Пер. Б. Ахмадулина

Между ними не всегда были дружеские отношения. Иногда была неприязнь, творческие споры («Во всем ином то я, то ты неправ, но прав твой лист, изъятый из тетради»), однако благородство и культура поведения позволяли им избавиться от негативного, отделить истинную дружбу от мнимой. Гамзатов всегда искренне радовался любым успехам Кулиева, и когда Кайсына избрали народным депутатом, то, поздравляя, Расул писал ему 17 июня 1974 г., будучи в Баку: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Вновь ты стал депутатом Верховного Совета СССР! От всей души поздравляю тебя в этом качестве – слуги народа – и желаю доброго здоровья, много радостей в жизни!

Шлю самые сердечные приветы семье и семьям твоих сыновей!

Когда добрый и умный человек становится слугой народа, от этого выигрывает и общее дело! Вновь возвращенная государственная стезя пусть будет твоим спутником до конца долгой и светлой жизни чегемца!

Искренне твой друг *Расул Гамзатов*» [64].

И на балкарском языке Гамзатов приписал: «Яшасын бизни ахши эм акъыллы депутатыбыз!» (Да здравствует наш умный и хороший депутат)» [64].

В 1972 г. Кулиев создал еще одно стихотворение, адресованное Гамзатову («Расулу Гамзатову»). Оно было написано в больнице после перенесенной операции, когда печальные размышления не покидали поэта. Обращаясь к своему другу, Кулиев писал:

По-всякому в жизни бывало у нас,
И всякое в жизни случалось.
И снова настал мой нерадостный час.
А силы уже не осталось [65].

Пер. Н. Гребнев

Беседуя со своим другом в «день испытанья, в черный свой час», Кулиев искал утешенья, моральной поддержки у тех, кто был близок ему по духу. Гамзатов знал о его болезни, часто звонил в больницу, беспокоился о состоянии друга, подбадривал его. Следующее четверостишие об этом, о благодарности за душевные слова, которые слышал Кулиев, лежа на больничной койке в Москве:

Собрат мой, я дожил до горького дня,
Но день улыбнулся мне снова,
И снова надежду вселило меня
Тобой изреченное слово (Там же).

В день похорон Кулиева Гамзатов приехал в Нальчик, чтобы проститься навсегда с ним. Он был потрясен случившимся и плакал, как ребенок. Говорить он не мог, слова застревали в горле. Он как-то весь поник: ушел из жизни близкий, родной человек. Вся горечь прощания с Кайсыном и другими своими любимыми поэтами Гамзатов вложил в строки стихотворения «Давиду Кугультинову», которому он решил излить свою душу, поделиться горьким воспоминанием. Обращаясь к калмыцкому поэту, Гамзатов как бы оплакивал ушедших навсегда друзей, с которыми его связывала долгая общественная и литературная работа. Все стихотворение написано в форме беседы, горького сожаления о быстро промелькнувших годах:

Как будто бы только вчера
Мы соколам были сродни.
И в Красную книгу пора
Уже заносить наши дни.
.....

Лихих не склоняя голов,
Как жили, ушли без кольчуг
Гудзенко, Луконин, Орлов,
Так вещей сужается круг [66].

Работая над этим стихотворением, Гамзатов вспомнил, как он впервые девятнадцатилетним юношей познакомился с произведением Кулиева «Всегда гордился тем, что горец я!», опубликованном в газете «Правда» за 15 сентября 1942 г. В этом же году оно было передано по многим радиостанциям СССР и Западной Европы. «С тех пор поэзия Кайсына Кулиева, — говорил Расул Гамзатов, — стала моей доброй спутницей» (КВП. 1992. 31 окт.) А первый раз Гамзатов увидел своего будущего друга в 1954 г., когда во второй половине декабря состоялся II Всесоюзный съезд советских писателей в Москве. На нем присутствовали делегаты от 45 национальностей. Был в их числе и Кайсын Кулиев. «...Еще не реабилитированный, он уехал в Москву с киргизскими писателями... выступал там, — вспоминал Гамзатов. — И делегаты съезда удивлялись (кто еще помнил Кулиева по фронтовой лирике): «Как его отпустили с киргизской делегацией?!» Свое выступление Гамзатов закончил словами: «Дагестан никогда не забудет Кайсына!» Тогда же родились и гамзатовские известные строки о Кайсыне:

На сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки [67].

Пер. Н. Гребнев

Больше 30 лет они дружили. И вот настал день, когда Гамзатов в своем поэтическом слове еще раз прощался с другом в стихотворении «Давиду Кугультинову»:

.....
Прекрасен божественный дар,
И нами у горных вершин
Оплакан Думбадзе Нодар
И неповторимый Кайсын [68].

Пер. Я. Козловский

В поэзии и в прозе Кайсын Кулиев не раз писал о Расуле Гамзатове, высоко чтя его талант как поэта. Особенно нравилось Кулиеву стихотворение «Журавли», которое стало самой популярной песней. «Поэт в нем горит о тех незабвенных детях Родины, которые полегли в родную землю, отстаивая ее от врагов, — писал Кулиев. — И до Гамзатова писали об этом многие, но Расул написал иначе — сильно, сердечно, проникновенно, пронзительно:

Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья бывшие и родня.
И в их строю есть промежуток малый, —
Быть может, это место для меня!

Пер. Н. Гребнев

Это настолько по-человечески, в этих строках такая сила, что они западают в душу каждого. Ведь любой из нас знает, что за каким-нибудь поворотом дороги его тоже ждет последний час» [69].

В каком бы аспекте Кулиев ни писал о своих друзьях, он всегда психологически верно подмечал то особенное, что было свойственно им как поэтам, характерно для эпохи и их судьбы в целом. В этом отношении интересны стихи Кулиева, посвященные Давиду Кугультинову. В своей книге «Так растет и дерево» (М., 1975) Кулиев писал: «...Он олицетворял свою республику, олицетворял все человечество. Он был истинной совестью народа, он был истинным мужеством народа» [70]. Многие связывали их — они были участниками Великой Отечественной войны, вместе пережили несправедливую высылку, знали, что пришлось пережить их народам, находившимся в течение тринадцати лет в депортации. Кугультинову пришлось испытать горе вдвойне, потому что он еще узнал и что такое нечеловеческий быт в трудлагерях и колониях Севера. Долгие годы оба поэта были связаны (уже после 1956 г.) общественной работой в секретариате правления Союза писателей РСФСР и СССР.

Их поэтическая и человеческая дружба началась в начале 60-х гг.; а встретились они первый раз в предвоенный год, когда в Калмыкии торжественно отмечалось в 1940 г. 500-летие эпоса «Джангара». На этот праздник приехали известные писатели во главе с А. Фадеевым.

Приехал сюда от Союза писателей КБАССР и Кайсын Кулиев. «Мы встретились с ним и подружились, – вспоминал об этой встрече Д. Кугультинов, – понимали друг друга с полуслова». С тех пор эти узы связали Кугультинова и Кулиева на всю жизнь. Вместе они были и в зарубежных поездках – Японии, Венгрии и Польше.

Побывали они вместе и в Монголии, жили в одном домике, наслаждаясь «красотами иных краев», этих незнакомых мест, «которые уже забыть не в силах». Как они жили в горах Монголии, что видели и испытали вместе, Кулиев описал в стихотворении «В горах Монголии» (1979), адресованном Давиду Кугультинову:

Живем в горах Монголии: деревья,
Трава, камень, склон горы, луна.
Луна выходит, как в Чегеме в детстве
Двор выходила озарять и склон [71].

Пер. Д. Долинский

«Много лет я слежу за работой Давида Кугультинова, – писал Кулиев в статье «Глубина». – Выход каждой книги моего собрата становится радостью для меня. В том, что он один из самых значительных поэтов наших дней, у меня нет сомнения. Он мне дорог как личность. За его плечами очень серьезный и трудный жизненный путь». Двумя годами раньше этой статьи Кулиев написал стихотворение «Давиду Кугультинову» (1971), в котором отразил, за какие качества личности он ценил своего друга, за какие черты характера, заслуживающие самого высокого уважения:

И в дни войны, и дни страшней, чем войны, –
Нам испытать пришлось, но с давних пор:
Чем совесть чище, тем душа спокойней –
Закон твоих равнин и наших гор.

И жизнь людей не так мрачна в итоге.
И мы, взойдя на эту высоту,
Давай, мой брат Давид, поднимем роги
За вечность гор и нашу правоту! [72].

Пер. Н. Гребнев

Какие же дни для них были страшнее, чем дни войны?

Это насильственная высылка родных народов, когда беспощадный молох тоталитаризма прошелся по судьбам отдельных людей и многих народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. Оба поэта испытали чашу страданий при жестком диктате НКВД, поэтому Кулиев имел моральное право сказать:

Какого цвета темень без просвета,
Как воеет вихрь, ломая дерева,
На вкус беда людская какова —
Кто-кто, а мы с тобою знаем это.

Мы знаем, что такое ветер бедствий,
Когда он воеет, бьет нещадно в грудь,
И нет огня, нет крова, чтоб согреться,
И лишь надежда указывает путь [73].

Пер. Н. Гребнев

Это не единственное стихотворение балкарского поэта, посвященное Д. Кугультинову. Намного раньше, еще в 1959 г., вскоре после возвращения из Средней Азии, появились его «Стихи, написанные в Калмыкии». Они просты, как детские приказы. Но именно в них поэт сумел воспеть и беркута в небе бездонном, и степной простор между Волгой и Доном, и прославленных калмыцких коней, самых сильных и выносливых, и, конечно, их наездников, так отчаянно боровшихся на протяжении многих веков за свою независимость с преемниками Чингис-хана... Все промелькнуло в поэтическом воображении:

Караванов верблюжьих
Время стерло следы.
Слышу голос оружия:
Тонкий посвист стрелы.

Бег коней полудиких,
Стали кованой звон.
Кто из калмыков
В седле не рожден? [74].

В посланиях и в посвящениях Кулиева можно легко выявить конкретно-пространственные и временные представления, свойственные образному мышлению поэта. В качестве смысловой и художественной доминанты эти философские категории часто носили символический характер, подчиняясь контексту стиха и окрашиваясь индивидуальными кулиевскими, только ему присущими национальными и культурологическими особенностями (как в произведении «Стихи, написанные в Калмыкии». Хотя «время стерло следы», поэт слышал «голос оружия: тонкий посвист стрелы». В многовековой истории калмыков Кулиев видел не мало драматических поворотов, недоступных многим: «От века поныне полынь горька. Запах полыни стар, как века» Горькие судьбы отдельных людей - это не обреченный на страдания и вымирание народ. Мотив обреченности чужд поэзии Кулиева, и даже в этом маленьком стихотворном послании есть светлые и обнадеживающие строки: «Синь небосвода, тучи судеб, сила народа вечна, как хлеб, вечна как грудь, вскормившая нас...».

Кулиев не только воспел в стихах Давида Кугультинова, но написал и много о нем статей, таких, как «Глубокая и мудрая поэзия» (1966), «Глубина» (1973), вошедшие в книгу Кулиева «Так растет и дерево» (М., 1975) и несколько статей, опубликованных в центральных газетах «Известия», «Литературная газета» и других.

Жанр стихотворного послания и лирического письма очень давний в русской литературе, и он претерпел много изменений со времен Ломоносова, Державина, Пушкина, Некрасова, Есенина, Тихонова, но остался верным своей традиционной форме. Кулиев наследовал эти традиции отечественной литературы, хотя в некоторые стихи этого жанра у него вторгались и общественно-политические мотивы, и публицистические элементы, без которых невозможна гражданско-патриотическая направленность. Особенно это ощущалось в посланиях среднеазиатского периода и произведениях 50-х гг., в таких, как «Памяти Бетала Куашева» (1958), «Мустаю Кариму» (1959) и других.

Всего 37 лет прожил на свете талантливый кабардинский поэт Бетал Куашев (1920–1957), и его активная творческая жизнь продолжалась чуть больше одного

десятилетия (1941–1957). Но за эти годы он сумел очень многое сделать для родной литературы. Кулиев лично знал его, высоко ценил его поэтическое творчество, которое было прервано войной, а потом снова продолжало развиваться, когда Б. Куашев учился в аспирантуре языка и мышления АН СССР.

Сожалея о ранней смерти друга, Кулиев иносказательно, в форме народных причитаний писал:

Яблоню в майском цветенье
Чья-то срубила рука,
Звездною ночью весенней
Вдруг пересохла река.

Поток, украшавший горы,
За день как рукой сняло,
Колос упал, который
Снегом вдруг занесло [75].

Ранняя смерть поэта-новатора кабардинской литературы потрясла многих, в частности, Кулиева, который понимал значимость Б. Куашева в создании стихотворений, поэм оригинальной тематики, редких научных трудов по кабардинскому фольклору, стихосложению и другой его деятельности. Он первый откликнулся на массовое возвращение балкарского народа на свою историческую родину и написал об этом прекрасные стихи.

Горько сожалея о трагическом в жизни кабардинского народа, о смерти своего друга, Кулиев писал:

Сокол домой не вернулся,
Теперь его где найти?
Конь молодой споткнулся
И рухнул на полпути.

Эти поэтические строки Кулиева появились ровно через год после преждевременной смерти Б. Куашева сначала в республиканской газете, а потом вошли в его собрание сочинений в трех томах, изданное в Москве в 1976 г. В этом посвящении есть много обращений – это кулиевская жанровая и стилистическая особенность, его стилистический прием, как и в народной лирике балкарцев:

Что же, скажи на милость,
Не обождал ты меня?
Что же твое закатилось
Солнце средь бела дня?

Вопросы, которые следовали один за другим, не требовали ответа, да их и не могло быть. Они вводились в поэтическую речь только для того, чтобы высказать отношение к трагическому случаю – смерти друга. В финальных строках этого посвящения Кулиев уверенно писал, что имя Бетала Куашева никогда не будет забыто, и родной народ будет помнить имя своего славного сына, оставившего яркий след в кабардинской поэзии XX века.

Ныне без песен Бетала
Пусто средь наших гор.
В саклях, где пел ты, бывало,
Ждут тебя до сих пор.

Пер. Н. Гребнев

Уникальность человеческого сознания и духовный мир личности прошли в творческом сознании Кулиева через многие стихи, посвященные в основном поэтам различных национальностей. Так, народный поэт Башкирии Мустай Карим воспет Кулиевым неоднократно; потому что их дружба началась в послевоенные годы и продолжалась до последних дней жизни Кайсына. Оба они воевали на фронтах Великой Отечественной войны, были ранены, дожили до Победы. Трудные уроки жизни не прошли даром для этих поэтов. Кулиев познакомился с башкирским поэтом сначала по его стихам, которые переводил Дмитрий Кедрин еще в военное лихолетье. «Мне вспомнились военные годы, – писал Кулиев, – заснеженное Подмоскowie. Поэт Дмитрий Кедрин в бревенчатом домике переводил стихи юноши-фронтовика Мустая Карима и читал их мне. Тогда, конечно, не мог я знать, что жизнь будет так милостива ко мне при всех несчастьях и выведет меня из всех бед, одарит дружбой Мустая. А с ней я стал богаче и сильней» (Так растет и дерево. С. 332).

Мустай Карим был младше Кулиева на два года, то есть почти ровесники и одновременно начали поэтиче-

ский путь. Кулиев ценил в Мустае простоту характера и большой талант; читал все, что опубликовал его друг: стихи, поэмы, повести, рассказы, пьесы. М. Карим был необыкновенно одаренным человеком. Кулиеву особенно нравилась его трагедия «В ночь лунного затмения», которую он считал одной из лучших современных пьес. Она с большим успехом шла на сценах русских и зарубежных театров 70–80-х гг. XX века.

Мустай Карим неоднократно был в Кабардино-Балкарии и на родине Кулиева – в Верхнем Чегеме, любовался чарующей природой горного края и выражал свое восхищение через поэтическое слово. «Я не раз бывал в том краю, где на глади Голубых озер отражаются высокие голубые небеса; с могучих скал солнечным потоком падают водопады, опасные тропы над пропастью манят человека на снежные вершины, – говорил Мустай Карим. – Там добрые обычаи предков незыблемы, как надписи на утесах. Это Кабардино-Балкария, родина Кайсына Кулиева» [76]. Слова любви и восхищения, идущие от сердца, сказал М. Карим о балкарском народе в стихотворении «По горной тропе» (1962). Обращаясь к Кулиеву, он писал:

Мой друг, мой брат! Народ твой жив,
Двойное сердце в нем
И сила крыльев, чтоб лететь
Над бездной под огнем! [77].

Пер. И. Снегова

В связи с пребыванием М. Карима на Кавказе Кулиев писал на родном языке о нем 10 июня 1972 г.: «М. Карим – известный башкирский поэт, депутат Верховного Совета РСФСР – был у нас в гостях. Он ездил посмотреть Голубые озера, красивые места в Верхней Балкарии, Чегемские водопады и другие места. Где бы ни был он, его радушно встречали жители сел, рабочие, интеллигенция. Наш дорогой гость и близкий друг восхищался красотой природы, гостеприимством жителей республики. Мы перевели некоторые его стихи на балкарский язык и опубликовали в газете. Когда он уезжал, то сказал, что напишет стихи о нашей республике» [78]. Действительно, он написал несколько стихотворений о Кабардино-Балкарии и

Кайсыне Кулиеве. Это известные его стихи «Мне подарил Чегемский водопад...», «Под солнцем высоким...», в которых поэт сказал о своей любви к балкарцам.

Кулиев побывал в Башкирии только один раз – на 60-летию своего друга – и всегда чувствовал связь дружбы с Каримом, олицетворявшей собой современную башкирскую поэзию и прозу. «Я живу от Урала далеко, – писал Кулиев, – но постоянно слышу голос Мустая, несуетливо и мудро работающего в родном доме – своей Башкирии. Как был прав сказавший, что для дружбы нет расстояний» (Там же).

В стихотворении «Мне подарил Чегемский водопад...» М. Карим сказал об источнике своей духовной силы:

И дружба – как двуглавая гора –
Пусть мне опорой станет,
Тогда ничто с дороги не столкнет,
Не сломит, не состарит!

Пер. И. Снегова

Вспоминая о вместе проведенных днях со своим другом на земле Кабардино-Балкарии, Кулиев однажды говорил своим замлякам: «Когда к нам приезжает наш большой друг Мустай Карим, то мы бываем с ним в моем родном ущелье, чтобы этот замечательный поэт увидел древнюю землю моих предков. Я подарил ему самую красивую и могучую скалу с водопадами, совсем не заботясь о том, что Мустай не сможет взять ее с собой на Урал. Да это и неважно, главное – я подарил ему самое дорогое на родной земле – это Чегемские водопады. Теперь местные жители уже называют эту скалу Мустаевской» [79]. Возвратясь на родину, Мустай Карим написал известное стихотворение «Мне подарил Чегемский водопад...»

Оба поэта были убеждены, что дружба людей включает в себе истинную, вечную красоту человеческой жизни, так как в ней настоящий смысл общечеловеческого бытия. По мнению Кулиева, он не мог бы так воспринимать окружающее, если бы был одинок, без друга, который для него необходим, как воздух, как небо и цветы. В статье «Лицо друга» Кулиев писал: «Я смотрел с Мустаем на белые от снега улицы Москвы и зеленые

платаны Азербайджана, выступал на вечерах и сидел на съездах. Мы вместе были в мавзолее Низами города Гянджи. И написали рукой Мустаа слова любви великому поэту Востока... Там же, во дворе мечети, мы видели мощный ствол платана, ровесника Низами. Дерево, которому восемьсот лет, еще жило и цвело. Но ведь и поэзия Низами живет и цветет до сих пор! Мы многое видели вместе с Мустаем» [80].

Слово «Discursus» в «Латинско-русском словаре» (М., 1976) означает – беседа, разговор (наряду с другими значениями). Рассматривая жанр дружеского послания в поэзии Кулиева в автобиографическом дискурсе, мы обратили внимание на то, что именно этот жанр явился наиболее действенной и последовательной формой выражения чувств и художественного утверждения им своих эстетических взглядов. Так, в стихотворном послании «Мустаю Кариму» (1959) явно ощущалась беседа с другом, довольно грустного характера. Это своеобразный печальный монолог-размышление о прожитой жизни. И здесь концепт «горы» является (как и во многих других посланиях-посвящениях) поистине «прокрустовым ложем». Вот первое четверостишие:

Мой друг, сегодня в горах снегопад,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Многие наши под снегом лежат,
Мало товарищей с нами осталось.

Автобиографическая память вновь и вновь возвращала поэта в прошлое, к годам Великой Отечественной войны. Но все это виделось через снегопад в горах, где есть бездонные белые пропасти:

Многих война обжигала огнем.
В белые пропасти сваливал ветер,
Скольким друзьям мы руки не пожем,
Ибо уже никогда их не встретим [81].

Пер. Н. Гребнев

Переводчик Н. Гребнев сохранил национальные особенности стиха и образный язык поэта. Обратимся ко второму четверостишию:

Уруш, ауруу да жойдула аланы,
Кезиусюз юзюле баргъан жоллары.
Энди жыйылгъаныбызда, къууанын,
Тутмабыз биз кеп тенглени къолларын.

Повтор словосочетания «падает снег...» и слова «много» («кеп») использованы поэтом для передачи напряженности действия и внутреннего состояния автора, вспоминавшего ничем не оправданную и насильственную гибель своих молодых друзей:

Падает снег, покрывает во мгле
Наших друзей надмогильные плиты,
Или холмы на остывшей земле,
Где торопливо тела их зарыты.

Обратимся к оригиналу:

Мени отум жанады кюн арада,
Энтда къар жауа турады арбазгъа,
Тенгим! Кеп, кеп шухларым бу къарда
Энди мени бла бирге бармазла [82].

В этом послании основной мотив печаль. Поэт был охвачен грустными мыслями, подчинившими все движения его души. Воспоминание вообрало в себя прежде всего гибель фронтовых друзей, боль утраты и горькое сознание бесцельности ожидания встреч с ними («Где вы, друзья, с кем уже не пройдем мы, как бывало, по первому снегу?». Но чувство печали перекликалось с мыслью о непреходящей дружбе, еще более крепкой и возвышенной, когда она пронесена через всю жизнь. Обращаясь к Мустаю, Кулиев отмечал неотвратимый бег времени и искал в нем духовную опору:

Падает снег, все заносит вокруг,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Дай же мне руку, мой сверстник и друг,
Старых друзей нас немного осталось.

Пер. Н. Гребнев

Драматические мотивы в стихах-посланиях Кулиева встречаются довольно часто и авторская позиция по многим вопросам бытия и «вечным» темам жизни и

смерти почти не менялась: трагическое он выводил из наблюдений над самой жизнью, из своего собственного опыта и различных судеб своих друзей. Так, через двадцать шесть лет после написания стихотворения «Мустаю Кариму» (1959) Кулиев снова обратился к тому, что всю жизнь его волновало. В стихотворении «Говорю моему поколению» (1985) Кулиев, обращаясь к Михаилу Дудину, с горечью писал:

Дней табуны судьбы веленье,
Как тучи, гонит мимо нас.
Уходит наше поколение, —
Свой день у каждого, свой час!

Теперь часы и дни стократ
Летят быстрее, чем мгновенья.
О мой любимый друг и брат,
Уходит наше поколение!

Пер. М. Дудин

Поэтический повтор «Уходит наше поколение!» (так назван и второй цикл стихов) нес повышенное эмоциональное ударение и потому ставил его в центр внимания читателя. К этому приему поэты прибегают довольно часто. Был этот прием и в средствах образной выразительности языка Кулиева.

В стихах-посвящениях о Кариме и в статьях о нем есть разумное соотношение эмоционального и рационального, общественно ценной деловитости и сердечности, цельности и неповторимости человеческих качеств, которые так высоко ценил Кулиев в своих друзьях. Известный башкирский поэт Назар Наджми в своем интервью в ноябре 1998 г., которое передавалось по телевидению КБР, отмечал, что никто так не написал таких блестящих статей о М. Кариме, как Кулиев. «Я перевел с балкарского языка на башкирский и татарский языки его книгу «Раненый камень» и посвятил ему свое стихотворение», — писал Н. Наджми.

Среди друзей, которые приехали, чтобы проститься с Кайсыном, не было Мустая Карима. Какие-то серьезные причины помешали ему быть там, где были Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Алим Кешоков, Нафи Джу-

сойты, Левон Мкртчян, Давид Кугультинов, Назир Хубиев, Шукурлло, Назар Наджми.

12 июня 1985 г. в слове прощания Мустай Карим писал (Кулиев умер 4 июня 1985 г.): «...Трудно писать о друге в те минуты, когда его предадут земле. Тут тобою владеют не мысли, не слова, а одно горе... Остаются жить его имя, его книги и наша любовь к нему». (Литгазета. 1985. 12 июня). Последнее слово о своем друге Кайсыне сказал Мустай Карим и в 1998 г. К нему приехали Каншаубий Мизиев, представитель Башкирии в Турции, Муталиб Беппаев, редактор телевидения, и Мурат Боттаев, режиссер-оператор КБР. В интервью, которое дал М. Карим, кратко была отражена вся их многолетняя дружба. «...Кайсын очень дорог мне, — говорил Карим. — Он был удивительным человеком и страстно любил свой народ. В народе говорят: «Если ты ел хлеб с кем-нибудь, то этого достаточно — ты друг». Я много съел хлеба с Кайсыном в гостях у балкарского народа. Я понимал, что люди любят своего поэта, говорят о нем с гордостью, что он простой и душевный человек. В сознании народа Кулиев всегда останется на высоком уровне. Имя Кулиева — это путеводная звезда... Для меня он не умер, и я не могу говорить о нем в прошедшем времени...»[83].

Ты — дар бесценный,
данный мне судьбою,
Как полю — всходы,
как заре — лучи

Х удожественное осмысление судеб близких Кулиеву людей нашло отражение в ряде его стихотворных посланий в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Это обращение к женщинам, такие произведения, как «Сестре» (Мариам Кулиевой), «Ты ждешь меня» (1941), обращенное к матери, «Любимой с фронта в первый год войны» (Т. Залихановой. 1941), «Дочке» (Жанне Кулиевой. 1942), «Девушке с севера» (Валентине Лебедевой. 1942), «Сестре Мариам с фронта» (Мариам Кулиевой. 1943), «Девушке из Подмоскovie» (Лие Ерусалимчик. 1943), «Лампочка из гильзы...» (Вере Сидоровой. 1943), «Гармонистке» (Натифе Гаджиевой) и многие другие.

Жанр посланий в советской поэзии периода Великой Отечественной войны был очень распространенным и актуальным. Стихотворное послание и лирическое письмо развивались тогда необычайно быстро во всей многонациональной поэзии. Примером может служить стихотворная эпистола во всех ее разновидностях: призывно-патриотическое послание («Русскому народу» Я. Сударбкaлнa, «Тебе, Украина» А. Твардовского, «России» К. Отарова, «Россия» К. Кулиева); собственно литературное («Янке Купала» М. Рыльского, «Кериму Отарову» К. Кулиева); одическое («Воинам» Г. Гуляма, «Горцам» К. Кулиева); лирическое письмо, письмо-заклинание («Жди меня» К. Симонова, «Люби, не забывай» Х. Турунбетова, «Сестре Мариам с фронта», «Любимой в первый год войны», «Девушке из Подмоскovie» К. Кулиева), письмо-наказ («Сыну» Е. Стюарт, «Письмо матери» Ш. Апхaidзе, «Ты ждешь меня» К. Кулиева). Как верно подметил И. А. Спивак, исследуя проблему жанрового развития советской поэзии периода Великой Отечественной войны, послание и письмо имели много общего: они сохраняли ярко выраженную форму обращения, монологичны, обязательно предполагали адресата. «Отличались друг от друга тем, что первое заключает в себе ораторские, декламационные интонации, шире по адресу, — писал И. А. Спивак. — Второе более интимно. Но это отнюдь не снижало его гражданского, патриотического звучания. К тому же, если монологичность письма в послании, как

впрочем и поэтическом обращении, она публицистическая» [2].

В поэзии Кулиева этого жанра понятие «поэтическое обращение» имело два значения: в отклике-призыве (как в стихотворении «Гордам») обращение – это его жанровая и стилистическая особенность. В другом случае, как, например, «Эгечиме» («Сестре». 1941), «Любимой с фронта в первый год войны», «Ты ждешь меня», «Сестре Мариам с фронта» («Сени письмоларынг. Эгечиме». 1944) – в стихотворном послании и лирическом письме – форма обращения – это лишь стилистический прием.

Огромный простор, разлучивший нас,
Заливает кровью война.
Разливы морей, разделивших нас,
Застилает дымом она.

По скорбной и темной тропе войны
Мое сердце идет к тебе,
На гребне кровавой крутой волны
Мое горе плывет к тебе [3].

Пер. В. Звягинцева

Так начиналось послание Кулиева «Любимой с фронта в первый год войны» (1941), в котором отразилось, как война охватила необозримые пространства («разливы морей, разделивших нас, застигает дымом она» или: «Огромный простор, разлучивший нас, заливают кровью она...»). Гиперболизм эмоционально-лирического характера употреблен для того, чтобы показать чувство, с которым автор относился к всенародной войне. Употребленные гипербола и метафора дали возможность Кулиеву не только полнее осветить страшный лик войны, но и обрисовать его с особой эмоциональностью:

Велика война. Нет конца полям,
А дороги что песни горя.
Словно ветер, гуляет несчастье там,
Люди бьются в кровавом море [4].

В произведениях, где налицо героическое, как в этом, чаще всего употребляется гипербола («люди бьются в кровавом море») и сравнения («дороги что песни горя», «словно ветер, гуляет несчастье там» и др.) Так, в пред-

ложении «Как раненый воин, она к тебе пробивается в темень, в даль») говорилось о тоскующем сердце воина, мечтавшего увидеть любимую, но она приходила к нему только во сне («...всю ночь я видел тебя во сне»). Обращаясь с фронта к любимой, автор почему-то испытывал неуверенность, что она дождет его в отличие от симоноваского призыва «Жди меня и я вернусь всем смертям назло...»). Это «жди меня» звучало как приказание. У Кулиева в стихотворении «Любимой с фронта в первый год войны» все иначе:

Как слова старинной песни забывают,
Так и ты меня забудешь, может быть.
Кровь солдата с камня дождь порой смывает,
Так и ты меня разлюбишь, может быть [5].

Словосочетание «может быть» несло оттенок сомнения в отношениях с любимой женщиной, оставленной в тылу («Ну, а может, в сердце что-нибудь осталось, – не забудешь вкуса крепкого вина»). Это психологическое состояние оказалось пророческим: его жена, первая женщина в судьбе и жизни поэта, не дождалась, разлюбила и ушла к другому, взяв с собой четырехлетнюю дочку. Конечно, поэт страдал. Об этом свидетельствуют строки этого короткого стиха, написанного в 1945 г., когда и разыгралась семейная драма:

Ты сказала, что не любишь, – в мире сразу стало тесно,
Как в ножнах лежать кинжалу, в непроглядной душевной мгле.
Ты ушла, меня оставив, – в мире ярком и чудесном
Стало тесно мне, как пуле зря торчать в стволе [6].

Пер. Д. Голубков

Сложное психологическое состояние автора этих строк передано при помощи точных и сильных сравнений («Как в ножнах лежать кинжалу, в непроглядной душевной мгле» или: «Стало тесно мне, как пуле зря торчать в стволе»).

Семья – это единая энергетическая система, целостный организм, и когда она рушится, это то же самое, как если бы по живому провести ножом, нанести удар душе. Душевная боль Кулиева была тогда большой и трудно вы-

носимой. Но он понимал, что надо смириться, пережить уход жены с дочкой к другому, перетерпеть – время лечит. В это же время появились и другие четверостишия Кулиева, в которых то же страдание и выражено оно через подобные же средства образной выразительности языка: «Как волку легче ногу откусить, чем пулю в ней тащить с собой в снега, так трудно сердце мне в груди носить: оно – как та пробитая нога» [1]. Не малозаметные, а очень важные детали приобретали у Кулиева особый смысл во взаимоотношениях с любимой женщиной:

Волк подбитый уполз. Но все же
Сзади кровь по всему пути.
Для охотника след. Ты можешь
Так же просто меня найти [7].

Пер. Д. Голубков

Тамару Залиханову, свою первую жену, Кулиев любил по-настоящему, поэтому после разрыва их семейных отношений для поэта началась черная полоса в его личной жизни. Обратимся к стихам этой поры:

В ручье увидев раненым себя,
Бежит олень скрываться в лес густой.
Скажи: куда бежать мне от тебя,
Мне, раненному, милая, тобой [8].

Или:

Пусть говорят. Пусть осуждают даже.
Мне все равно. Мне тяжело без тебя.
Пусть беда в дверях стоит на страже –
Не страшно мне... Страшнее без тебя [9].

О переживаниях поэта свидетельствовали и другие его произведения, выраженные в 1945 г. в форме кратких четверостиший:

Сен мени кьойуб кетдинг. Суусузлай
Кьалгъан суу ызча болгъанма.
Берю кьойла еткен суудан жут ичед.
Атынга айга кьалгъанма!..

Ты бросила меня. Я остался без воды,
Как сухое русло реки.
Жадно пьет волк из той речки,
Где утоляло жажду стадо овец.

Или:

Бийик кекде жапган жулдузнича,
Сени сермеб алалмадым,
Аллымда баргъан ауанаммыча,
Сени тутуб, тыйалмадым!..

Остался я один и постоянно произношу твое имя.
Ты от меня, как звезда, далеко, и я не могу тебя достать.

Или вот это:

Турсам да сенсиз алтын къалада,
Садыкъачыгъа ушарма,
Таш башында да жашарма!

Мне не нужно золотого дворца,
Лишь бы быть с тобой.
Я мог бы класть под голову камень,
Лишь бы ты была рядом!.. [10].

Подстр. пер. С. Эфендиева

Но любимая предпочла достаток и благополучие. Нельзя строго судить поступки женщин тех лет: суровое было время. Многое понимал и Кулиев. Возможно, поэтому страдания души поэта были недолгими. На стройного ссыльного офицера обратила внимание молоденькая гармонистка и вскоре очаровала его. Кайсыну было в это время 28 лет, а ей исполнилось едва девятнадцать. Это была карачаевка Натифат Гаджиева, с которой Кулиев обычно встречался на вечеринках молодежи и свадьбах, где она играла на гармошке. Здесь, во Фрунзе, они и познакомились, на одной из свадеб. В своей статье «Мотивы истинной любви» народный поэт Карачаево-Черкесии Азамат Суюнчев писал: «Между ними возникла сильная любовь с первого взгляда, но они не могли соединить свои судьбы, так как старшая сестра любимой не была замужем». По горскому обычаю, младшая не должна выходить раньше ее). Кулиев посвятил ей стихотворение «Гармонистке», которая вскоре стала народной песней. Кроме этого лирического письма, Кулиев написал еще два послания любимой девушке: «Мени Натифатым» («Моя Натифат») и «Сени атынгы айтханлай» («Имя твое я всегда повторяю....») // Газ. «Заман». 2003. 26 июля. С. 4). Приведем первое четверостишие:

Экибиз бир тамырда есген эки
Терек эдик да дуньяда!
Бир бирден былай узакъ къалай болдукъ,
Кимге хайыр чыгъар чыгъар андан? [11].

В этом мире мы были, как корни одного дерева.
Но почему мы расстались
И стали жить вдалеке друг от друга.
Кому это было нужно?

Подстр. пер. С. Эфендиева

Художественность и образность этого послания Кулиева состоит в его специфичности и качестве. Верность обобщения того, что было с ним, стало откровением для многих влюбленных, мысли и чувства которых понятны всем, что позволяет этому посланию актуально звучать и сейчас, за пределами того периода, когда оно было создано поэтом. В посланиях «Моя Натифат» и «Сени атынгы айтханлай – Натифатха» («Имя твое я всегда повторяю») для передачи глубокой силы чувств поэт сосредотачивал внимание читателя на внутреннем состоянии героя и подчас обращался к созданию в своей речи нарастания, то есть к последовательному сочетанию слов в порядке их все большего усиления:

Мен не этерме, къайры барырма,
Къайда излерме бир сени,
Излей кетип, сылхыр болурма да,
Елюп, къучакъларма жерни.

Что делать мне, куда идти, где мне тебя искать?!
Если я не найду тебя, то я сойду с ума,
Или умру, обняв землю.

Подстр. пер. С. Эфендиева

Послание «Моя Натифат» состоит из восьми четверостиший, в каждом из которых сила пламенных чувств выражена через многократное повторение риторических вопросов и восклицаний типа: «Ким буйрукъ этди ол эки жюрекге жерде бир бирден узакъда?» или: «Кезле ачылыл, сени тапмагъанлай, ой, къалайналырма мен!»; «Ой, жюрегими кюйдюрген жырланы сени киби ким

ангылар? Ой, кезлеримде тауларымы кере, сен къаран-
гъанлай, ким къарар?» и т. д.

Реальная женщина снова вдохновила Кайсына, став его поэтической музой. Поэт не ощущал упадка творческих сил, не был опустошен и подавлен после разрыва с Тамарой Залихановой. Об этом свидетельствует и стихотворное послание «Къобузчу къызгыа». Жер. («Гармонистке». Песня. 1946). Вот начало послания:

Къобуз артына арну бугъаса,
Жур сырт артына бугъасы,
Сен бизни юйге кириб келгеенг,
Эртденликде кюн тийгенлей.

Къобузунг манга алай жырлайды,
Жюрек тилимми билгенча.
Сен бизни юйге алай киргеенг,
Кюн тайакълары киргенча и т. д. [12].

Обратимся к подстрочному переводу, который примерно отражает поэтическую мысль поэта:

Красиво спрячешься ты за гармошкой,
Как тур, уходящий за возвышенность.
Чтоб ты пришла в наш дом, как утром солнечные лучи.

Твоя гармошка для меня поет,
И она, как сердце, понимает мои мысли (мой язык).
Ты пришла бы в наш дом,
Как солнечные входят лучи.

Из основных изобразительных средств языка Кулиев взял сравнение: «как утренние солнечные лучи, ты осветила бы наш дом», «Твой приход в наш дом был бы подобен утренним солнечным лучам», или «Ты как тур, уходящий за возвышенность...». Эти традиционные «восточные» сравнения не приносили новизны в содержание послания. Но его концовка имела определенную художественность и оригинальность.

Кюнде, кечеде, узакъ жоллада
Санга жырланы эгерме.
Кукук кесини атынайтанча,
Атынгы айта кетерме! [12].

Днем и ночью в дальних дорогах
Для тебя я буду сочинять песни.
И, бесконечно повторяя твое имя,
Я пойду и, как кукушка, буду повторять его (имя).

Подстр. пер. С. Эфендиева

Интересно в связи с этим фактом из личной жизни поэта привести воспоминания д-ра ист. наук Х. И. Хутуева (1918–1999), который жил по соседству с поэтом и знал об их взаимоотношениях. «В Ивановке жили две сестры-карачаевки – гармонистки Гаджаевы, Блюха и Надифат, молодые и красивые, волевые и смелые, – писал он в очерке «Символ национальной культуры». – Сюда чаще всего и съезжались наши единомышленники из населенных пунктов Чуйской долины и фрунзенцы. Основным местом встречи были дома Чокки Залиханова и Чомая Уянаева. Приветливыми и хлебосольными хозяйками были дочь Чокки – Мария, супруга Ч. Уянаева – Нина. Основными организаторами этих вечеров выступали Кайсын Кулиев и Магомед Кучуков. По существу, они были комедийно-трагическими театральными персонажами, устраивая небольшие, но яркие, запоминающиеся представления. Кайсын на этих вечерах был и режиссером, и артистом, и главным героем пьес. Одним словом, неутомимым запевалой. Он шутил чаще всех, смеялся громче, учил искусству перевоплощения. Он пользовался успехом и как певец. Под аккомпанемент национальной гармоники пел старинные и новые народные песни, обучал хоровому искусству исполнения, вовлекая и гармонисток, и Магомета Кучукова и Азрета Текуева... Сольные номера были шуточными. Исполнялись и любовные, трагические песни дуэтом и трио – Кулиев, Блюха и Натифат» [13].

Жизненный путь Натифат не отличался от пути многих горянок: ее выдали замуж, и она прожила долгую жизнь с другим, избранником ее родителей. Родом из Кисловодска, она в последние годы жила в Карачаево-Черкессии, сохранила в своем личном архиве стихи Кулиева, посвященные ей, его письма. С ней в начале XXI века встречался карачаевский писатель Азамат Суюнчев, пользовался с ее разрешения посланиями Кулиева к ней и опубликовал небольшую статью о ней «Мотивы истинной любви», стихи Кулиева и ее послание к Кайсыну – «Поэту

моих красивых гор» (Газ. «Заман», 2003, 26 июля. С. 4), в котором пыталась сказать о своей любви, которую она пронесла через всю жизнь. Это послание состоит из десяти четверостиший. Обратимся к последнему:

Сенден башха адам сюялмагъан –
Олду жюрегими адети.
Сени багъангы башха къыз билмез
Ариу тауларымы поэти.

Кроме тебя, никого не могла полюбить.
Это было веление моего сердца.
Цену твою не может знать другая,
Поэт моих красивых гор [14].

Подстр. пер. С. Эфендиева

Почти во всех четверостишиях есть повтор «Кроме тебя никого не могла полюбить», выразивший внутреннее состояние героини, драматизм ее чувства, который усиливался тоже повторами словосочетаний типа: «Не могу жить, потеряв тебя», «Без тебя не могу жить», «Всю жизнь провела в грезах (мечтах) о тебе», «Эту любовь к тебе я всю жизнь скрывала» и т. д. Послание Натишат Гаджиевой «Поэту моих красивых гор» не датировано. Вероятнее всего, оно было написано при жизни поэта, в 70-е гг., когда прошло уже много лет в разлуке; они имели семьи и сложившиеся судьбы. Встречались они очень редко, не больше двух раз за всю жизнь. Возможно, на людях они молча смотрели друг на друга и мысленно произносили так знакомые всем пушкинские горькие слова: «Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана».

...Во фронтовой лирике Кулиева между стихотворным посланием, лирическим письмом, поэтическим обращением, призывом, естественно, существовало сходство. Все они отличались большим лирическим чувством, силой душевного напряжения и интимностью. Иногда эти стихи отличались спокойным, казалось, пересказом событий, душевным равновесием, как в стихотворении «Лампочка из гильзы...» (1943), в котором конкретный женский образ вызвал поток воспоминаний о неужи-

данной встрече на фронте с девушкой, которая надолго вошла в судьбу поэта. Это была Вера Максимовна Сидорова, военврач медсанбата, которой тогда едва исполнилось 23 года. После окончания медицинского факультета она ушла на фронт, как и многие ее ровесницы. Это о них писал А. Твардовский: «...на войну вслед за детьми пошли и женщины, и девушки-девчонки». Кулиев встретился с Верой Сидоровой случайно в начале 1943 г. И в этом же году написал стихотворение о ней, вернее, о первой встрече. Все было именно так, как описано в стихотворении. Была ночь. Кулиев сидел вместе с солдатами в хатке и читал стихи Сергея Есенина по памяти чуть прикрыв глаза. Когда он закончил читать и открыл глаза, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, она тихо вошла и села послушать стихи Есенина в исполнении молодого горца. Об этом случае Кулиев и написал стихотворение:

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла... [15].

Пер. Д. Голубков

Через много лет на одной из встреч с поэтом студенты Кабардино-Балкарского госуниверситета задали вопрос Кулиеву: «Вымышленное ли имя «Вера» в этом стихотворении?» Он отвечал, что почти каждое женское имя, встречавшееся в его стихах военной поры, связано с конкретными лицами и эпизодами его жизни и товарищей по оружию.

«По-разному происходит зарождение вещи, — писал Л. Леонов в статье «Талант и труд», — с проблескнувшей детали или портретного наброска, ситуации или психологического открытия, отвлеченной идеи или почти музыкального ощущения темы-полудогадки, но потом это

неминуемо должно пройти через тесную формирующую линзу мысли» (Слово к молодым. М., 1975. С. 5). У Кулиева это произошло не с психологического открытия, а скорее, с жизненного случая, когда судьба столкнула его с этой замечательной девушкой-фронтовичкой. Поэтому Кулиев доверительно, в дружеской беседе позволил себе обратиться к ней по имени:

Помнишь, Вера, тот донбасский вечер...
Мы держали только край села.
Так сошлась с тобой моя дорога,
Девушка в шинели, милый друг...
Я с тех пор счастливей стал намного,
И стихи счастливей стали вдруг [16].

Пер. Д. Голубков

Стихотворные послания и лирические письма Кулиева военной поры – интимные, личные, гражданские, пейзажные – отличались поэтической одухотворенностью, глубоким и мягким лиризмом, искренностью чувств. Примером может служить послание «Стихи с фронта, посвященные Лейле, в первый год войны» («Урушну биринчи жылында фронтдан Лейлягъа жиберилген назмула»). Эти стихи адресованы внучке Кязима Мечиева Лейле, умершей впоследствии в Средней Азии совсем молодой. Ей поэт посвящал стихи, написанные еще до войны – «Лейлагъа (1938), «Лейлагъа дагъыда юч жыр» (Еще три песни Лейле. 1938), «Лейла» (1940). Но о них мы скажем позже.

Стихотворные послания Кулиева 1941–1944 гг. написаны в форме лирического признания, монолога, воспоминания, призыва, обращения. Так, слова стихотворения «Я в первый день войны жестокой...» (1943) адресованы Тамаре Залихановой, первой жене, с которой он переписывался, когда служил в Красной Армии в Заполярье, в гор. Старая Русса, Даугавпилсе (Двинске). Здесь, в Латвии, поэт встретил войну.

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег.
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Переводчик Н. Коржавин верен оригиналу, как и поэтесса Ю. Нейман, которая тоже перевела это стихотворение Кулиева. Вот это же четверостишие, только в ее переводе:

Уйдя на фронт, я письма сжег твои.
Любимая! Я сам их бросил в пламя,
Чтоб чистые слова твоей любви
Враг не запачкал грязными руками [17].

Почему Кулиев обратился к Нейман, чтобы она сделала поэтический перевод? Может быть, его чем-то не удовлетворил перевод Н. Коржавина, одного из лучших переводчиков нашей страны? Дело в том, что Н. Коржавин был в эти годы «под запретом», как и вся литература русского зарубежья.

Обратимся ко второму четверостишию перевода Н. Коржавина:

Но и теперь, когда случится
Назад в те годы бросить взгляд,
Я вижу: там еще дымится,
Как будто письма все горят [18].

Тридцать лет разделяет один и другой перевод. Н. Коржавин в середине 50-х гг. XX века не выступал за свободу слова, был верноподданным советской власти. Трудное прозрение к нему пришло в начале 70-х, и он оказался за границей в числе многих диссидентов.

Второе четверостишие в переводе Ю. Нейман как будто повторяет то, что было сказано Н. Коржавиным, сохранившим особенности стиля и язык автора, его собственные переживания и отношение к тому, что он позволил себе сжечь дорогие ему письма, слова любимой женщины. Обратимся к переводу Ю. Нейман:

И вот теперь, когда гляжу назад,
Я вижу сизую полоску дыма...
Они горят, горят неугасимо.
Они горят. Они еще горят.

Четыре раза в трех коротеньких предложениях использовано слово «горят». Нарастание повторения («Они горят, горят неугасимо...») использовано в целях пере-

дачи силы чувства, испытываемого при воспоминании о «сизой полоске дыма» от сожженных писем, в целях полнейшей передачи напряженности и драматизма действия: «Они горят. Они еще горят...» Воображение поэта, что письма все еще горят, предполагало использование такого приема, как акцентирование внимания на этом грустном факте, с которым как будто ушла какая-то часть жизни автора строк.

У А. С. Пушкина есть стихотворение «Сожженное письмо» (оно от любимой женщины). В нем, как и в стихотворении Кулиева, есть воспоминание о сожженном письме любимой, но это не только воспоминание, а мучительное переживание автора, его душевное состояние, когда он навсегда расставался со своей мечтой об идеальном образе любимой.

Стихотворные послания и лирические письма – это особый жанр, который позволял обращаться ко многим вопросам жизни различной интимной и социальной направленности. Внутрижанровое разнообразие эпистолы, как известно, обусловлено богатством ее проблематики.

В поэтических посланиях Кулиева есть и интимные, и гражданские, и общественно-политические мотивы. Эпистола в его лирике приобрела качественно новую социальную направленность, как и в литературных посланиях поэтов советской эпохи, – В. Маяковского, Д. Бедного, Н. Тихонова, К. Симонова, А. Твардовского и др. В этом плане жанровые формы стихотворного послания у Кулиева очень разнообразны и были перспективными не только в период войны (1941–1945), но и в последующие этапы развития его творчества.

Сила поэтических посланий и посвящений Кулиева была заключена в умении показать живую диалектику чувства, в котором сливалась боль и радость, раскрывался процесс преодоления горькой печали, страдания. Так, в его творчество глубоко трагическими строфами вошло стихотворение «Моей любовью ты была...» (1963), посвященное Лие Степановне Ерусалимчик. С этой талантливой и мужественной женщиной Кулиев познакомился в 1942 г. в Союзе писателей, когда был вызван Политическим управлением Красной Армии в Москву. Многие годы Кулиева и Л. Ерусалимчик связывали профессиональные интересы, творческая дружба и большое чувство, но

встретиться им было не суждено, хотя поэт ее не забывал, находясь в ссылке в Средней Азии. Он писал письма Людмиле Ивановне Кедринной, вдове поэта Д. Кедрина, и в них все расспрашивал о Лие Ерусалимчик, передавал ей приветы, надеясь, что она напишет ему письмо, но в архиве Кулиева от нее нет ни одного письма. Забыла? Или просто боялась переписки с ссылкойным поэтом: связь с депортированными народами была запрещена. Лишь немногие писали письма Кулиеву: это Борис Пастернак (написал одиннадцать писем и адресовал их на имя Орловской), литературный критик В. Ц. Гоффеншефер (написал Кулиеву лично три письма), писатель Ю. Н. Либединский (одно), К. Симонов (одно) через секретаря Союза писателей Л. М. Суббоцкого, которому Симонов писал: «...стихи его очень талантливы. Надо привлечь к заседанию секретариата Правления П. Скосырева, потому что он хорошо знает Кайсына Кулиева и его творчество» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1814, оп.1, ед. хр. 614, л. 13). Был еще один человек, который писал ссылкойному Кайсыну – это поэт И. Л. Сельвинский (три).

После возвращения на родину в конце 50-х гг. Кулиев узнал о ранней смерти Л. Ерусалимчик. Неподдельной скорбью и трагизмом случившегося наполнены строки стихотворения о ней, где свободно дан глубоко прочувствованный образ.

Моей любовью ты была, большой, счастливой.
Теперь ты – только боль оборванной мечты.
Приходит смерть порой и к девушкам красивым,
Ты девушкой была, надгробьем стала ты [19].

Когда создавались эти строки о ней, прошло уже более десяти лет со времени ее смерти. Но для поэта ее внешний облик оставался таким же, каким он ее видел у Дмитрия Кедрина, в Союзе писателей, в творческой работе: «О, тонкость рук твоих и их тепло живое, на цвет морской похожие глаза! А ветер над тобой качает ночью хвою, и о тебе гудят сосновые леса». Несовместимые понятия «жизнь» и «смерть» психологически трудно воспринимать в образно-эмоциональной форме выражения мыслей поэта, но его рассуждения вполне логичны. В первых четырех четверостишиях (а их всего восемь) поэт стремился

отразить ее многогранную личность, такие ее качества, как широта взглядов, яркая неповторимость дарования, душевность.

В поэзии любя нетленность, вечность, силу,
Цвела ты. И ушла. И стал мой день тяжел.
Спокойно звезд огни горят. Ты их любила,
И за ночь абрикос, как при тебе, расцвел.
Да, и красавиц смерть уносит. Как мириться
Нам с этим? Все равно ничем тут не помочь.
Красивое лицо твое мне часто снится
Всю ночь. Пока рассвет не отодвинет ночь [20].

Пер. Н. Коржавин

Мучительно неутолимая грусть звучит в строках поэта, его трагический и светлый голос волнует силой скорби. Время не властно над трагическим событием: и через много лет поэт вспоминал ее, помнил о ее любви к цветам, соснам, к белому снегу, о ее пристрастии к осени и весне («Твои глаза всю жизнь любили снег и осень, и сосны и весну, и грусть дождей косых...») Через лирическое «я», через противопоставление (я есть, а тебя нет) шло выражение светлых чувств:

Иду я по земле, а ты лежишь под нею,
Я вижу облака — их легкость, свет и цвет —
И розы, что теперь не для тебя алеют.
Я за тебя всему шлю грустный свой привет [21].

Пер. Н. Коржавин

В финале стихотворения «Моей любовью ты была...» видна как бы запретная реакция человеческой психики вообще и авторской, в частности, на сложность, кратковременность, неустойчивость жизни, на ее мгновенность по сравнению с вечностью смерти:

Для мертвых нет любви и нет цветов, просторы
Моря им не нужны, весь мир от мертвых скрыт.
Им сосны не шумят, им безразличны горы
И жизнь. И в этом смерть как раз и состоит [22].

Пер. Н. Коржавин

Эпическое и лирическое начало преобладало в стихах Кулиева этой тематики, и его поэтическое искусство в проблемно-жанровом аспекте было чрезвычайно многообразным. Интересно в этом плане рассмотреть лирико-пейзажное стихотворение Кулиева «Девушке из Подмосковья» (1943), адресованное Лие Степановне Ерусалимчик; с ней Кулиев не раз бывал в гостях у Дмитрия Борисовича и Людмилы Ивановны Кедриных еще в довоенную пору. В этом послании личные мотивы органически вплетались в ткань пейзажной лирики, в центре которой были не героико-патриотические, а интимные, этико-нравственные проблемы: «Мы шли. Снег был мягок, как шерсть, как вата. Был лес неподвижен, но не был спокоен...» Таково начало первого четверостишия.

И было идти и дышать легко мне.
Снег падал и пел под ногами твоими.
Ту снежную ночь я навеки запомнил,
Как давней любви волшебное имя... [23].

А биографические воспоминания вели к тому времени, когда он навеки запомнил ту снежную ночь в Подмосковье и «давней любви волшебное имя»:

У вас уже стаял снег, и ночами
В лесу не бело, а хрустят иголки...
Лишь те же сосны шумят, качая
Своими вершинами долго-долго [24].

Обращаясь к той, которая ему очень нравилась, Кулиев ей тоже желал светлых и приятных воспоминаний о прошедших в Подмосковье, встречах о которых теперь он может только мечтать как о неповторимых и радостных днях в его жизни:

Хочу, чтоб в их шуме ты слышала ласку,
На шум отзываясь залиvistым смехом...
Увижу ль я вновь эту зимнюю сказку,
Твой домик под снегом и сосны под снегом? [25].

Пер. Д. Голубков

И снова высшее пожелание: «Пусть сосны о счастье шумят над тобою!..» Верно утверждают, что общение, дружба и любовь – это каналы по обмену душевной энергией. И мечта поэта о встрече с ней была высшей радостью, особенно в этот 1943 г., когда военные обстоятельства отягощали жизнь поэта. Когда-то писал об этой высшей радости и А. Пушкин:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась награда:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я.

В 1942 г. Кулиев написал стихотворное послание Валентине Лебедевой. «Девушке с севера» – так озаглавил поэт довольно большое лирическое произведение, состоящее из восьми частей. Это небольшой цикл стихов, объединенных одной идейно-нравственной задачей. Поэтический перевод сделала Вера Звягинцева, придерживаясь средств образной выразительности языка оригинала, но не всегда соблюдая особенности стиха родной речи. Поэт ценил этот перевод и не позволял больше уже никому переводить это стихотворение.

Элементы композиции и художественность сюжета в этом произведении Кулиева очень своеобразны и несколько отличаются от общепринятых. Здесь сюжет не состоит как единое целое из ряда слагаемых. В нем только одна героиня – девушка, которую очень любил автор, с ее красивой внешностью и внутренним миром. Ее характер и образ жизни не затронут поэтом. Известно лишь, что она из Ленинграда. Автор строк вспоминал «и сырой туман, и ветер, и резьбу оград, дальних улиц ряд», когда они вдвоем гуляли. Его признание «Я, как тебя, люблю твой Ленинград» вполне мотивировано: чувства к девушке и этому легендарному городу равносильны.

Не схожа ты с красавицами гор,
Не их огнем твои глаза горят.
Задумчив и прохладен ясный взор,
В нем вижу я твой город – Ленинград [26].

Внешний облик героини нарисован почти традиционно: у нее синие глаза, крылатые брови, волосы светлей пшеницы, длинные ресницы. Обращаясь к этой белокурой красавице, поэт просил полюбить его. Поэтому лирико-интимная нота звучала в первой части стихотворения: «Синие глаза ты подари мне! Брови, что крылаты, подари мне! Прядь светлей пшеницы подари мне, длинные ресницы подари мне!» Так начиналось стихотворение «Девушке с севера». Эти же лучезарные эпитеты встречаем и в седьмой части стихотворения, потому что для поэта было важно, чтобы читатели живо представили облик его предмета любви:

Синие глаза, такие синие,
Что пред ними меркнет бирюза.
Как на небосвод родимый, ныне я
В синие смотрю твои глаза... [27].

Пер. В. Звягинцева

Традиционные авторские приемы видны и здесь. Вот кулиевские сравнения: «как песню гор», «как горный наш воздух...», «не схожа ты с красавицами гор», «словно раненый тур с наших гор» – они несли не только эмоционально-выразительные функции, но и более глубоко передавали идею любви, которая была доминирующей во всех частях произведения.

Любимая была не только предметом восхищения, но и вдохновляла автора на создание поэтических строк:

Волосы твои густые, светлые
Стали песней у меня в груди.
Как любил в горах дожди и ветры я!
Волосы твои как те дожди [28].

Говоря о своей любви к ней, поэт оставался во власти художественных традиций Востока: страсть к ней была необыкновенной и сильной. Вот его признания: «Я же пью, как горный наш воздух, как соки трав, красу опьяняющую твою»; «Твоя красота! Я сгораю в ней, отдать тебе сердце свое готов»; «...словно раненый тур с наших гор, глаза, дорогая, с тебя не свожу. Скорбь и разлука туманит мой взор»; «Все не схожи мы, тут спорить

нечего, но люблю тебя, как песню гор!» и другие эмоционально-выразительные сравнения и эпитеты, употребленные поэтом, а следовательно, и переводчиком В. Звягинцевой. О его пылкой любви собственно и шла речь в восьми частях стихотворения. Особой формой раскрытия авторского отношения к любимой в этом произведении Кулиева явились риторические обращения, вопросы-утверждения и восклицания, типа:

Можно ли юноше горцу сказать:
Верный кинжал свой сними и отдай?
Можно ли старому горцу сказать:
Кинь свои горы, родимый свой край?
Так без тебя тяжело мне уйти.
Ждут меня бурные в жизни пути.

Или: «Я со скалы не брошусь, не умру, но скорби моей силу знаешь ты!» и т. д.

Поэтическая манера общения с Валентиной Лебедевой была, естественно, высокой ступенью в иерархии чувств поэта. Здесь, конечно, важную роль в их взаимоотношениях, вернее, в отношении к ней сыграли необыкновенная красота девушки-блондинки и ее внутреннее обаяние («...сердца и мысли наши чистые слиты, как напев и звук зурны»). О родстве душ и поразительном сходстве двух случайно встретившихся людей и потерявших в жизненном водовороте друг друга навсегда, свидетельствуют последние строки последнего четверостишия:

Хочу остаться в памяти твоей
Не длинной повестью – четверостишьем,
Не долгою затяжных дождей,
А горным ливнем, хлещущим по крышам [29].

Пер. В. Звягинцева

В поэзии и в прозе Кулиев много уделил внимания святому чувству дружбы и пламенной, одухотворенной любви. Особенно это последовательно утверждалось в стихотворных посланиях и лирических письмах, обращенных к женщинам военной и послевоенной поры. Так, в цикле стихов, посвященных Лейле, Кулиев создал гимн чистой,

романтической любви. Романтическая настроенность этих стихов потребовала от поэта строк, наполненных нежностью, пафосом страсти. Эту извечную тему, тему первой любви, которая становилась в его стихах символом великой и вечной человечности, красоты и гармонии, Кулиев решал целомудренно и возвышенно. Для него имя «Лейла» было самым дорогим воспоминанием юности. Это любимое женское имя Кулиев пронес через всю жизнь начиная с 30-х гг. и вплоть до конца 70-х.

О Лейла, о звезда этих гор, этих скал,
Слава часу, когда я тебя увидал.
Ты в чегемских горах, как светильник, светилась,
И в глазах у тебя их краса отразилась,
И снега ледников, и высокие ели,
Что синели в тени, а на солнце блестели.
Отразились луга с полевыми цветами,
Берега и река, где течение да камень... [30].

Пер. Н. Гребнев

Так начинается лирическая поэма «Говорю Лейле в Чегеме» (1975). История (автобиографического характера) короткой жизни любимой девушки и литературного героя дана в лирических отступлениях, звучащих зримо и убедительно. Все пять глав пронизаны глубоко личным чувством и обращены не только к Лейле, но и к самой родной природе как части ее: «О Лейла, ты была красотой земною, озарившею даль, что цвела предо мною. Ты была самым светлым и теплым лучом, вспышкой света, померкшего где-то потом».

В стихах-посланиях, написанных в самом конце 1938-го и начале 1940 г., образ Лейлы овеян романтикой, восторгами перед ее красотой воспоминаниями кратких встреч, когда она забегала во двор будущего поэта. Эмоционально-выразительные функции в этих стихах несло развернутое сравнение и восклицание:

Как темный ливень, волосы твои!
Ко мне пришла ты, словно дождь весны...
Гроза отхлынула. Блестят ручьи.
Мы в сад пойдем.
Там яблоки сочны [31].

Переводчик Д. Голубков, пользуясь подстрочником Кулиева, строго соблюдал средства образной выразительности балкарского языка. Вот начало стихотворения «Лейлагъа» (1940):

Эртденлик кюн таякълары мени
Кенг юйюме кирген кибик,
Тау тепшеледен ингир салкъъыны
Арбазыма келген кибик,

Киргенсе сен мени жашауума,
Таулада туугъан къаракез,
Къысыр къаядан чыкъгъан суу бла
Бетин жууучу къара кез!

Красивую горянку поэт сравнивал с цветами в лесах Сары-Тюзе, с весенним вешним теплом и шумом веселых роц: «Ты нынче в жизнь мою вошла, вошла как в землю теплый дождь. Ты – радость вешнего тепла, ты – шум веселых вешних роц!»

Атынг биргеме уруш ичинде,
Анда-юймю жылыуу.
Ахшанда Чегем башында чыкъгъан
Кеп жулдузланы жаныуу [32].

Имя твое в моем сердце.
В нем тепло моего очага,
И свет горящих звезд вечером
В Верхнем Чегеме.

Подстр. пер. С. Эфендиева

Восклицательные интонации наличествуют во всех пяти частях цикла стихов, обращенных к Лейле. Любовь к ней – это все: и радость мира, и постоянное ощущение счастья, и вдохновение души, и полет фантазии. Лейла настолько прекрасна, что молодой влюбленный поэт затруднялся подобрать для нее подходящие сравнения. Она лучезарна, как сама родная природа в состоянии покоя и умиротворения. Для влюбленного она – «свет предутренней зари», «песня зеленой весны», «ласка вешнего тепла». Но здесь нет литературной безвкусицы сравнений и надуманно-штампованной восточной красоты. Срав-

нения и метафоры употреблены к месту, и исходят из различных ассоциаций Кулиева. Лейла настолько прекрасна, что поэт искал для нее самые нежные, ласковые слова и необыкновенные сравнения. Она – шелест листьев родной земли, чистая родниковая вода, свет звезды («Атынга – жерибизни чапыракк тауушу, шаудан сууланы анбырдагъаны»).

Это первое и другие стихотворения о Лейле вошли в основу лирической поэмы «Говорю Лейле в Чегеме» (1975). Концепт «горы» также неизменно присутствует в этих произведениях поэта для возвышения нравственно-психологического состояния лирического героя. В стихотворении «Три песни Лейле» о любви говорилось:

Этих гор я постиг обаянье,
Потому что со мной ты всегда,
Этих звезд полюбил я сиянье,
Потому что сама ты звезда [33].

Пер. С. Липкин

Эту же тему первой любви Кулиев затронул в поэме «Говорю Лейле в Чегеме» только уже с высоты прожитых лет, с иных нравственно-философских позиций, когда «...в край свой отчий пришел, судьбой сбереженный, и родных не нашел на земле разоренной».

Ты, Лейла, в том краю, что дышал запустеньем,
Мне опорой была и была утешеньем.
И хоть звук твоих слов, что так сладко звучали,
Не расплавил снегов вековой печали,
Но участие твое мне тогда облегчало
То снести, что снести не по силам мне было.
Свет лица твоего – свет родимого края –
Грел мне сердце, тревоги мои умеряя [34].

Пер. Н. Гребнев

Автобиографическая память поэта, как видим, сохранила для него самое дорогое имя – «Лейла». Реальная, земная девушка, которую знал поэт, стала для него поэтической музой, стала прототипом его литературных героинь в таких произведениях, как «Лейле», «Еще три песни Лейле», «Колыбельная Лейле» (Этим именем Ку-

лиев назвал свою первую внучку от дочери, Жанны Кулиевой), «Говорю Лейле в Чегеме». Хотелось бы отметить и тот факт, что эти лирические послания и посвящения Кулиева заложили основу развития любовной лирики в балкарской поэзии 30-х–40-х гг. XX века.

Вдохновительницей творческих поисков, навсегда слившейся с лирическими строфами поэта, стала Мака Дахкильгова, вторая жена Кайсына. С ее именем связаны у Кулиева приятные воспоминания и надежды. Обаятельная молодая девушка из Ингушетии, только что окончившая педагогический институт в 1951 г., стала для Кайсына Кулиева всем: опорой и моральной поддержкой, другом и любимой женой. «Она, красивая, лучшим образом выражала женскую сторону сущности Кавказа, — писал о Маке Кулиев. — Я смотрел в ее глаза, и в них вставал передо мною родной Кавказ. Когда я познакомил ее с Борисом Пастернаком, он сказал о Маке: «Это же кавказская фреска!» [35]. Ей посвящен целый поэтический цикл, захватывающий каждого читателя неподдельной искренностью, подлинностью своей и глубиной чувств. «Поэт Востока женщину любил» (1958), «Славой ангельской ты не увенчана...» (1958), «Живем с тобою каждый день и час» (1961), «Снегопад в горах» (1963), «Ты снова поешь колыбельную песню» (1963), «Я люблю твои глаза» (1965), «Твоим рукам, дарующим тепло...» (1965). В них целая история человеческой жизни, верной, самоотверженной любви, которая нравственно обогащает жизнь и твою, и других. В «Тихих стихах» (1962), оглядываясь на пройденный путь и прожитые годы с женой, поэт с сожалением и грустью в конце строк заметил:

Желтеет за окном, и птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег [36].

Не первый я поэт, кто говорит про это,
И не последний я. Земле цвести, поверь:
Все будет и без нас — зима, весна и лето.
И реки будут течь сквозь горы, как теперь... [37].

Пер. Н. Коржавин

Трогательно-нежные, грустные слова исключают всякую искусственность и фальшь. «Тихие стихи» не просто впечатляют, они потрясают красотой любви к близкому человеку, благородством мыслей, прекрасной гармоничностью художественно отображенной живой истории одной женской судьбы. Сам автор предельно ясно выразил основные мысли «Тихих стихов»: «...я написал стихи, обращенные к моей жене. Почему же я их назвал «тихими»? Во всяком случае, не потому, что поэзия должна быть «тихой» или «громкой». Она должна быть всякой, как и жизнь. А назвал я эти стихи «тихими» потому, что обращался к женщине. Она была очень красивой и вот начала стареть. Я захотел обратиться к ней с грустными, душевными словами, сказать о своей любви, об уходящей молодости. Разве о таком можно кричать? Здесь нужны слова тихие, как вода в кувшине, как цветы на утренней поляне» [38].

Сила художественной убедительности строк «Тихих стихов» не в драматических переживаниях лирического героя, что он уйдет когда-нибудь из мира, а мир останется, не во внешне эффектных словах, обращениях к любимой и не в исключительности внешнего облика и внутреннего мира героини, а в самом простом: в глубоко пережитом умом и сердцем поэта, поскольку «Тихие стихи» родились от больших волнений, раздумий о жизни и жене, подарившей ему троих сыновей. С ней, теперь уже стареющей женщиной, поэт прошел нелегкий жизненный путь. В самом финале цикла стихов умело использована метафора, способствовавшая усилению образной яркости мысли поэта о своих прожитых годах:

Я знал немало дней прекрасных. Я с разбега
Врывался в мир, любил тепло, дожди, зарю.
Идет моя зима, и, чуя запах снега,
На голые холмы я с нежностью смотрю [39].

Сидим с тобой вдвоем, и мне не одиноко.
Жизнь! Благодарен ей я за судьбу свою,
За страсть, за счастье жить здесь, на земле высокой,
За жар моих стихов, за красоту твою [40].

Пер. Н. Коржавин

Так, через индивидуально-неповторимое выражается общее, поскольку художественный образ есть индивидуализированное обобщение, включающее в себя не только единичное, но и общее, вплоть до общечеловеческого. Не случайно В. Г. Белинский писал, что великий поэт, говоря о себе самом, говорит о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество; и потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою.

Мусульманский теолог и философ Газали аль-Газали Абу Хамид Мухаммед (1058-1111) когда-то писал: «Для души изнуренной дай хоть малость бальзама, с доброй вестью о друге хоть пять строк принеси мне». Память о друге, о встрече с ним или с ней – это как бальзам «для души изнуренной» (Газали). Эмоциональная память – основополагающая способность души откликаться на то, что человек однажды пережил, перечувствовал, глубина которых в значительной степени определяется творческой энергией поэта. Так, в цикле стихов «Вечер у горы Машук» (Т. Марутовой. 1970), состоящих из пяти частей, отражено не только эмоциональное состояние души поэта, вызванное пребыванием с любимой женщиной у горы Машук в Пятигорске. В нем нечто большее: и благодарность за счастье, которым одарила его женщина, и раздумья о роли женской красоты в жизни мужчин, и нравственная позиция автора по разным вопросам бытия. Вот строки третьей части цикла стихов. Обращаясь к Т. Марутовой, Кулиев писал:

Ты – дар бесценный, данный мне судьбою,
Как полю – всходы, как заре – лучи.
Вновь и всегда я восхищен тобою,
И если есть на свете богачи,

То это значит: я богач вселенский!
Что в мире женской красоты ценней
И кто богаче? Красотою женской
Освещена издревле жизнь людей [41].

Пер. С. Липкин

В третьей части цикла стихов «Вечер у горы Машук» есть что-то от пушкинского восторженного слова: «душа

к возвышенной душе твоей летела и, тайно съединясь, в восторгах пламенела».

Кулиевское слово о святом чувстве дружбы и любви возвышенно, в нем есть и мысль, и творческое воображение, и желание простить всем, кто когда-то нанес ему боль:

Вот вижу я твои глаза и руки,
И чувство доброты растет во мне:
Я женщинам простил всю боль, все муки,
Все то, что перенес по их вине [42].

Подобные лирические признания в стихах-посвящениях обладали широким обобщающим смыслом («Я женщинам простил всю боль и муки, все то, что перенес по их вине») и были как бы частицей жизни каждого, кто пережил подобное.

Стремясь к возвышению предмета своей любви, поэт прибегал к специальным словесным средствам: художественному преувеличению и олицетворениям («Там, где идешь, тебе дорога рада, там, где ты воду пьешь, река светлей. Звезда от твоего сияет взгляда, приветствует тебя трава полей»). В стихотворении они служили для более глубокого художественного воспроизведения внешнего и внутреннего облика литературной героини. Обращение к олицетворению как изобразительному средству было оправдано тем, что поэт хотел сказать о своем душевном подъеме в тот вечер у горы Машук. Традиция в образном выделении женского образа соблюдалась:

На камень сядешь – милой красотой
Его ты радуешь, и я клянусь:
Травой, дорогой, камнем и звездой,
Тобой преображенный, становлюсь [43].

Пер. С. Липкин

Эпиграфом к этому циклу стихов Кулиев взял слова Лермонтова «И звезда с звездой говорит». Это не случайно: именно у подножья горы Машук в Пятигорске погиб Лермонтов («всей мощью на убитого поэта дождь падал... а Лермонтов не закрывал глаза, как будто видел небеса России»). Это в социальной памяти поэта сохрани-

лись детали того трагического вечера. Время Лермонтова и национальном мироощущении Кулиева нашло отражение в зрительной и слуховой устремленности сознания («здесь вечер нам припомнился другой: всей мощью на убитого поэта дождь падал: то ли шел с горы крутой, то ль зачинался на равнине где-то»).

Временные и пространственные категории в творческом воображении поэта менялись в зависимости от целевых задач частей цикла. В первом цикле – от прошлого взгляд устремлялся в настоящее:

Опять спустился вечер на Машук,
И так же, как при Лермонтове, снова
Густые сумерки легли вокруг
На камни, полные тепла дневного [44].

Детали пейзажа этноприроды тоже использованы с определенной идейно-нравственной целью: мир природы невозмутим, он уходит на покой («...хребта белеет южный скат, в тех сумерках он различим едва ли. Уже поблек кизилковый закат, вершины гор невидимыми стали»), счастье влюбленных ничем не должно омрачиться. Однако, как вспоминал поэт, «здесь вечер нам припомнился другой...»

Мы слышим этот дождь, хотя суха
Трава в сухой и ясный вечер мая,
Мы слышим выстрел возле Машука,
О мертвом всаднике еще не зная [45].

Стихи «Вечер у горы Машук» окрашены сильным лирическим чувством, и сам автор, мудрый, взрослый человек, способен раскрыть все грани своей души, таланта и всю силу своего ума. Поэтому в стихах, казалось бы, глубоко личных, интимных, в первой и пятой части вдруг появились лирические отступления о Лермонтове: «И я сажусь на камень, на котором и Лермонтов сидел в былые дни».

Чего я в теплый вечер ожидаю?
Вновь облака проходят, как тогда,
Вновь движутся от Машука к Бештау,
И со звездой говорит звезда [3].

«Со звездой говорит звезда» повторяется несколько раз после группы строф. Этот рефрен – повышенное эмоциональное ударение и потому ставит его в центр внимания читателя.

Я слышу, – говорит звезда с звездой.
По горной поднимаюсь я тропе,
Чтоб сердце было вровень с высотой,
И кланяюсь я звездам и тебе.

Эти финальные строки завершают стихотворение «Вечер у горы Машук» (1970). С Татьяной Муратовой поэт не раз встречался во время юбилейных торжеств, посвященных М. Ю. Лермонтову в Пятигорске. На эти торжества сюда приезжали поэты М. Дудин, К. Симонов, А. Твардовский, И. Абашидзе, Д. Долинский, Н. Гребнев, Я. Козловский, Р. Гамзатов, М. Карим, Д. Кугультинов, А. Шогенцуков, И. Бабаев, Наби Хазри, Назир Хубиев и многие другие друзья Кайсына Кулиева, встречи с которыми были для него высшей радостью и творческим общением родственных душ.

О ЖЕНЩИНАХ БАЛКАРИИ

Краса и нежность гор, вы – нас начало
К. Кулиев

Тема верности, величия женской красоты и трудолюбия развернута в произведении Кулиева «Послание женщинам Балкарии» (1981). Обращаясь к ним, своим терпеливым и выносливым горянкам, поэт просил простить его за то, что не воспел их раньше, когда был молод. В первом четверостишии Кулиев писал:

О женщины Балкарии, горяя
О том, что не сказал вам до сих пор
Всего о вас, что ныне говорю я,
Прошу простить – мне горек ваш укор [47].

Пер. Д. Долинский

По объему оно большое – 36 четверостиший, в которых можно проследить определенную художественную кон-

цепцию о роли и назначении женщины в жизни страны в семье. Кулиев не скрывал, что женщины Балкарии, как и все матери и жены на трудных поворотах истории, были материальной и моральной опорой и поддержкой мужской половины и страны в целом:

В плуги впрягались, жали хлеб серпами,
Как некогда серпами у небес
Над собранными тощими снопами
Склонялись, как над чудом из чудес.

Следующее четверостишие можно толковать и понимать по-разному, но оно – о депортации и связано с возвращением на родную землю, поэтому употребленное местоимение «мы» идет как бы от лица мужской части населения балкарцев:

И, может потому, пройдя сквозь дали,
Мы возвратились и в счастливый час
Родимые вершины увидали
И на вершинах вечных – вечных вас!

В XX век, век социальной перестройки, больших изменений в экономической и духовной жизни целых народов и отдельной личности, сверхившихся трагедий в общественной жизни наций голос отечественной лирики продолжал по-прежнему звучать и воспевать женщин, на долю которых выпало много тяжкого. Естественно поэтому в поэзии Кулиева последнего года его жизни появилось много раздумий о судьбе женщины-горянки. Его друг, башкирский поэт Мустай Карим в статье «Возводящий мост» писал, что женщина его времени своим трудом и разумом прокладывала себе путь, который не всегда был усыпан розами, но в нем смысл ее жизни и ее счастья. «Идет та Солнечная женщина, освещая все вокруг и освещаясь сама. Женщина Востока – светило, выпущенное из неволи» [48]. Определение «солнцеликие» встречается и в «Послании женщинам Балкарии»:

Вы лунолики в годы молодые
И солнцелики в зрелые года,
Вновь разжигали очаги родные,
Когда не раз гасила их беда.

Роль женщины в годы бедствий и войн воспета поэзией всех времен, но и Кулиев сказал свое слово: и его лирике свойственна поэтизация женщины. Он успешно приумножил и развил благородные традиции отечественной классики, используя художественный опыт русской лирики и поэзии Востока о женщинах и о любви. Следующее четверостишие о военном лихолетье и о тех, кого защищали воины в боях:

Когда алел над нами снег и дымный
Тянулся путь среди чужих равнин,
Стоял у нас в глазах ваш образ дивный –
Для горца он сродни красе вершин.

Общественно-политическое и нравственное значение женщины-горянки, воспетой Кулиевым в этом «Послании», выходит далеко за пределы его художественного слова и этносреды балкарцев. Оно значительно шире и имеет обобщающий социально-философский смысл. Кулиев хотел подчеркнуть, что именно для горца женский образ дивный – «он сродни красе вершин». В своих прекрасных строках о женщинах Балкарии Кулиев не только восхищался красотой горянок, преклонялся перед ними, но и связывал чувство к женщине с духом свободы, передавал ее стремление к независимости и сохранению чувства собственного достоинства. Чистое, благородное сердце женщины было упорно в борьбе за свой идеал.

Вы лунным светом молодости были
Над двориками наших давних лет,
Рассветною зарей вы к нам входили
В дома, и – поселялся в них рассвет.

И в ласковом сиянье тех рассветов,
Вобравший свежесть гор и шелест нив,
Растили вы героев и поэтов,
Собой от бед их детство заслонив.

Общность тем и образов нисколько не мешало советским поэтам каждому проявить свою неповторимую новизну, национальную индивидуальность и передать свой нравственный опыт лирики о женщинах и о любви:

каждый писатель и поэт приносит в мир свое осмысление этой темы, свое отношение к женщине.

Принес свое понимание любви, свое отношение к женщине, матери и Кайсын Кулиев, стихи которого проникнуты пушкинским светом, лермонтовской грустью, неослабевающим удивлением Тютчева и музыкальной стихией Блока. «Вечная» тема человеческой любви и возвышенное отношение к женщине в «Послании к женщинам Балкарии» глубоко раскрыта через чувства и мысли лирического героя. Тема женственности и материнства на протяжении всего творчества поэта переходила из цикла в цикл стихов, начиная от ранней лирики 30-х гг. до середины 70-х, когда он написал хвалебную, восторженную оду «Касыда женщинам» (1975), а через десять лет – «Послание балкарским женщинам» (1985). Вспоминая о своих поэтических музах, Кулиев сказал: «...я всегда оставался благодарным женщинам, как и жизни. Хотя порой они причиняли мне боль, но чаще дарили радость. Это в разные годы старался выразить в стихах. Женщина – одно из непостижимых и загадочных явлений жизни. Я постоянно считаю, что женщина выше меня, она была моей матерью, вскормила человечество. А что касается поэзии, то она и женщина никогда не расстанутся. Женщина не давала остыть очагу мировой лирики, мы ей обязаны шедеврами Пушкина и Петрарки, Тютчева и Лорки, Хафиза и Блока, Есенина и Пастернака» (Так растет и дерево. С. 455).

В своих стихах о женщинах Кулиев шел от восточно-романтического преклонения, прославляя бессмертие женской красоты и беспредельность любви. Все эти разные грани нашли отражение в его «Послании балкарским женщинам». Вот как поэт восхвалял женщин-балкарок, хранительниц очагов:

Казалась вами поданная пища
Волшебным яством, хоть была проста,
И озаряла души и жилища
Души и песни вашей красота.
Казалось: ваши голоса небесны,
Едва любая в сакле запоет,
Казалось: на вершины и на бездны
Они лились из солнечных высот.

Сравнения и гиперболизация, употребленные в стихах, несли определенные эмоционально-выразительные функции. Кулиев, как подлинный художник слова, всегда стремился к предельной простоте и верности сравнений, используя этноприроду как средство народного мироощущения (краса женщин-балкарок подобна красоте гор, голоса их лились из солнечных высот и вершин недоступных гор и т. д.). И тем не менее, несмотря на эти восточные «красивости», Кулиев был свободен от эстетической условности восточно-романтических традиций. В целом «Послание...» было основано на знании этносреды, исполнено большой любви к балкарским женщинам-труженицам и соединяло в себе правду о них и красоту, благородство их поступков. Заканчивая «Послание женщинам Балкарии» (1981), Кулиев писал:

Светите! Не померкнуть вам! Вы ярки
Как гор и первоцветья белизна.
Хвала и слава вам, мои балкарки, —
Моей души и гор моих весна!

Пер. Д. Долинский

**Поэзия Грузии озарила мою душу
И мою жизнь,
стала необходимой для меня**

В очерке «Моя Грузия» Кулиев писал: «Мне довелось увидеть довольно много стран и краев. Но Грузия, наряду с землей отцов, увенчанной белым Эльбрусом, остается моей глубочайшей привязанностью, моей горячей любовью. Я люблю грузинскую землю и небо над ней... В течение многих лет одной из самых горячих моих привязанностей остается грузинская поэзия. Я люблю ее старых и новых мастеров от Руставели до Леонидзе, от Гурамишвили до Чиковани, от Бараташвили до Маргиани. Она была и остается для меня большой школой, а грузинские мастера – моими учителями, наряду с Пушкиным, Лермонтовым и родным Кязимом Мечиевым...» [1].

Образный мир кулиевской поэзии, особенно в стихотворных посвящениях друзьям, чрезвычайно богат и разнообразен. Романтический лиризм, национальный свет символики через концепт «горы» и автобиографичность придавали его стихам неизмеримо высокую поэтичность. Для примера обратимся к посланию «Стихи, сказанные в доме Симона Чиковани в Тбилиси» (1959). Вот начало его:

Грузинская поэзия от века
Сынам балкарцев не была чужда.
Как облака к Эльбрусу от Казбека,
Песнь Грузии стремилась к нам всегда [2].

Оно о друге, дружбе между ними:
Мой друг Симон, и ты в мой дом, бывало,
Без стука заходил, как старый друг,
Меня твоя улыбка согревала,
И словно оживало все вокруг.

Пер. Н. Гребнев

Послание не только о дружбе, но и о поэзии, особенно о тех, кто был дорог Кулиеву, кто был учителем и недосыгаемой вершиной на поэтическом поприще:

Я просыпался ночью.
Сонным взглядом
Смотрел и видел: в доме у меня
Сидишь ты в бурке с Лермонтовым рядом
И греешь руки около огня.

К таким произведениям Кулиева относятся и стихотворные посвящения, написанные в разные годы по поводу кончины того или другого из друзей, с которыми Кулиева связывало светлое чувство дружбы. Эти посвящения окрашены чувством грусти и печали. Возьмем стихотворение «Памяти Симона Чиковани» (1966), первое четверостишие которого, казалось, начиналось в спокойно-размеренной манере:

За сплошной пеленою тумана
Нынче робко рождается день.
Как печальны в Тбилиси платаны.
Смолк поэт, воспевавший их тень [3].

Изображение природы как объекта нравственных переживаний дано в этом стихотворении непосредственно в жизненной форме, связанной с мастерским использованием таких слов и выражений, как «сплошная пелена тумана», «день робко рождается», «печальны платаны», все это позволяло оттенить драматизм случившегося: «Смолк поэт, воспевавший их тень»). И снова тот же рефрен во втором четверостишии «Как печальны платаны в Тбилиси, если б только он мог поглядеть!» Этноприрода и времена года будут еще долго переживать утрату, которую понес грузинский народ:

В срок назначенный явится осень
И, певца своего не найдя,
Ничего у прохожих не спросит,
А заплачет слезами дождя.

А зима над притихшей землею,
Над волнами любимой реки
Склонит голову, станет седою
Не от снега – от горькой тоски.

Художественный пантеизм Кулиева в стихотворении «Памяти Симона Чиковани» как нельзя лучше выражал большое горе, которое переживал грузинский народ, потерявший своего великого поэта. Все стихотворение с самых первых фраз проникнуто необычайной грустью. Эта печаль свидетельствовала об особенном напряжении чувств автора, о драматизме его переживания, и сквозила она в каждом четверостишии.

Навсегда со своим другом Симоном Кулиев простился весной 1966 г. и сказал о нем прекрасные слова в посланиях «Стихи, сказанные в доме Симона Чиковани в Тбилиси» (1959), «Симону Чиковани» (1963) и в небольшом очерке «Песня зеленого дерева», подчеркнув, что Чиковани ценил содружество поэтов разных народов и у него было много друзей от Варшавы и до ущелий Кавказа, от Берлина до Киева, от Ленинграда до Еревана. Поэт Михаил Дудин посвятил светлой памяти Чиковани задумчивое стихотворение. Кулиев тоже сказал о своих чувствах в посвящении «Памяти Симона Чиковани».

Этого замечательного грузинского поэта Кулиев знал лично, а его поэзия была для него опорой и духовной поддержкой, когда Кайсын находился в Средней Азии, жил вдали от родной земли и «видел лишь во сне Эльбруса купол белый».

Шла тень орла по куполу вдали.
И я следил за ней душою онемелой.

Я раскрывал твой том и не смежал ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.
Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный клетот.

Пер. М. Дудин

«Я раскрывал твой том, и прибавлялось сил», — писал Кулиев в стихотворном послании «Симону Чиковани» (1963), когда его друг был еще жив и они встречались в Тбилиси по разным случаям. Оно о том, что пережил Кулиев, находясь в ссылке, и о том, каких вершин достиг своей поэзией Симон Чиковани, какую роль он сыграл в жизни балкарского поэта («За милый мир тебя благодарил и дожидался своего рассвета»). В статье о нем Кулиев писал: «У Чиковани есть вещи, которые я знаю наизусть много лет. Повторять их для меня так же естественно, как видеть рассвет и зеленые деревья... Контрастная, верная действительности, живописная, трепетно-эмоциональная поэзия Симона Чиковани прекрасна. Она — одно из лучших достижений многоязычной советской поэзии. Знаменитый грузинский мастер стоит в одном ряду с лучшими поэтами нашего времени».

Симон Чиковани был на 14 лет старше Кулиева, но никогда не подчеркивал этого и при встречах с Кулиевым был всегда внимательным и чутким собеседником, готовым откликнуться на любую просьбу, дать нужный совет. «Проведенные с ним часы были для меня счастливыми и незаметными, — вспоминал Кулиев. — Общение с большим человеком — всегда счастье. Он был моим учителем, внимательным, чутким и правдивым». В его семье Кулиев бывал не раз, и когда случилась беда, Кулиев приехал на похороны друга. Вдове поэта он посвятил стихотворение «Марике Чиковани» (1966) вскоре после похорон Симона Чиковани, когда эта замечательная женщина была жива. Кулиев присутствовал на похоронах, видел безутешное горе вдовы и сумел это передать в художественном слове. Это лирическое послание состоит из двух частей. В первой части — глубокое чувство печали автора перекликалось с безмерным горем вдовы:

О, как ты плакала, Марика,
Не многим плакать так дано.
И небо за горой великой
С тобой рыдало заодно [4].

В речи поэта чувствовались глубокие волнения и скорбь, усиливаемые тем, что трагизм положения ничем нельзя смягчить: «С любовью смерть равновелика, как боль и радость, день и ночь, О, как ты плакала, Марика, но чем я мог тебе помочь!» Кулиев склонялся перед непреходящей любовью и величием женской печали вдовы своего друга. Во второй части этого лирического послания сила чувств Кулиева и его поэтическое мастерство раздвинули рамки непосредственного обращения к Марике Чиковани: это было его обращение к Женщине. За взволнованной речью поэта, познавшего тяжесть горя и страдания, слышалась особая значимость свершившегося факта, перед которым он бессилен, зная ограниченные возможности человеческого слова и участия.

О Марика, над белой горою,
Ввысь, где снег да нездешняя мгла,
С песней барда и славой героя
Имя «Женщина» ты подняла.

Пер. Н. Гребнев

В заключительных строках этого лирического послания содержится основная мысль, повторенная многократно во многих других посвящениях и лирических письмах, — о непреходящей красоте человеческих переживаний и бессмертии дружбы и любви: «Люди — смертны, как смертны растения, но бессмертна любовь, как зерно». Любовь равна смыслу жизни.

Второе стихотворное послание «Снова Марики Чиковани» (1974) Кулиев написал через десять лет, когда он посетил пантеон на горе Мтацминда, чтобы почтить память своих друзей. Женщиной исключительного ума, высокой добродетели, самоотверженности показал поэт нам Марику Чиковани в этом новом стихотворном послании, посвященном ей высокие человеческие качества ее остались нетленными:

Не всему ли, что было прекрасно,
И по смерти скончания лет?
Даже звезды, которые гаснут,
Все же светятся тысячу лет.

.....
Пусть могилы твоей одинокой
Не нашел я среди прочих могил,
Как цветы, эти скорбные строки
Я принес и сюда положил [5].

Пер. Н. Гребнев

Дружба Кулиева с семьей С. Чиковани продолжалась. Дети прославленного грузинского поэта не раз писали письма Кулиеву, приглашая его к себе в гости. Так поступили они и когда намечалось празднование 70-летия поэта. «С праздником, дорогой Кайсын! — писал сын Чиковани. — Желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, озаренных радостью творчества. Надеюсь, что буду иметь возможность обнять Вас на юбилее Симона, который назначен на 28 мая. Привет Вашей семье, искренне обнимаю.

Нико Чиковани» [6].

В Грузии у Кулиева было много друзей, которым он в разное время писал посвящения, лирические послания и лирические письма. Слова любви, идущие от сердца,

сказал Кулиев в статье «Песня зеленого дерева»: «Грузия! Как прекрасна она в своих контрастах, как неповторим ее облик! В этот край влюблялись все большие и малые поэты. Увидев однажды, никто из них не мог забыть ее, как не забывают мир своего детства» [7]. Может, поэтому Кулиев не раз обращался в минуты вдохновения, в часы радости и печали к ее прославленным поэтам. Так, большой силой чувств проникнуто лирическое послание «Отар Чиладзе, ты назначь мне встречу...» (1966). Оно начинается со спокойного обращения к другу с просьбой назначить встречу в Тбилиси, чтобы вместе побродить и почтить память тех, «кто воспел грузинские деревья, что вечно зеленеть заставил их». Кулиев вспоминал друзей, которых уже не было на свете, отсюда грусть его, потому что:

Тбилиси все пустыней, все печальней,
И склон Мтацминды тесен от могил.
Как много их, ушедших в путь свой дальний,
Людей, которых знал я и любил [8].

Пер. Н. Гребнев

Острота поэтического чувства наполняла драматизмом эти лирические строки, повествующие о смерти и о любви. В последующих строках открывалась целая гамма человеческих переживаний. В форме беседы Кулиев разговаривал с другом как с живым, но это был монолог трагически ясно понимавшего, что все его обращения и просьбы чужды ушедшему навсегда поэту:

Мой друг Отар, в тот час назначь мне встречу,
Когда платаны красны, как костры,
Чтоб мы могли с тобою целый вечер,
Всю ночь бродить по берегу Куры.

Велел мне Тициан Табидзе летом
Сюда прийти. Я вот. Его здесь нет.
Я ждал и жду заветной встречи этой,
Он опоздал почти на тридцать лет.

Гребнев удачно перевел это стихотворение. Вот оригинал этих двух четверостиший:

Тициан Табидзе тубербиз деген
Эди да, мен келдим. Келалмады ол.
Индир айтады, терекле чеге:
Аны табалмызынга ишексиз бол!

Тифилизде чинарла кегергенде
Тубербиз деди. Отуз жыл сакъладым,
Келмеди. Турама жауун ингире,
Тамычыла шыбырдай бутакълада [9].

Основное в этом лирическом посвящении – печаль по ушедшим из жизни друзьям и уверенность в новых встречах с новым поколением друзей, которые уверенно понесут поэтическую эстафету старших. Ноты печали не покидали Кулиева, они звучат почти в каждом четверостишии об ушедших поэтах:

Живые устают от расставаний,
Разлукам без свиданий нет числа.
Для Леонидзе и для Чиковани
Не все ль равно, что алыча бела [10].

Обратимся к оригиналу, в котором есть те же лексические средства образности языка и звенит печаль о горькой утрате друзей:

Бу сезлени къатларма ненча кере?
Леонидзе, Чиковани – обала.
Къабырлары къатында эрик терек
Чакъгъанын билмей, жатадыла ала [11].

В последнем четверостишии тот же рефрен: «Отар, назначь мне встречу на аллее в тот час, когда платаны шелесят, течет Кура и алыча белеет, и город спит, как много лет назад». Обращения «Отар Чиладзе, ты назначь...», «Мой друг Отар...» и в последнем стихе снова «Отар, назначь мне встречу...» создавали особую атмосферу предполагаемой беседы, а повышенное эмоциональное ударение на этих повторах-обращениях было средством художественной выразительности, в сочетании с другими средствами образного раскрытия содержания этого посвящения достигалась определенная цель, которую разрешал автор посвящения или послания.

В 1967 г. Кулиев написал стихотворное посвящение «Грузинская песня» памяти Георгия Леонидзе.

У подножья белой горы
Зеленела чинара, бывало,
Но ударили в ствол топоры,
И гора одинокою стала [12].

Так начиналось это небольшое произведение Кулиева, состоявшее из четырех четверостиший, в которых нет обычного авторского «Я», его чувства, настроения, внутреннего состояния. «Грузинская песня» (1967) – о зеленой чинаре, дарившей людям тень «в засушливый день», и о скорби луны и зари, ставших свидетелями гибели этого стойкого дерева. Образ срубленного дерева стал основным стержнем, определяющим логику сюжетно-композиционного движения авторской мысли и читательского восприятия:

Рухнул ствол, и сошла его тень,
И тропа погибает от зноя.
Показалась луна в вышине
Над горою, над голою кручей.
Стало больно холодной луне –
И она опустилась за тучи.

Использование метафоры («Стало больно холодной луне – и она опустилась за тучи») способствовало усилению воспроизведения горя, случившегося с зеленым деревом, от которого остался лишь пенек. И снова метафоризация, способная захватить каждого своим лиризмом и звуковым фоном:

На рассвете пробилась заря,
Увидала лишь пенек, и, рыдая,
За хребты закатилась заря,
И взойдет ли опять – я не знаю.

В этом же 1967 г. Кулиев написал еще одно посвящение – «В доме Дмитрия Гулиа». Известный классик абхазской литературы привлекал внимание Кулиева своей удивительной судьбой и творческим наследием. В этом традиционном жанре, в посвящении, как и во многих других, лирическая манера Кулиева своя, осо-

бенная, специфически горская. В последнем четверостишии послания он писал:

Я тихо прикрываю дверцы.
Мне видится: на фоне гор
Твое еще живое сердце
Горит и бьется до сих пор [13].

Пер. Н. Гребнев

Усиление индивидуально-биографического начала, чуткая отзывчивость на все события эпохи и на то, что было драматического в судьбе Кулиева – все можно увидеть в этом посвящении Дмитрию Гулиа. Вот строки о судьбе Кайсына, когда он находился в Средней Азии в качестве ссыльного поэта:

В те дни твоим я гостем не был,
Тогда, уткнув лицо в траву,
Я видел над Кавказом небо
Во сне, а плакал наяву.

Внутренняя субъективная личностная основа позволяла Кулиеву наиболее достоверно и правдиво рассказать о том, что он хотел:

С тобой абхазской ночью звездной
Я никогда не пил вина.
К тебе пришел я слишком поздно,
Но это не моя вина –

так начиналось это посвящение, состоявшее из десяти четверостиший, в которых тонкий лиризм и эпичность слиты воедино. Кулиев высоко ценил творческую работу старшего по перу поэтического собрата, поэтому писал:

Ты многие потратил годы
И доказал, что всяк язык,
Большого ль, малого ль народа,
Ровно прекрасен и велик.

С сыном абхазского классика Георгием Дмитриевичем Гулиа, прозаиком, Кулиев был хорошо знаком, встречался с ним в Москве. Он жил тогда в столице на улице

В. Ульбрихта, д. 16, кв. 69. Посетил Кулиев и прославленный дом Дмитрия Гулиа в Абхазии когда отдыхал в Пицунде.

Вот дом, к твоей привыкший власти,
Вот дом, прочтенный до конца,
Окно, распахнутое настежь,
Как сердце честного певца.

Вероятно, в этот год, 1967-й, было потребностью души чегемского поэта как-то осмыслить и воплотить человеческие судьбы и дела в высокие поэтические строки, касалось ли это грузинских, абхазских или других поэтов.

В 50-е и 60-е гг. XX века за два десятилетия Кулиев написал десятки стихотворных посланий и посвящений, отмеченных стремлением автора индивидуализировать речь тех, кому он посвящал свои произведения, и умением использовать средства образной выразительности языка, а именно: сравнения, метафоры, вопросительные и восклицательные конструкции, повторения, параллелизмы. При этом аспект речевого поведения конкретных, реальных людей, к которым обращался автор, был обусловлен не только их полом (женщина, мужчина), но и их возрастом (ребенок, юноша, старик), социальным статусом (учитель, певица, овцевод, поэт, глава правительства, простой рабочий и т. д.). Даже небольшой анализ посвящений и посланий Кулиева свидетельствует о гармоничном сочетании в его языке литературных классических традиций с особыми национальными приемами, присущими родному языку, и с индивидуальным творческим мышлением поэта, с его народным миропониманием.

У Кулиева в Грузии было много хороших друзей, которым он посвятил или очерки, или стихи-послания, такие, как «Веселые люди» (Теймуразу Чиргадзе), «Ираклию Абашидзе», очерки «Поэзия высокой мысли» (о Ревазе Маргиани), «Языческий певец» (о Карло Каладзе), «Чудесный кахетинец» (о Георгии Леонидзе), «Подобный молнии» (о Николозе Бараташвили), «Песень земной красоте» (о Шота Руставели) и «Песня зеленого дерева» (о Симоне Чиковани).

В стихах-посланиях и очерках дана яркая и глубокая характеристика того или иного поэта, особенности его лирики, внутреннего и внешнего облика. Кулиевская краткость и глубина мысли оценки того произведения, которого он касался, удивительны, будь то шедевры Тициана Табидзе «Не я пишу стихи...», «Иду со стороны черкесской...», «Ликование» или восхитительные строфы о любимой Бараташвили «Он прекрасен без прикрас...»

В стихах-посвящениях или в лирических письмах грузинским друзьям последнего года жизни Кулиева много трагических нот. Одним из таких произведений является «Ираклию Абашидзе» (1975), опубликованный в сборнике стихов «Жить!» (М., 1986), изданном уже после смерти поэта. Начинается стихотворение с размышления-беседы с другом, которого Кулиев называл не иначе, как королем кавказских поэтов. Эмоционально-образное воздействие на читателя идет с первых строк начального четверостишия:

Коль выпадет вдруг мне увидеть: горит все печальней
Звезда моя в сини над белыми шапками гор, —
Друзей я окликну. Откликнутся ближний и дальний —
Откликнутся все, где б в горах ни горел их костер.

Пер. Д. Долинский

Яркие краски: «синяя даль», «белые шапки гор» — служили передаче психологического состояния, но в то же время «звезда его» горела все печальней. Все эти пейзажные зарисовки выявляли сложность положения лирического героя, который нуждался в поддержке друзей и был уверен, что они откликнутся, «где б в горах ни горел их костер».

Второе четверостишие подтверждало эту уверенность. Она введена в речь автора, который твердо полагал, что «печаль отойдет и светлей разгорится звезда над Кавказским хребтом, поднимаясь все выше, где туча печали не скроет ее никогда». «Туча печали» — оригинальная метафора позволила «одушевить» все сказанное выше, психологически подготовить читателя к восприятию третьего четверостишия:

Не так уж и много, друзья, мне из звездного рога
Свет наших имен, от которых теплеет душа,
Дарила судьба... Высока моя с вами дорога,
Где с вами встречаюсь я, воздухом дружбы дыша.

Утверждая художественным словом нравственные нормы человеческих взаимоотношений как формы гуманизма, автор строк был уверен, что его друзья не безразличны к его трагической обреченности, поэтому и возникли эти строки:

К хребта белизне повернусь я и крикну: «Ираклий!..» –
«Кайсын!..» – я услышу в ответ, ошастливлен судьбой,
Как будто издревле в ауле одном наши сакли
Стояли бок о бок и шли мы одною тропой...

В свете авторского идеала дружбы людей и их взаимоотношений, их чувств и переживаний Кулиев специально отбирал самые простые слова и выражения, используя в пятом четверостишии из всех средств образной выразительности языка только одно сравнение:

Что нам километры, коль нет между нами и метра, –
Идем локоть к локтю. Виски, как у гор, в серебре.
И если чинар твой вдруг рухнет однажды от ветра –
Трясется чинар в эту ночь у меня во дворе.

Дружба между ними действительно была долгой, прочной, и они всегда понимали друг друга с полуслова. Кулиев гордился ученым званием своего друга, называя его ласково «поэт-академик». Ираклий Абашидзе был действительно академиком, вице-президентом Грузинской академии наук. Встречались они много раз и были счастливы, так как их объединяли единство взглядов и тепло сердец:

И если залает твой пес – слышу я через горы.
Нас Ушба роднит, хоть мы с разных сторон искони.
И матери наши, одевши печали уборы –
Все в черном, – глядели когда-то на горы одни.

Ираклий Абашидзе приехал 20 декабря 1977 г. из Грузии в Москву, когда в столице отмечали 60-летие Кайсына Кулиева в Концертном зале им. Чайковского. В день

проведения юбилея выступали многие известные поэты и писатели России: Константин Симонов, Алексей Сурков, Аркадий Кулешов, Сергей Михалков, Давид Кугультинов, Мустай Карим, Михаил Дудин, Алим Кешоков, Евгений Евтушенко, Яков Козловский, Семен Липкин, Паум Гребнев, Белла Ахмадулина. Среди них был и Ираклий Абашидзе. Он сказал: «Кайсын достоин того, чтобы и немые заговорили! Его влияние на людей безмерно. Я люблю его стихи, потому что Кулиев – монолитная фигура. В этот прекрасный юбилей я горжусь качествами его характера и его прекрасной поэзией. Биография истинного поэта – это биография его страны, история его родной земли. Все отражено в стихах Кайсына: война, послевоенные трудные годы. Он тысячу раз заглянул в глаза смерти, когда с винтовкой в руках защищал Россию и Чегемскую землю. Именно тогда во стократ возлюбил жизнь и восславил ее во всех проявлениях. Уверен, что мой друг будет жить и жить, сквозь годы мчась...»

Многое роднило Кулиева и Абашидзе. В стихотворном послании поэт из Чегема хотел подчеркнуть это, прибегая к эмоционально-выразительному образу матери-горянки:

О, матери наши! О, как они счастье молили
Крылом своим радужным нас, сыновей, осенить!..
В тот миг, когда Лермонтов пал, горы боль затаили –
Пронзила сердца нам с рождения боли той нить!..

Встречи К. Кулиева и И. Абашидзе были всегда душевными и приносили радость общения. В стихах и прозе, в которых они обращались к друг другу, поэты стремились выразить то, что больше всего их волновало, а сознание обретенной поэтической дружбы на всю их долгую жизнь позволило Кулиеву закончить это послание именно так:

«Ираклий!..» – кричу. И «Кайсын!..» – слышу голос твой тотчас.
Эльбрус мой, он – твой! Твоя Ушба – моя на века!..
Как свет и покой – горы высятся, сосредоточась,
Как наши раздумья, над ними светлы облака!.. [14].

Пер. Д. Долинский

Много раз встречались они, но Кулиеву запомнилась одна – это памятная встреча с Абашидзе, когда в Тбилиси отмечали в ноябре 1979 г. 70-летие со дня рождения этого выдающегося поэта. В своем выступлении на юбилее друга Кулиев подчеркнул особую роль Абашидзе в исследовании творчества Ш. Руставели, а «Грузинский крестовый перевал» – это новое слово в науке о Шота Руставели и его «Палестинском дневнике». «Я люблю поэзию Ираклия военных лет. Мы с ним участники Великой Отечественной войны, только он был старше меня на восемь лет и писал лучше, чем я», – сказал Кулиев и в заключение своего выступления прочитал стихи Ираклия Абашидзе об этом времени: «Дети», «Сталинград» и «Капитан Бухаидзе».

Тогда, на этом юбилее, был цвет грузинской интеллигенции, и Кулиев искренне восхищался творческим потенциалом Грузии; многие из присутствовавших на вечере уйдут один за другим из жизни, как и поэт Кайсын, воспевавший их.

У Кулиева в стихах-посланиях любое его душевное состояние предстает обычно не как процесс происшедшего (происходящего), а как нечто нравственно-этически устойчивое, закрепившееся во взаимоотношениях людей, о которых он писал. Различные их поэтические судьбы уводили в мир воспоминаний автора, который с теплом и сердечностью писал о своих друзьях. Одним из них был и Реваз Маргиани, известный лирик Кавказа. «В лирике Маргиани есть главное – содержательность, образность, мысль, откровенная сердечность, плененность земной красотой, желание радости и счастья людям; в ней бьется горячее сердце поэта, – писал Кулиев в 1972 г. – В его лирику вошло все, чем он живет, чему радуется, что его тревожит и волнует, за что он благодарен жизни и судьбе... Сказанное им интересует многих, становится близким многим сердцам. Его слово – это опора и поддержка для тех, кто в них нуждается»[15].

В гостеприимном доме Маргиани в Тбилиси Кулиев бывал не раз, выходил на балкон и смотрел на знаменитую Мтацминду, по его словам, воспетую лучшими поэтами Грузии от Бараташвили до Чиковани. «Много прекрасных часов проводил я в этом доме и на этом балконе,

осчастливленный добрым отношением хозяев, дружеской беседой, братским застольем», — вспоминал Кулиев.

В стихотворном послании Ревазу Маргиани «В сторону Сванетии иду» (1963) читаем:

Я в Сванетию иду под облаками,
Думалү прошел, минуя Булунгү,
Память гонится за мной. Присев на камень,
Я сдаюсь — уйти от мыслей не могу [16].

Пер. Я. Хелемский

Биографическая память с убедительной точностью воспроизводит места, пространственно-временные и художественные образы, бытовые детали и т. д.

Камень солнцем подогрет; пережитое
Мне покоя не дает. Оно со мной.
Горный кряж, блистая наледью седую,
День мой тоже наполняет белизной.

Повтор третьего четверостишия «Я в Сванетию иду» свидетельствовал о пристрастии автора этого послания к определенной идее. Сила ее воздействия не только в художественной убедительности, а в ее полном соответствии эстетическим принципам поэта, который «...прошагал по всем дорогам», учился и «...у гор, у сосен, у воды...» Эта фраза и последующая: «Вспоминаю, снова думаю многом, благодарный за спасенье от беды» — способствовали образной яркости воспроизведения различных вех судьбы поэта. Метафора, использованная здесь, создала целую, законченную картину жизни и поэтической дороги Кулиева.

Следующее четверостишие поразительно по глубине и искренности признаний, волнующе, как рассказ о творческой дружбе и светлых воспоминаниях:

Я в Сванетию иду тропею старой.
В тот же час воспоминаний сблака,
Как по склону восходящие отары,
Мне сопутствуют, идут издалека.

Родились эти два поэта рядом, они почти ровесники и росли в горах. Верхний Чегем, родина Кайсына, отде

ляется от Сванетии и Малухи, где родился Реваз, только одной большой горой. «...Всего несколько часов ходьбы: один склон горы смотрит на его селение, – писал Кулиев, – другой – на мое». Поражало Кулиева не близкое соседство, а «грузинское хоровое пение, обворожительное, одно из лучших в мире», как утверждал он. «Впервые я услышал мальчиком это пение от земляков Реваза – малухцев. Это стало началом моей любви к грузинской поэзии», – вспоминал Кулиев. Сначала у поэта возникла любовь к фольклору своих соседей, а потом уже – восхищение лирикой грузинских мастеров. Об этом прямо сказано в восьмом и девятом четверостишиях:

Снова в сторону Сванетии шагаю,
Где легенды многочисленнее книг,
Мной прочтенных. Это лирика живая
Все звенит, не иссякая, как родник.

Мягко стелется, как снег зимою ранней,
Летним дождиком над ветками шумит.
Ход негаснущих моих воспоминаний
С вековыми преданиями слит [17].

С Ревазом Маргиани Кайсын переписывался всю жизнь. В архиве Кулиева есть много писем от него, так как их связывала большая творческая работа. Маргиани был редактором газеты «Литературная Грузия» («Сакартвело»), где не раз были опубликованы стихи Кайсына.

Вот одно из писем Реваза от 31 октября 1972 г.: «Дорогой Кайсын! Соскучился по тебе, очень соскучился, – писал он. – Сейчас у меня и у редакции нашей газеты просьба к тебе: готовим большой специальный номер, посвященный дружбе народов. Обязательно хотим заполучить твою статью о братстве литератур (желательно – в связи с грузинской литературой). Недавно ты сказал мне, что пишешь стихи о Грузии. Может быть, пришлешь одно стихотворение? Очень прошу вместе со статьей прислать хоть одно стихотворение, новую фотографию, а также факсимиле. Материалы нужно прислать мне не позже 20 сентября.

С нетерпением жду ответа. Привет твоей дорогой семье – привет джигитам! Обнимаю.

Вечно твой *Реваз Маргиани*» [18].

В стихотворных посланиях, посвящениях и лирических письмах Кулиева нашла место и тема материнства. Поэт запечатлел почти идеальный, как и в традиционном народном понимании, образ женщины-матери во многих стихах; его творчество невозможно представить без поклонения отчому дому и возвышенной, коленопреклоненной любви к старой горянке. «И кланяюсь всем матерям я в ноги, когда о матери своей пою», — писал Кулиев. Вот небольшой перечень стихотворений о женщине-матери: «Мать принесла воды из родника» (1936), «Пускай меня любая спросит мать...» (1936), «Во дворе» (1936), «Ты ждешь меня» (1941), «Я вижу, мама, день весенний» (1961), «Памяти матери» (1963), «Свой дом я вспоминаю очень часто» (1965), «Все тот же снег белеет в дальней дали...» (1970), «Две песни, которые любила моя мать» (1974), «Язык моей матери» (1983). Это целая художественная концепция, в которой можно проследить самовыражение лирического героя от детского восприятия родного дома, матери до гражданского и общечеловеческого начал, истоков жизни каждого из нас.

Памяти Нины Виссарионовны Маргиани Кулиев посвятил цикл стихов «Свет матери» (1973), в которых воспел святое чувство материнской любви к детям, очагу, родному краю, благородство поступков и возвышенность чувств.

Как и всякое посвящение, оно сразу же настраивало на печальные размышления:

Мать друга умерла. Еще одна
Ушла навеки доброта седая
В такую глубь, что не имеет дна,
В такую высь, что не имеет края [19].

Пер. Д. Долинский

По содержанию — это грустная лирическая песня об утрате, о смерти близкого человека, очень горькая, заставляющая страдать автора, который, чтобы полнее выразить свои чувства, прибегает к сравнениям:

Мать друга стала вечно горой,
Где облака, как белые метели,

У чьей вершины давнею порой
Она качала сына в колыбели.

Обращаясь к другу, известному грузинскому поэту Ревазу Маргиани, Кулиев пытался его утешить, понять его горе, хотя это так трудно выразить в поэтическом слове:

Ни голоса теперь, ни света глаз,
Осиротела, стала бесприютной
Без матери душа твоя, Реваз,
Как без огня очаг зимою лютой.

В этом цикле стихов в раскрытии замыслов поэта большую роль играют сравнения, которые осуществляют эмоционально-выразительные функции, и метафоры, способствующие образной яркости картин случившегося и отражению глубины горя:

Угас, угас огонь, что вновь разжечь
Никто не сможет никогда, мой милый,
А холод – лют. Пред тем как наземь лечь,
Снег вечной болью кружит нам могилой.

Во второй части цикла стихов Кулиев прибегал к такому средству образной выразительности, как параллелизм, для художественной детализации описания того, что было общего в их детстве:

...как тогда, над нами голубень,
когда, за наше будущее в страхе,
качали руки мамы колыбель:
мою – в Чегеме, а твою – в Малухе.
И, как тогда, огонь рассветал,
Но нет светлее в Солнечной системе
Того огня, что в очаге пылал, –
В твоём Малухе и в моём Чегеме.

Как видно, эта часть посвящения носила иной характер, чем в четырех четверостишиях первой части, где говорилось о смерти матери друга.

Тема второй части – воспоминание о Чегеме и Малухе, о матерях как хранительницах горского очага, в быте и жизни которых было много общего:

Он вспыхивал. И матери ладонь –
В Чегеме ли, в Малухе – связь едина –
Над ним склонялась, чтобы жил огонь...
С ним не страшны ни пуля, ни чужбина!

В первой строфе «Он вспыхивал» речь шла об огне очага как символе уюта и покоя домашнего быта, хотя поэт в этом четверостишии вложил в слово «огонь» другое назначение: ... чтоб жил огонь... С ним не страшны ни пуля, ни чужбина!»

В последующем четверостишии – другая мысль о матерях Реваза и Кайсына:

Мать с матерью всегда – сестра с сестрой.
Нам на Кавказе две горы отныне
Родней всех гор. Под каждой горой
Мы – две печали средь одной долины.

Последняя строфа – «Мы – две печали средь одной долины» – в композиционном построении является законченным развитием метафоры, то есть художественной аллегорией, главная задача которой – сделать образную иносказательность понятной для всех.

В третьей части в четырех четверостишиях затронуты вопросы горского этикета, тема воспитания, передача горских обычаев и традиций:

Дались нам наши жизни нелегко,
Их жизни продолжаем мы – своими,
Их совесть в нас чиста, как молоко,
Наш первый хлеб, дарованный нам ими.

Во втором четверостишии аллегорическая картина о белых прядях Кавказа, крыльях двух белых птиц стала замечательным по своей художественной точности и выразительности воплощением горя, которое неожиданно обрушивается на сыновей (дочерей) со смертью матери:

Еще две пряди белые Кавказ
На землю уронил, как будто крылья
Двух белых птиц. Ты горе пьешь, Реваз,
Из речки горя, что уже испил я.

Далее в третьем четверостишии автор использует простое сравнение: «черна печаль, как ночь», очень важное для раскрытия образа горя, и метафорический эпитет «черный», подчеркивая тем самым основную особенность, драматичность их судеб – утрату матерей:

Дыхтау с Ушбой в трауре. Черна
Печаль, как ночь. Но светел снег, как слово
О жизни, что людской судьбой красна,
И солнце уходящее багово.

В последнем четверостишии третьей части Кулиев снова обращался к другу, понимая его непоправимую беду:

Их больше не увидит никогда
Горянка, что тебя горам явила, –
Твоя, Реваз, кручина и беда,
Твое незаходящее светило.

Идейно-тематическая направленность посвящения «Свет матери» (1973) многопланова: мотивы дружбы, печали, горя, горского этикета, родного дома, материнской любви, быстро уходящего времени, старости, смерти и другие – все нашло воплощение в семи частях этого цикла стихов, посвященных памяти Нины Виссарионовны Маргиани.

Поэтические раздумья Кулиева о жизни и смерти в четвертой части носили обобщенный характер, излагали авторскую точку зрения на трагическое явление, которое может случиться в жизни каждого человека. В духе романтических элегий, широко распространенных в начале XIX века, повествовавших о почивших, Кулиев тоже употреблял много риторических отрицаний, восклицаний: поэт стремился сосредоточить все внимание читателя на событии. Эти средства образной выразительности языка тоже служили усилению непосредственного выражения авторского отношения к смерти, потерям родных:

О вы, неотвратимости мосты!
Никто вас перейти не смог вовеки,
Вы над людскими реками густы,
Как ни длинны в веках людские реки!

И снова:

О, невозможность повторить опять
Родные лица, душ родных тревожности!
Как ни моли, но вновь увидеть мать
Возможности не даст нам невозможность.

В этих двух четверостишиях и в других, следовавших за ними, Кулиев пытался с наибольшей полнотой и выразительностью при помощи метафоризации и других лексических средств показать характер отношений между матерью и сыном, домашний быт, заботы матери:

Каким бывал счастливым каждый раз
Ты до сих пор, когда произносила
Мать радостно и сладостно «Реваз!» –
Не отрываясь, – тесто ли месила,
Корпела ль над шитьем, уже с трудом,
Жалея всех на белом свете. Кроме
Самой себя. Я прихожу в твой дом.
Но, как тебе, мне зябко в этом доме

Пятая часть посвящения как бы повторяла, углубляла мысли поэта, его рассуждения, что были и в четвертой части, – о значимости матерей, об их великой роли в жизни каждого человека:

О, как они бессменны на посту
У каждой нашей радости иль драмы!
Никто неправоту иль правоту
Своих сынов не чувствует, как мамы!

Обращение к Ревазу – необходимая форма раскрытия авторского отношения к происшедшему, своеобразная оценка его. Оно введено Кулиевым в поэтическую речь только для того, чтобы высказать с наибольшей полнотой и непосредственностью то, что его волновало:

Пока они живут, Реваз, – для нас
Цветут деревья радости на свете...
Но вот они уходят в страшный час,
И – мы, сыны, беспомощны, как дети.

В 6-й и в 7-й частях этого посвящения – грустный мотив памяти преувеличенно взволнованно звучал почти в каждом четверостишии, и повторялось то же риторическое обращение, раскрывавшее авторское отношение к трагическому факту: «Что, брат, мне еще тебе сказать? Мы сами далеко ушли от полдня – до вечера уже рукой подать. Живущим надо жить, ушедших помня». Поскольку эти печальные суждения о прожитой ими большей половины жизни были призваны раскрыть внутреннее состояние автора, то и слова несли в этом посвящении не столько предметный, сколько эмоциональный смысл:

Пред горем мы с тобой теперь равны.
Неслышно приподняв ночей покровы,
Стучатся наши мамы в наши сны
С надеждой, что мы живы и здоровы.

Душевный мир поэта, полный печали, рисовался неоднократным повтором, с которого начиналась первая часть – «Мать друга умерла», шестая и седьмая («Мать друга стала белою горой, как десять лет назад моя – в Чегеме»).

Мать друга умерла. Еще одна
Дочь гор ушла, простясь с земной юдолюю.
Реваз, у горя ночь всегда длинна,
В ней даже звездный рой исходит болью.

Для Кулиева личность горянки – это неотрывная часть национального микромира, поэтому обращение его к вершинам гор Кавказа, к Дыхтау с Ушбой, к горным селениям – Малухе и Чегему – естественно и закономерно. Может, и поэтому финал посвящения не имел трагического характера: он отступал на второй план перед светлым сознанием поэта:

Вершина над моею головой
Лучится белизною бесконечно.
Так матерей сердца бросают свой
Бессмертный свет на Жизнь.
И это – вечно! [20].

Пер. Д. Долинский

Посвящение «Свет матери» относится к малым жанровым формам, если придерживаться традиционной классификации поэзии по родовому признаку: лирика, эпос, драма. Однако это произведение – целый цикл стихов, который можно считать небольшой лирической поэмой.

Как уже говорилось выше, со многими поэтами и писателями Грузии дружил Кулиев, писал о них очерки и посвящал им стихи. «Языческим певцом» назвал Кулиев своего друга Карло Каладзе. В каждый свой приезд в Грузию Кулиев встречался с ним и всегда поражался его работоспособности. «Художник остается молодым, – не раз говорил Кулиев, – пока трудится. Свидетельством тому и одна из недавних книг Карло Каладзе с нравящимся мне названием «За час до старости». Она радуется свежестью мыслей и красок, верой в жизнь, в человека, в будущее, молодостью энергии. В нее вошла древняя и новая красота Грузии» (Так растет и дерево. С. 255). Очерк Кулиев о нем написал, но не воспел его в своем поэтическом слове, так же как и других грузинских писателей: Г. Абашидзе, С. Каландашвили, И. Нонешвили, с которыми он дружил, лично встречался много раз, чьи творческие судьбы интересовали Кайсына Кулиева. Теплые дружеские отношения были у Кулиева с грузинским поэтом Теймуразом Чиргадзе, которому он подарил стихотворение «Веселые люди» (1970). В нем описание святого чувства дружбы занимало все семь четверостиший. Теймураз, как человек добродетельный, остроумный и находчивый, очень нравился Кулиеву, общение с ним доставляло удовольствие всем, кто находился рядом. Вспоминая о встречах с ним, Кулиев писал:

О, как я любил ожидать: вот сейчас
Войдет и, рукой не касаясь,
Не ведаю как, превратит весельчак
Гостей – в острословов, а гостей – в красавиц [21].

Желания их душ, существенно зависящих от ценностных ориентаций, почти всегда совпадали, когда Кайсын и Теймураз оказывались вместе в гостях у друзей. Они понимали друг друга с одного взгляда, движения губ, руки и всегда были в центре внимания, поскольку задорный

смех и умение подмечать в людях слабости делали их в глазах общества самыми умными и находчивыми. В их жизнерадостности и веселье другие забывали о своих тревогах и бедах:

Вошел врачеватель, чужак, чудодей,
И я в нем признал незнакомца и друга,
И вновь возлюбил я веселых людей,
Спасающих нас от беды и недуга.

Пер. Б. Ахмадулина

Для того чтобы с достаточной убедительностью и силой передать читателю самое характерное во внутреннем облике Теймураза Чиргадзе, чем он привлекал к себе людей, какими чертами характера отличался от других личностей, Кулиев умело использовал образно-выразительные средства языка. Обратимся к пятому четверостишию этого стихотворного послания:

При них – и холодная ночь горяча,
Как полдень, ожегший проспект Руставели.
Зимой это было. Цвела алыча,
И абрикосы в снегу розовели.

Здесь сравнение несло эмоционально-выразительную функцию («как полдень, ожегший проспект Руставели»), а лаконичные метафоры («зимой цвела алыча, и абрикосы в снегу розовели») усиливали глубину содержания этого, казалось бы, простого послания, адресованного веселому человеку. В финале произведения дан как бы собирательный образ человека, определенный тип, запечатленный в «незабвенном Ходже Насреддине», как жизненном явлении:

Покуда плодами увешана ветвь,
Покуда земля зеленеть не забыла,
Веселые люди, ваш смех – это весть
О том, что вовек эта жизнь неизбежна!

В большинстве лирических посланий и посвящений Кулиев обращался к конкретной личности, но иногда это была условная фигура, обобщение национального типа

(герой или героиня), как бы обобщенный символ той или иной нации. Таким произведением у него было «Послание грузинским женщинам» (1974). Оно проникнуто высокой поэтической одухотворенностью, глубоким и мягким лиризмом, искренностью чувств. В этом послании – просветленность и преклонение перед красотой грузинских женщин сплавлены в единое целое, поскольку для поэта женщина всегда была «светом сердца, светом доброты и материнского чувства», а ее красота – великим даром живущим.

О грузинские жены, не скрою,
Предо мною загадка одна:
Землю вы одарили красою
Или вас одарила она? [22].

Пер. Н. Гребнев

Грузинские женщины всегда были идеальными по мнению поэтов, которые воспевали их во все времена, оценивая их предназначение в жизни, наполненное высоким нравственным содержанием и смыслом.

Ведь не зря отовсюду веками
Устремлялись поэты всегда
И влюблялись, плененные вами,
В вашу землю они навсегда.

Кулиев не был исключением: он тоже был одним из поклонников женской красоты, поэтому, славя грузинских женщин, он подарил им свое сердце и стихи:

О Ламары, Этери и Тины,
В восхищенье я сделал, что мог:
Бросил вам через наши вершины
Этот стих, как чегемский цветок.

**Как в молодости,
так и на склоне лет**

Литературные письма и стихотворные послания Кулиева различаются по тематике, речевой манере и стилистике. Внутренние монологи-беседы с друзьями обычно цементировались мотивами духовного родства и носили автобиографический характер. Чаще всего в содержание стихотворных посланий вкрапывался факт, вносились те события, участником которых был непосредственно автор, переживший их воздействия. Так, украинскую землю и своих друзей, живших на ней, Кулиев воспел еще в 1943 г., когда шла Великая Отечественная война, участником которой поэт был. Все, что видел и пережил, Кулиев воплотил в художественное слово.

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Как тяжек был глаз этих мертвых укор [1].

Украина одной из первых приняла на себя удар сильного врага. Потом историки и социологи подсчитают материальные и моральные потери... Поэты писали об этом с полей сражений, описывая художественным словом всю трагедию, которая произошла с народом, и весь ужас войны:

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она.

Эти же трагические факты и печальные размышления Кулиева есть и в оригинале:

Мында жойулгъан жашчыкъны кергенме,
Ол жата эд таулу жашчыкъ жатханлай,
Ингирликде къатында суйелгенме,
Бир сез айтмай, бетине къарагъанлай.

Жойулуб жатхан къызны жол къумунда
Кергенме мен-чачы бойалыб къанга,
Мен аны юсюне къабланнганымда
Ол таулу къызча керюнге эд манга [2].

Строки стихотворения «Твоя земля» («Сени жерингш». 1943), посвященного Владимиру Сосюре, правдиво рассказали о тех зверствах и злодеяниях, которые творили фашисты, оккупировавшие Украину. Первая строфа «Твоя обогрелая кровью земля – как раненый воин среди грохота битв» сразу вводила в драматическую атмосферу военного времени, где людьми правила ненависть и у каждого была своя истина, убежденность, определенная идея, во имя которой человек убивал себе подобных. Переводчик В. Звягинцева сохранила кулиевские сравнения. Об этом свидетельствует текст оригинала:

Къзыыл къанжугъу болгъанд сени жеринг,
Урушда жаралы болгъан солдатча,
Мудах турадыла акъ тереклеринг,
Жангыз жашы бюгюн елген анача .

Трагические случаи войны в образном постижении мира и человека сменялись иными раздумьями поэта о том времени, когда на этой прославленной земле Шевченко «бродил здесь под бременем дум, сзывая те строки, что пламенем жгли», «где Щорс мальчуганом мечтал до зари», где когда-то по дорогам шли кобзари и пели «песни о горе прекрасной земли». Прошлое и настоящее Украины – все дорого поэту: и ропот старинных бандур, и отчий порог Сосюры, поля и молчаливые дали дорог... Строка «Люблю твою землю» – это не воображение и мечта романтического героя, а глубоко проверенное и выстраданное чувство к той части родины и ее людям, которые прошли невероятно тяжелый путь. В своей реальной мечте Кулиев был уверен:

С моими не схожи дороги твои,
Печали и горе шагали по ним.
Но я их люблю, – пусть грохочут бои,
По этим дорогам пройдя, победим.

Возвышенный оптимизм, большое мужество и надежда не покидали в дни суровой войны солдата, лирического героя послания «Твоя земля». Он понимал, что речь шла не об одной Украине, а о судьбе всей великой страны, о судьбе всех наций, населявших ее. Война становилась героической эпопеей народа. Забота обо всех и

о каждом в отдельности становилась общенародной: его, горца, вдали от родных мест, встречали русские матери, как своего сына, заботились о нем, отдавая для фронта все лучшее, что было у них. «Все для фронта!» – было призывом на всех плакатах. Это было нравственной нормой поведения всех людей, сплоченных общей бедой и желанием хоть чем-то помочь фронту, защитникам Отечества. Свое чувство благодарности поэт выразил в следующих строках:

Здесь добрые матери братьев твоих
Кормили меня из морщинистых рук.
Как смуглые руки горянок седых,
Я их целовал, дорогой ты мой друг.

Пер. В. Звягинцева

Таким дорогим другом для Кулиева был один из самых популярных и любимых среди читателей Украины Владимир Николаевич Сосюра, о котором мы уже упоминали. Он был намного старше Кулиева – на целых девятнадцать лет, – но никогда не подчеркивал ни разницы в их возрасте, ни в положении. Владимир Николаевич уже до войны был одним из известных поэтов: в 20-х гг. у него были опубликованы поэмы: «Мазепа», «Тарас Трясило», «1917 год», «Оксана», «Сегодня». «Шахтер», «Селькор», «Рабфаковка» и сборники стихов: «Город», «Сегодня» и др. В годы Великой Отечественной войны его стихотворное послание «Письмо землякам» стояло в одном ряду с такими известными стихотворениями, как «Белорусским партизанам» Янки Купала, «Ленинградцы, дети мои» Джамбула, «Бойцам южного фронта» М. Рыльского, «Тебе, Украина» А. Твардовского, «Ленинградке» О. Берггольд. В этот ряд можно с полным правом поставить и стихотворное послание К. Кулиева «Сталинградцам» (1942), в котором он воспел подвиг защитников волжской твердыни на берегу великой русской реки.

Познакомился Кулиев с Владимиром Сосурой в 1942 г. в Москве. Кайсын в это время был вызван с фронта начальником Политуправления Красной Армии Щербаковым. По инициативе А. Фадеева для поэтов-фронтовиков были

организованы вечера поэзии. На одном из таких творческих вечеров Кулиев встретился с В. Сосюрой. Жил он в гостинице «Москва», где и остальные поэты собирались после выступлений. Приходила сюда и жена Сосюры Мария Гавриловна, юная красавица с голубыми глазами. «Думал я про себя: «Должно быть, над украинской ширью небо на ее похоже глаза».

Думал я: «Большие, как звезды
Над моим Чегемским ущельем,
У нее глаза...»
Вспоминаю:
Я, Мария, как мы втроем
Шли в столовую Дома писателей
На Воровского, как там ели
Борщ без мяса военной зимой...
О Мария! Как воспел Вас,
Как любил Вас Владимир Сосюра,
Милый, добрый Владимир Сосюра,
Что одним был из лучших лириков
Всей страны, — как он вас воспел! [3].

Пер. Л. Шерешевский

так писал Кулиев спустя 40 лет после тех встреч в военной Москве, вспоминая молодость и своих друзей. Обращаясь к Марии Сосюре, Кулиев сказал:

Вот тогда-то в зимней, военной,
Затемненной, голодной Москве
Мне увидеть пришлось вас впервые...

Это стихотворное послание называется «Марии Гавриловне Сосюре» из цикла стихов «Два письма в Киев» (1985).

Кулиев знал, что в историю литературы В. Сосюра вошел как певец романтики Гражданской войны, и ему очень нравились стихи военных лет, в которых снова с большой силой зазвучали мотивы о единстве героики прошлого и настоящего. В это время Сосюра писал о духовном слиянии личного и общественного. Из всех стихов Сосюры Кулиев выделял в это время его любовную лирику и особенно те стихи, которые были адресованы им любимой жене Марии Гавриловне. Кулиев эти лирические, глубоко личные стихи знал: «Мария», «Вспоминаю: вишни доцве-

тали...», «Девушка на перекрестке» – из поэзии конца 20-х гг.; и военной поры, датируемые 1943 г.: «Я вижу пряди светлой тень...». «Скрипят ремень и портупья...»; многие из них Кулиев цитировал солдатам наизусть, как и стихи любимых поэтов – Лермонтова, Есенина...

Через много лет, вспоминая встречи в Москве, Кулиев писал, обращаясь к этой прекрасной женщине:

О, как вас Владимир Сосюра
Воспевал. Говорилось, что может
Один раз за тысячу лет
Быть такая любовь на земле!
Как писал он о ваших глазах!

Она и впрямь являлась для молодых солдат идеалом супружеской верности, красоты; была со всеми друзьями и знакомыми мужа ласкова, приветлива, и ее лучезарные глаза успокаивали уставших от боев и смертей солдат. Высокие ценности женской души описывал Сосюра, и это нравилось бойцам, которые в часы привала распевали знаменитую «Темную ночь» и «Бьетса в тесной печурке огонь...», «Офицерский вальс», «Катюша» – самые популярные солдатские песни Великой Отечественной войны. Для простого солдата было неважно, чьи эти слова – Симоннова или Щипачева. Главное – эти песни зажигали светом веры его уставшую душу и ожесточенный разум. Очевидно, стихи Владимира Сосюры дарили Кулиеву радость в то военное лихолетье, если он писал:

Помню я, как Вы были прекрасны,
И такой навсегда остались
В нежных, чистых книгах Сосюры,
В моей памяти, в сердце моем...

Сущность своих взаимоотношений с семьей Сосюры Кулиев предельно ясно выразил в двух своих посланиях – «Твоя земля» и «Марии Гавриловне Сосюре». Эти послания бессюжетны. В них Кулиев раскрыл только свое внутреннее состояние и не дал при этом изображения определенного события или конкретных поступков героя (героини).

В последнем послании кулиевские размышления об этой удивительной женщине вскоре перешли и в раздумья-

выводы вообще о роли и назначении в жизни женской красоты, ее силы и могущества. Кулиевские послания друзьям и знакомым отличались не отсутствием сюжета, а его особой формой, и она определялась прежде всего большой обобщенностью содержания. Обратимся к финальному тексту послания:

Пусть же вечно живут в этом мире,
Мире сложном, трудном, жестоком.
Пусть же вечно живут Поэзия
И Женская красота!
Всем тиранам мира не сжечь их,
Всем земным палачам не убить их —
Красоту земли и Поэзию! [4].

Пер. Л. Шерешевский

На этой пафосной ноте Кулиев закончил свое лирическое послание Марии Гавриловне Сосюре. Это посвящение возникло не случайно. История его создания свидетельствует о благородстве поэта. Он никогда не мог мириться с какой-либо несправедливостью, не мог терпеть унижения личности, особенно когда человек находился в беде.

...Шло веселое застолье после торжественной части юбилея М. Бажана. Среди гостей не было Марии Гавриловны. Кулиев спросил, почему ее не было ни на торжественной части вечера, ни здесь ее нет.

— Она одинока, совершенно беспомощна и всеми давно забыта после смерти ее прославленного мужа Владимира Сосюры, — сказал один из присутствующих.

— Болеет уже несколько лет и никто о ней не вспомнил, — добавил другой.

Кулиев был потрясен. Конечно, думал он, есть старость, есть болезни, но мы всегда и при всех обстоятельствах должны оставаться людьми. На другой день Кулиев пошел навестить вдову и решил посвятить ей стихотворение, воспеть ее былую красоту. Ведь она была преданной женой такого замечательного поэта, как Владимир Сосюра, которого Кулиев почитал и любил, когда он сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

В последний год своей жизни, когда Кулиев находился в больнице, он написал это послание на родном языке, попросил Шерешевского перевести его на русский

язык как можно ближе к оригиналу. Поэтому этот художественный перевод не имел особенных специфических средств усиления образной выразительности языка и его форма не связана ритмом. Послание было отослано в Киев вдове, и она оценила благородный поступок Кулиева: это была моральная поддержка ее в глазах общественности (стихотворение было опубликовано в газете), подбодрить ее, улучшить самочувствие. Мария Гавриловна ответила письмом. Оно должно бы храниться в личном архиве поэта, но мы не обнаружили его.

28 ноября 1977 г., в связи с 80-летием со дня рождения Владимира Сосюры, председатель юбилейной комиссии поэт Борис Олейник писал Кулиеву: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, 6 января 1978 г. отмечается 80-летие со дня рождения В. Сосюры. Зная Ваше доброе отношение к юбиляру, очень просим Вас написать и прислать в адрес юбилейной комиссии Союза писателей Украины свое слово о Сосюре, которое мы могли бы огласить на юбилейном вечере и напечатать в газете «Литературная Украина».

С уважением *Борис Олейник*» [5].

Можно утверждать, что начиная с самых ранних литературных посланий, лирических писем и кончая последними вещами этого жанра Кулиев всегда писал о самом себе, в автобиографическом дискурсе, поэтому субъективный элемент его посланий друзьям в некоторой степени подавлял объективный. В процессе расцвета его творчества поэт менялся, изменялись его взгляды, его мироощущение. Духовная сила поэта и его огромный ум претворялись в стихотворную речь, которая характеризовалась рядом специфически-национальных средств усиления образной выразительности родного языка. Так, «Два письма в Киев» (1983) – это лирические письма Кулиева, адресованные друзьям: Миколу, Нине Бажанам и Марии Гавриловне Сосюре. По сути дела – это одно произведение, но состоит оно из двух частей: одно письмо адресовано Миколу и Нине Бажанам, другое – М. Г. Сосюре. В связи с тем, что послание Марии Гавриловне Сосюре было уже объектом внимания, обратимся к первому письму. Оно так и начиналось, как обычно пишут в письмах:

Здравствуй, друг мой Бажан,
Здравствуй, брат мой Микола!
Я пишу тебе это
Не в самый мой радостный день.
Я теперь не в горах,
Я теперь далеко от Чегема,
Но сегодня сильнее всего
Мне б хотелось увидеть тебя
И услышать тебя [6].

Почему же, спрашивается, Кулиев хотел увидеть Бажана и услышать его голос, когда он находился вдали от родной земли – от Чегема? Духовное родство душ требовалось «не в самый» его «радостный день», когда поэт лежал в больнице, поэтому он и обращался к ним: «Микола и Нина! Великий поэт и прекрасная его жена! Хорошо человеку, когда в этом мире суровом есть друзья у него вот такие, как вы». Вероятно, измученному бесконечными анализами и уколами Кулиеву требовалось дружеское общение, задушевная беседа с друзьями.

Когда Кулиев говорил о современной украинской поэзии, – он первым называл Миколу Платоновича Бажана, своего современника, но более старшего по возрасту. Бажан был старше Кулиева на 13 лет. Родился Бажан 9 октября 1904 г. в Каменец-Подольском, учился в Кооперативном техникуме, затем – в Кооперативном институте, а потом – даже в Институте внешних отношений, но победило призвание – поэзия. Кулиев знал эти факты биографии своего друга и иногда шутил, что во внешних отношениях и без того много корифеев, а украинская Муза не могла обойтись без Бажана!

Кайсын высоко ценил поэтический талант своего собрата по перу и из-за светлого чувства душевного родства всегда был рад даже краткой встрече с ним. В совместных беседах говорили о Грузии, где Бажан путешествовал с Симоном Чиковани по горным тропам Кавказа; о том, как Бажан переводил «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели и стихи современных грузинских поэтов на украинский язык. Оба – и Микола, и Кайсын – любили Грузию и ее культуру, восхищались гениальным Руставели и удивительной поэзией Важа Пшавелы; вспоминали они и о том, как в годы Великой Отечественной войны на различных фронтах работали военными корреспонден-

тами, писали стихи о подвигах, доблести и славе простого солдата, защитника Отечества, а потом, после победы, — о мире и труде. Эти беседы и воспоминания вошли в это лирическое письмо:

Вспоминал...
И весь облик твой --
Облик поэта,
Которому жизнь
Быть велела посланцем
Любви, чистоты, сострадания!
Вспоминал я тебя, брат мой Микола,
И легче мне стало, и светлее мне стало.

С женой Элизат Кулиев был несколько раз в гостях в семье Бажана. Так, в 1982 г. они выехали из Москвы в Киев по поводу издания сборника стихов Кулиева на украинском языке. Работы предстояло много и с переводчиками, и с издательством. Встретили их тогда на вокзале Иван Драч и Борис Олейник, известные писатели Украины. В тот приезд Кулиев был в гостях у Бажана, в его добром доме на улице Репина, где хозяйка угощала их «райскими яблоками», что воспето Кулиевым «В письме Миколе и Нине»:

Вспоминаю, как мы с Элизат
Так недавно в гостях в твоём киевском доме
Побывали;
Как мы вспоминали Симона, Марику --
Дорогих Чиковани.
Как с Ниною вы говорили,
Что Симон называл ваши яблоки райскими.
Мы в этот день
Ваших яблок отведали тоже...

Картины, которые нарисовал Кулиев, разительны своей реалистической, даже как будто нарочито «прозаической», жизненности, бытовым деталям и в то же время открывали читателям художественный мир Бажана и его жены в таком аспекте, в каком никогда не предстанет он в поэтическом слове других авторов. Главное здесь — эмоциональное содержание поэзии Кулиева. В этом послании все предельно просто, никакой особой образной выразительности стихотворной речи. В этих «Двух письмах в

Киев» Кулиев отошел от напевной ритмики. Здесь особая форма стиха, в которой отразилась подлинная человеческая речь и чувства поэта. Самому Кулиеву хотелось высказать все, что было на сердце в тот момент, когда он вспоминал подробности пребывания в доме у Бажана, и сопоставлял это с тем, что видел из окна больницы в Москве: «Здесь с утра снегопад, ну, а как у вас в Киеве?» Вопрос не предполагал ответа, потому что некому было отвечать, и Кулиев это осознавал. Ему было важнее сказать другое – о своем отношении к миру:

Дорогие Микола и Нина Бажан!
Вам и вашему городу,
Всей земле нашей,
Вашему дому на улице Репина
Я желаю добра и покоя, и мира!

Последний раз Кулиев был на Украине в октябре 1984 г., когда был официально приглашен общественностью республики и родными на юбилей М. Бажана, не дожившего несколько месяцев до своего 80-летия. Кулиев в это время и сам был серьезно болен, не мог спать по ночам, испытывая постоянную боль в ноге. У него, как он думал, открылась старая фронтовая рана: в годы войны разрывной пулей был задет седалищный нерв, но это было другое – злокачественная опухоль.

Он и Элизат вылетели самолетом из Минеральных Вод. Через несколько часов они были в Киеве и поселились в гостинице «Украина». Нина Владимировна, жена Бажана, была благодарна, что они приехали почтить память ее мужа, отметить его 80-летие. На торжественном вечере Кулиев выступал как всегда ярко и эмоционально, ему долго оплодировали, и он почувствовал, что его здесь знают и чтят. Три дня Кулиев провел в Киеве. 10 октября 1984 г. он был уже в Чегеме I. Потом, находясь в Москве, в больнице на Мичуринском проспекте, Кулиев будет все припоминать (очевидно, все мелкие детали запомнились поэту, и ему было приятно перебирать все это), чтобы в этом небольшом послании отразить все прошедшее и все свои чувства к друзьям:

Я пытался звонить тебе в Киев,
Чтоб звучал для меня

Утешеньем твой голос.
К сожаленью, не вышло...

Сожаление, грусть сквозили в этом лирическом письме в Киев. Что хотел сказать в этих последних стихах обреченный поэт? Искал утешения в беседе с другом и хотел примириться разумом и душой с тем, что его ожидало, с тем смятением, в котором он находился тогда? Вероятно, и об этом, но и о другом -- более радостном, когда он был в доме Миколы Бажана и его жена за ними ухаживала:

Мне припомнилось нынче,
В мой трудный, нерадостный час,
Как была к нам радушна
Твоя несравненная Нина,
Королева твоя величаяя!

Пер. Л. Шерешевский

В лирическом письме «Миколе и Нине Бажанам» много раздумий и выверенных временем мыслей поэта. Выводы его очень просты, как сама истина: «Хорошо человеку, когда в этом мире суровом есть друзья у него вот такие, как вы». Или: «Горечь жизни так часто, так часто приходит к поэтам». И совсем не риторический вопрос поставлен в этом письме, а скорее, утверждение в следующей фразе: «Есть ли в мире поэт, что не чувствует боли людской?» Эта кулиевская фраза относится к сути поэзии. Тема творчества, поэтического призвания поставлена во многих произведениях Кулиева, посвященных поэзии и поэту, и может стать одним из важных исследований в балкарской литературе. Мы затрагивали этот вопрос о поэзии в контексте гор.

Итак, произведение Кулиева «Два письма в Киев» относится к эпистолярному жанру. Стихотворная эпистола (стихотворное послание, посвящение, лирическое письмо, поэтическое обращение) в творчестве Кулиева развивалась необычайно активно до самых последних лет его жизни. Об этом свидетельствуют такие его произведения (изданные после смерти поэта), подобранные им и включенные в собрание сочинений в трех томах (М., 1987), как «Письмо зарубежному другу» (1983), «Письмо из больницы» (Алиму Кешокову, 1983), «Сиб-

гату Хакиму» (1983) из цикла стихов «Зимняя тетрадь»; «Памяти Мирзо Турсун-заде» (1984), «Левону Мкртчяну» (1985), «Жизнь на земле не убить!» – памяти Индиры Ганди (1985), «Только так» (Чингизу Айтматову, 1985) и др. Все эти лирические произведения написаны в год смерти или за год-два до смерти Кулиева. В них – особо высокий и полнокровный мир раздумий и чувств поэта, нравственно-философские и идейно-эстетические принципы его творчества.

Возьмем «Письмо из больницы», адресованное кабардинскому поэту Алим Кешокову, с которым была тесно связана вся творческая биография Кайсына Кулиева начиная с 1943 г., когда они, молодые двадцатитрехлетние, встретились на Сталинградском фронте в редакции военной газеты «Сын Отечества» и вплоть до 1985 г., когда Алим Кешоков произнес прощальную речь у могилы своего незабвенного друга. Кешоков был на четыре года старше его, прожил более долгую и счастливую жизнь, чем его собрат по перу. В июле 2004 г. Кешокову исполнилось 90 лет. Авторы этого многотомного издания тогда опубликовали к этому юбилею в республиканских газетах «Заман», «Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда» (на балкарском, кабардинском и русском языках) очерк «Алим Кешоков и Кайсын Кулиев», где говорилось об их долгой дружбе, равной самой их жизни. В газете «Заман» очерк опубликован в двух номерах – за 24 и 25 июня 2004 г. В его основу положены материалы из книги «Кайсын Шуваевич Кулиев. Друзья поэта. Том 3». (Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 44–58). Однако в очерке есть и новые материалы о дружбе Кулиева и Кешокова. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБ научного центра РАН провел 18–20 ноября 2004 г. международную научную конференцию «Современность и судьбы национальных культур: к 90-летию со дня рождения А. П. Кешокова».

«Письмо из больницы» по всем признакам отвечает жанру посланий; в нем есть определенные сюжетно-композиционные особенности, наличествует одна форма организации поэтической речи – собственно авторская. Речь других персонажей отсутствует, поскольку в этом лирическом письме есть только одно кулиевское «Эго»:

Алим! Пишу тебе не из Чегема я.
Я нынче не в горах, где наши колыбели
Качали матери. Тревоги не тая,
Играет жизнь опять на черной мне свирели [7].

Так начиналось это послание, обращенное к другу Алиму Кешокову, и написанное Кулиевым в 1983 г. (за два года до смерти).

Я из больницы, брат, пишу тебе сейчас.
Чем друга вспоминать в счастливые минуты,
Ты обратись к нему, — учили предки нас, —
Когда твои пути обрывисты и круты.

Предельно точная характеристика своей беды вошлась в одно из средств образной выразительности — метафоризацию — «когда твои пути обрывисты и круты». В эти тяжелые дни Кулиев обратился к другу за моральной поддержкой, за энергией духа, которая так нужна в дни тяжких испытаний. Повтор «В больнице я лежу» нес определенную эмоционально-выразительную функцию:

В больнице я лежу. Не знаю, что со мной
Случится завтра, брат. Но так всегда под небом
Жил человек. Таков извечный путь земной:
Ешь хлеб, пока ты жив, но не единым хлебом
Живи! И я живу. Не скрою, что и страх
Охватывал меня в ночи неоднократно,
Но, словно на войне, я в близких и друзьях
Опору нахожу. Ты мне опора, брат мой!

Предложения «Не знаю, что со мной случится, брат», «Ты мне опора, брат мой!» проникнуты грустью, чувством смятения, горестным размышлением о своей судьбе («Не скрою, что и страх охватывал меня в ночи неоднократно») и тут же довод: «Но так всегда под небом жил человек. Таков извечный путь земной...». Разумом поэт понимал, что «бег дней неудержим», но мысль и чувство не всегда едины в человеческой душе. Обращаясь к Алиму, поэт сожалел о быстро промелькнувшей жизни и терзался сомнением, что их ждет впереди:

Алим, мой друг, земляк, однополчанин мой!
Бег дней неудержим, дух времени тревожен.

И головы у нас покрыты сединой,
Что ждет нас впереди, мы знать с тобой не можем.

Повторы в разных вариантах «мой друг», «земляк», «однопольчанин мой» – не случайны. Они сосредотачивают внимание читателя: кем был Алим для Кулиева – и позволяют глубже раскрыть переживания поэта, его невеселые думы о том, что всякое может случиться в больнице.

Считается, что лирические произведения обычно бессюжетны и в них конфликт выражается в форме переживания, воплощения гастроений скорби, печали по какому-то определенному поводу, жизненному случаю и т. д. В отношении «Письма из больницы» эти правила не совсем верны, так как можно проследить определенную сюжетную линию, следуя воспоминаниям поэта. Вот юность их с романтическими мечтами и стремлениями:

И вспомнил снова я, как лунный падал свет
На выси белых гор, на камень, на травинку,
Был виден каждый куст, копытный виден след...
Я вспомнил дни, когда нам жизнь была в новинку.

Я вспомнил юный звон бокалов, песен, слов.
Способны укротить мы были удалого,
Не знавшего седла коня из табунов.
Как верили мы в Жизнь, в Поэзию и в Слово!

Уже тогда, когда им «жизнь была в новинку», они задумывались, готовились осуществить свои желания и мечты, так как верили «в Жизнь, в Поэзию и в Слово!». Воспоминания подчиняются (в третьем и четвертом четверостишии) определенному авторскому замыслу – они жили в довоенном, мирном времени, когда, по словам поэта, над ними «неба свет был синим и сквозным» и «были дни надеждами согреты. Еще был жив Али, еще был жив Кязим, и окна в их домах не гасли до рассвета». Упоминание имен Али и Кязима не случайно: основоположник кабардинской литературы Али Шогенцуков в расцвете сил трагически погиб в фашистском лагере в плену, а основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев умер в годы депортации в Казахстане в преклонном возрасте.

Автобиографическая память Кулиева отражала и их личный военный опыт «полей кровавой битвы», и материнские молитвы и слезы:

И наших матерей был утренний намаз
Молитвой за тебя и за меня молитвой,
И, не смыкая глаз, они все ждали нас
С тревожных троп войны, с полей кровавой битвы.

В «Письме из больницы» поэт затронул тему Великой Отечественной войны, так как его волновал человеческий героизм, то, как на войне проявлялся характер людей, и показал военный быт и те отношения, которые складывались на фронте между солдатами.

Мы были вместе там, мой друг, мой брат Алим!
Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой.
Когда гремел огонь, жесток, неумолим,
С солдатскою судьбой мы не играли в прятки.

И это отношение друг к другу («Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой»), отразившееся в их судьбе и военной дружбе, было типично не только для них, двоих, но и для всех солдат, защищавших родину. Вспоминая частности военного сурового быта (ведь военные корреспонденты, какими были Кешоков и Кулиев, тоже находились на опасной и тяжелой работе), поэт не обходил вниманием и драматические ситуации, которые не раз случались с ним и его другом:

Я помню Перекоп, и злобный свист свинца,
И пулею твою пробитую фуражку...
А ты, достойный сын достойного отца,
И храбр, и стоек был в тот день студеный, тяжкий...

В «Письме из больницы» отражена не только нравственная атмосфера военного быта, но и условия работы военного корреспондента, который должен везде успеть: побывать на передовой при штурме какого-либо плацдарма, первым передать в свою газету важное известие и написать точную информацию о том, что видел своими глазами.

А вечером при свете коптилки они писали стихи. Поэтому Кулиев и вспоминал, обращаясь к Алиму Кешокову:

На фронте были мы Поэзии верны,
Опасности деля и хлеб, и горстку соли.
Что дружба на пирах пред братством дней войны, —
Хоть знали мы с тобой немало и застолий?

Что по сравненью с нашей дружбой фронтовой
Забот житейских груз, успех и даже слава?
Все это — суета! Военною судьбой
Быть на земле людьми дано с тобой нам право.

Это право, данное им судьбой, — поэтическое призвание, неоспоримые ценности, которые А. Кешоков и К. Кулиев пронесли через всю жизнь, правдой и верой служившие родным народам. Тема о роли поэта и в последующие годы оставалась главной в их поэзии, и эта тема часто соединялась с условно-биографической, где появлялось лирическое «Я» или местоимение «Мы» и где говорилось не о сущности и назначении поэта, а о самих себе (как вот в данном четверостишии):

Ну, а пока живем мы на виду у гор,
Пока, как матерей сердца, нам звезды светят,
Поэзии свеча горит для нас, и взор
Оттенки различит, цвета земли приметит.

Творческое состояние кулиевского «Я» в тот момент, когда создавались поэтические строки «Письма из больницы», придавали всему произведению психологическую конкретность, задушевность, удивительную уверенность в своем назначении, в служении «Музе гор» и в послевоенное время:

Под материнский кров живыми в светлый час
Вернулись, послужив Отечеству оружием, —
И Муза гор пришла приветом встретить нас,
И верила, что мы на совесть ей послужим.

Кулиев верил в высокое предназначение Кешокова как поэта «Божьей милостью», в его заслуги перед веком и кабардинским народом, не допуская сомнений и в том,

что и он был благословлен Музой гор на служение балкарскому народу:

Да, вместе с матерью, едва мы родились,
Склонилась Муза гор над нашей колыбелью.
Внушала нам в тиши: расти, учись, трудись,
Поэзии родник в родном найди ущелье.

Композиция «Алиму Кешокову» (Письмо из больницы) заставляет взглядываться в историзм событий и в хронологическую последовательность этапов жизни обоих поэтов. Вот следующий пространственно-временной отрезок их творческой судьбы:

В живых остались мы. Но новая беда
Нас, как обвал в горах, надолго разлучила.
Но вот прошли и те тяжелые года,
И общий посох нам судьба опять вручила...

В этом одном четверостишии очень кратко сказано о тяжелых годах и беде – депортации балкарского народа и собственной судьбе поэта в эти годы среднеазиатской ссылки.

Нравственное, этическое обаяние кулиевской лирики прослеживается в его посвящениях и посланиях о матери. Образ матери-горянки проходит почти через все творчество Кулиева. Мать в его лирике, как и земля, несет благодать, она – начало жизни. Женщина-мать дает «истоки жизни каждого из нас», чистоту стремлений («О матери и жены, – видно, чище нет наших душ, что вырастили вы») и силу дерзаний («Слабые руки, вы силой своей нас окрыляли»). Эта тема – тема матери-горянки – затронута и в «Письме из больницы». Обращаясь к Алиму Кешокову, Кулиев писал:

Мне матери лицо припомнилось твоей
И руки, что меня кормили, привечали...
Как матери родной, я благодарен ей:
Одни у матерей заботы и печали.

Кулиев хорошо знал мать Алима Кешокова и восхищался ее талантом, умением хранить в своей памяти много преданий, легенд и сказок; она очень любила петь

народные песни и несколько песен она сочинила сама (Автобиография. Архив поэта). Во время болезни Кулиев ее навещал. И этот автобиографический факт тоже нашел отражение в «Письме из больницы»:

Ее я навещал, когда поражена
Она уже была убийственным недугом.
И, мужества полна, сказала мне она:
«Будь сыну моему и впредь надежным другом».

Эта замечательная женщина в большом и малом была верна всю жизнь благородному назначению Человека. Она подарила жизнь великому кабардинскому писателю; терпеливо ожидала первые шаги и слова своего милого сыночка Алимчика, напевая ему колыбельные из родного фольклора. Провожая на фронт сына, она благословила его и молила судьбу вернуть здоровым и невредимым. Высокой человечностью, душевным трепетом чувств проникнуто восемнадцатое четверостишие «Письма из больницы»:

И материнский нам не позабыть завет:
Молитвы матерей несли нам облегченье,
Спасали нас от пуль: для горца в мире нет
Священной их имен, их молока священной! [8].

Искренние признания, радостные и грустные воспоминания позволили автору «Письма из больницы» воссоздать жизнь в ее реальной основе и дать психологическое обоснование душевной жизни друзей. У них общие истоки творчества и почти одинаковые судьбы:

Одних сиянье звезд, одни вершины гор
Мы видели с тобой, под пулями дружили,
И с юных наших лет, с тех давних светлых пор,
Родным своим краям мы, как могли, служили.

Лирическое «Я» и «Мы» в «Стихах из больницы» Кулиева олицетворяет многое: не только двух друзей, но и их ровесников, каждый из которых должен знать свое место и назначение в обществе. Кулиев это понял и был уверен в том, что пока они слышат голоса друг друга и

«пенье горных рек», то «смерти злой коса» им «будет не страшна в своем замахе злобном».

Концовка «Письма из больницы» традиционна (это не случайное «до свиданья» в конце):

Да сохранит тебя на долгие годы
Судьба!
Твой, любящий тебя Кайсын Кулиев [9].

Пер. Л. Шерешевский

В непрерывную монологическую форму вкрапливалось много субъективного, узколичного и объективного, лирика и эпос менялись функциями (как в жанре поэмы). Лирический герой, от имени которого обращался Кулиев к Кешокову, был носителем идейно-эстетических принципов автора, его взглядов на дружбу и взаимоотношения людей. Кулиевские «Я» и «Мы» часто выступали символом балкарского и кабардинского народов, а также того, что было характерно для людей советской эпохи, — веры в дружбу и в братство людей.

Кроме этого послания, Кулиев адресовал Алиму Кешокову и стихотворение «Шахарым» («Мой город»). Это был 1956 г. — время возвращения балкарского народа из депортации. Кулиев радовался встрече со своим другом и высказал эту радость в послании. Оно состоит из десяти четверостиший. В нем говорится не только о красоте города, расположенного у подножья гор, но и о тех чувствах, которые испытал лирический герой, встретившись со своей мечтой, со своей молодостью:

Шахарым — Налчигим тау этегинде,
Жылы уйам, мен сени энтда табдым,
Кенг бутакълы жегелеринг тьюбюнде
Энтда да мен жашлыгъыма жолукъдум [10].

На русский язык это стихотворное послание перевела Ю. Нейман, сохранив верность оригиналу:

Мой Нальчик! Горный город мой,
Всех ближе, всех любимей!

Вновь повстретился я с весной
Под липами твоими.

К тебе вернулся, старый друг,
И вот студент я снова...
Вершины встали в полукруг,
Плясать они готовы... [11].

Послание это радужное, светлое, наполненное счастьем и ожиданием хорошего. («Велят мне: «Нальчик славословы! Тебе рукою щедрой дарил он первую любовь и радость книги первой»). Многократный повтор «Мой горный Нальчик», «Мой добрый Нальчик», «Мой образ давних вешних дней» и т. д. был использован для передачи радостного чувства, воодушевления, ликующего внутреннего состояния, ощущения восторга:

...Как тот, кого лишь случай спас
От снежного обвала,
К тебе бросаюсь... Сколько раз
Душа к тебе зывала!

В 1983 г. было опубликовано «Письмо зарубежному другу». Оно не адресовано конкретному лицу, как обычно делал Кулиев, в стихах друзьям, знакомым, родственникам, и относить его к жанру посланий и посвящений можно лишь условно. Но это все-таки послание, и обращено оно к человеку, поэту и ученому, которого лично знал Кулиев:

О, мой друг с чистым сердцем, поэт и ученый!
Город твой, что над морем из камня был белого,
Нынче в черных руинах над тучею черной...
Как же мне оставаться спокойным, как дерево? [12].

Пер. Л. Шерешевский

В целом это лирическое раздумье над многими проблемами его времени, когда «на планете бесчинствуют в век этот ядерный» безумство и жестокость — «что им Толстые!» Начиналось «Письмо зарубежному другу» в спокойно-назидательном тоне:

Мы должны у деревьев покою учиться,—
Так не раз утверждал я и устно, и письменно,—
В бурку мудрости, точно в кору, облачиться
И тревоги презреть ради поиска истины.

Очевидно, Кулиев хотел поделиться своими раздумьями с друзьями, жившими за границей. В книге «Так растет и дерево» Кулиев писал: «Мне приходилось бывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы». Действительно, у него было много друзей за рубежом. Заграничные поездки способствовали установлению дружеских связей и знакомств со многими писателями и поэтами, с которыми Кулиева связывали общие интересы и любовь к литературе. Его литературные связи с писателями Востока и Запада были обширные и прочные. Это венгерский поэт Антал Гидаш, польский поэт и переводчик стихов Кайсына Витольд Домбровский, арабский поэт Муин Бсису, о котором Кулиев написал статью «С родиной в сердце», известный французский писатель Робер Мерль, болгарский поэт и переводчик Н. Христов и многие другие. С ними он не раз встречался у них на родине и в Москве, говорил о поэзии, о мире, о будущем человечества и культуры; рассказывал им о своем маленьком народе, проживающем в горах Кавказа. Общение с ними продолжалось потом в переписке и обмене художественными произведениями во время их приездов в Россию. Возможно, к одному из них Кулиев обращался в своем «Письме к зарубежному другу».

Да, внушал это многим я неумоимо,
Чтобы прямо познать жизни суть, а не косвенно.
Жаждал я для жизни и покоя, и мира.
Но — что делать? — и в сердце моем нет спокойствия.

«Познать жизни суть» пытались и лучшие умы человечества, начиная с древнегреческих философов до современных мыслителей. Но Кулиева в начале его письма к зарубежным друзьям волновал только вопрос о мире и спокойствии людей, поэтому его воспоминанья были связаны с войной и страданиями народа, познавшего бедствия.

Города, где бывал я, горят; гибнут братья,
Те, чьих рук и доньне я помню пожатия.
Где ростки колыхались зеленою ратью,
Там поля багровеют кровавою жатвою.

И снова связанные с отчим краем горькие воспоминанья почти сороколетней давности, если отсчет вести от 1983 г., времени написания «Письма зарубежному другу»:

Дом мой тоже горел. Был я тоже скитальцем.
Потому так неправда и зло ненавистны мне.
Все, что сам я познал, все, что я испытал сам,
В моей памяти стало святыней и истиной.

Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее. Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились убедительные слова о необходимости мира на земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Первой пулей на войне любой поражает сердце материнское».

В «Письме зарубежному другу» есть те же кулиевские мысли о мире и матери как о едином понятии:

Мать моя никому на земле не желала
Ни изгнанья, ни гибели. Ею завещано,
Чтобы я от грозы и от огненной лавы
Уберег наши нивы со всходами вешними.

Современный Кулиеву литературный процесс был связан со всеми социально-политическими и культурными событиями XX века. И поэт был уверен, что люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят подлинно художественное слово, если даже оно приходит к ним в переводе. «Письмо зарубежному другу» обращено к одному человеку, но оно имеет обобщающий смысл и относится к любому человеку, кто хочет жить в мире и согласии с людьми и со своей совестью. Поэтому мечты и желания Кулиева имели идеальный характер, который не всегда можно воплотить в реальность. Да и сам поэт, очевидно, понимал иллюзорность своих пожеланий народам мира.

О, дожить бы до дней, когда единогласно
Люди мира решат: быть войне уничтоженной!
Когда станет всеобщею волею властной
Та мечта, что поэтов извечно тревожила.

Философское осмысление мира и человека, проблемы добра и зла всегда можно было увидеть в неадекватном выражении современной литературы, и в частности, в поэзии Кайсына Кулиева. Осмысливая происходящее в общественной и духовной жизни, Кулиев художественно раскрывал нравственно-психологическую подоплеку тех или иных поступков людей, их соответствие общим моральным принципам, нормам и понятиям добра и зла. В философской литературе добро и зло – это нормативно-оценочные категории морального сознания, обозначающие в предельно обобщенной форме нравственное качество как положительное и низкую нравственность, осуждаемую в действиях и мотивах поведения людей. Эти понятия всегда существовали в жизни, истории этики, исследовании этнических процессов, искусстве. Значительное место занимают они и в поэзии. В творческом сознании Кулиева «добро» воспринимается как «истина», «красота», «справедливость», «доброжелательность», «гуманизм» и т. д., то есть как нравственное качество, положительное и должное. Его жизненная позиция и творческое восприятие мира основывались на народном представлении добра и зла: «Друзья мои, родня – ткачи и хлеборобы, – учили вы меня на мир глядеть без злобы...».

В «Письме к зарубежному другу» Кулиев писал:

Пусть потеряна нами не будет надежда,
Что из прошлого нас устремляет в грядущее.
Будем верить: победа добра неизбежна,
Будем верить, что солнца не скрыть злою тучею!

Кулиев, как и многие поэты, стремился понять и рассказать художественным словом о том, как мучительно думают, страдают и ошибаются люди, желая разобраться в жизненных неурядицах, в причинах правды и лжи, искренности и фальши. Психологический контраст – обычный прием художника слова, который скорбит о том, как подчас утрачивается социально-нравственное видение добра и зла, как путаются понятия красоты и

уродства, как обретается иллюзорное счастье и сеется горе, как изменяются понятия о чести и справедливости. В «Письме к зарубежному другу» эти вопросы поставлены, и их нравственный аспект вполне понятен:

И опять повторяю: обратимся к деревьям, —
Нужно мужество, чтобы сразаться с жестокостью.
Жизнь идет по законам суровым и древним,
Мы, как в хлебе и крове, нуждаемся в стойкости.

В этом «Письме...» рассуждения поэта о добре и зле занимали довольно видное место, и эти понятия обретали определенную философскую и цветовую символику:

Нас взрастила земля, осененная небом,
Мы обучены опыта вечною книгою.
Будет черное — черным, а белое — белым,
Как наставники нам завещали великие.

Будем верить деревьям, и хлебу, и звездам,
В Человека, в его чистоту и достоинство,
В то, что мир добротой его будет воссоздан;
Чтоб ее стало больше, — за это мы боремся.

Финал послания оптимистичен: оставалась вера «в Человека, в его чистоту и достоинство, в то, что мир добротой его будет воссоздан». Поэт был уверен в светлых началах жизни и призывал жить, «утверждаясь в добре», «чтоб жестокость, печатью позора клейменная, не осилила нас».

Итак, многими лирическими посланиями и «Письмом зарубежному другу» Кулиев стремился пробудить в своих читателях гуманистические начала, приобщить их к высоконравственному поступку или действию, вселить в них надежду на лучшее. Поэтому, очевидно, он писал в финале этого стихотворения:

Что Добро есть и Радость, — той веры упорство
Отстоим, ей от зла и унынья хранимые,
Чтобы жили, горам своим радуясь, горцы,
И полям своим радуясь, — люди равнинные...

Говоря о гуманистической сущности поэтического творчества Кулиева, Михаил Дудин отмечал: «В поэзии Кайсына большой заряд неистребимого человеческого добра». Действительно, хочется подчеркнуть, что в лирике и, в частности, в посланиях Кулиева, преобладающее значение имела идея добра. А со злом, как утверждал он, надо бороться («нужно мужество, чтобы сражаться с жестокостью»); и если не хватает сил, то хотя бы проявить терпение и упорство, чему учил поэт и на склоне своей жизни в «Письме к зарубежному другу».

Этими нравственно-этическими идеями проникнуто и лирическое послание «Сибгату Хакиму» из цикла стихов «Зимняя тетрадь» (1983), начало которого традиционно для этого жанра:

Дорогой мой друг, поэт Сибгат Хаким!
Я, как ты, хочу добра и света людям.
Пусть почаще в дом приходит радость к ним,
А о горе мы загадывать не будем [13].

Пер. Л. Шерешевский

Это послание бессюжетно. В нем раскрываются определенные чувства автора и его мысли о том, что поэзия на земле вечна, а жизнь человека коротка («Хоть свеча погаснет каждого из нас, не померкнет свет поэзии во веки»). Эпиграфом к этому посланию взято краткое высказывание Сибгата Хакима «В окне Хасана Туфана горит свет. Значит он трудится». Туфан Хасан Фахревич, известный татарский поэт, член Союза писателей СССР, Татарской литературы является одним из основоположников Татарских поэтов, представителей старшего и молодого поколения, Кулиев хорошо знал. К Сибгату Хакиму он обратился с дружеским посланием, в котором видно неторопливое авторское раздумье много видевшего и знающего жизнь человека.

Я, как ты, хочу, чтоб в дружеском окне
Долго свет горел, чтоб искренние строки
Приходили к другу в мирной тишине,
Чтоб к дверям друзей беде не знать дороги.

Эпиграф «В окне Хасана Туфана горит свет» взят Кулиевым не случайно: содержание почти всего послания связано с этим символическим высказыванием. Обратимся к третьему четверостишию:

«Хорошо, когда в окне своем поэт
Свет не гасит», — так писал ты о Туфанае.
Их не разделить — поэзию и свет.
Пусть окно твое горит в ночном тумане!

Кулиевская мысль о неразделимости поэзии и света, о их целостности утверждала неограниченные возможности художественной литературы, искусства слова, в духовном становлении отдельной личности и народа.

Следующее четверостишие давало краткую информацию о том, что Туфана нет в жизни, но в стихах татарских поэтов «горит до сих пор свет его окна»:

Но Хасан Туфан уж больше не зажжет
Над своей тетрадью вечером светильник.
И весны ему уж не воспеть приход,
Не вкусить плодов осени обильных.

Для стихотворных посланий Кулиева начала 80-х гг. характерно углубление философского начала о смысле жизни. Его размышлениям-монологам с их лирическим «Эго» присущи умудренность, прозорливость, умение обобщить и сделать необходимые выводы. Обратимся к тому же посланию «Сибгату Хакиму»:

А в твоих стихах горит и до сих пор
Свет его окна. Благодарю за это
Я тебя, мой друг. Надежней всех опор
Верность дружбе, верность памяти поэта.

Дружбу и верность ей Кулиев назвал надежной опорой, даже, больше того, «надежней всех опор», обращаясь непосредственно к Сибгату Хакиму. Вопрос о силе дружбы людей для поэта всегда был объективным процессом обновления жизни. Но Кулиев понимал и другое: жизнь друзей иногда трагически обрывалась: «В окнах у друзей порою гаснет свет. Как ни больно, но ни знаком и

ни словом нам не задержать стремглав летящих лет, колесо судьбы и мы не остановим!»

Стремясь подчеркнуть закономерность явлений, их внутреннюю связь и найти философское объяснение истокам дружбы людской, Кулиев в статье «Песни горцев» писал: «У людей во все времена было гораздо больше общего, чем это кажется на первый взгляд. Ведь все они жили и живут на одной земле и под одним небом, все они люди. Человеческая радость и горе сходны повсюду, независимо от различия облика родной земли и языков. Люди повсюду трудятся, борются, терпят поражения, страдают, болеют, стареют и умирают одинаково. Даже народы, не знавшие о существовании друг друга, рассказывали одни и те же сказки, повторяли пословицы одного и того же содержания; пахавший свой клочок земли в Чегемском ущелье, проповедовал те же идеи добра и справедливости, что и пахарь, живший, скажем, у Средиземного моря» (Так растет и дерево. С. 261).

Высказывания Кулиева о дружбе в прозе и в стихах жанра посланий наполнены нравственным чувством и добрыми пожеланиями:

Лишь одно могу: для всех своих друзей,
И тебе, Хаким, и самому себе я
Попросить, чтоб жизнь была к нам подобрей,
Плодотворных лет поэтам не жалея.

Благородная традиция, которая называется взаимопониманием и творческим содружеством поэтов, прослеживается во многих стихотворных посланиях Кулиева. Он верил в то, что свет поэзии веки не померкнет, и в финальных строках послания призывал друга тоже искренне верить в это:

В это верю я, и ты, Сибгат, мой друг,
В это верь! Наш век – сражение света с тьмою.
Жизнь трудна, но жизнь – прекрасна! Зимних выюг
Есть пора у ней, как есть цветы весною.

Духовные ценности, в том числе и дружба людей, испытываются временем, как говорится, большое видится на расстоянии. Может, поэтому, полнее сознавая прошлое, пройденные пути вместе с ровесниками своего

поколения, Кулиев уяснял современное, глубже вникал в смысл былого и предугадывал будущее. Его послания и посвящения историчны, то есть во многих из них прослеживалась биография поколения друзей поэта, которая совпадала с путем страны, она определенно его отрезок. Это особенно заметно в стихотворных посланиях М. Дудину («Говорю моему поколению»), Николаю Тихонову («Поэт и горы») и т. д.

«Амине Залиловой – жене казненного поэта» (1966) – одно из таких произведений. В творческой памяти поэта остались трагическими дни Великой Отечественной войны: в Моабитской тюрьме, замученный пытками, умер в расцвете сил талантливый татарский поэт Муса Джалиль. О его мужестве писали многие его современники. Посвятил ему поэтические строки и Кулиев:

...И я могу понять, какая сила
Мусу Джалиля делала стальным,
Как сладко и непостижимо было
Все, связанное с именем твоим [14], –

так писал Кулиев, обращаясь к Амине Залиловой, горе и беда которой с годами не проходили. Кулиев был знаком с этой женщиной, восхищался ее добрым нравом и верностью светлой памяти мужа.

И в Моабитской крепости, я знаю,
Твой муж пред смертью счастлив стал на миг,
Увидев небеса родного края
И, как звезду вдали, твой светлый лик!

По жанру – это лирическое письмо, обращенное к женщине, судьба которой волновала многих поэтов, знавших Мусу Джалиля и восхищавшихся его лирикой. Это «Письмо» было опубликовано в 1966 г., спустя 20 лет после Великой Победы. Казалось бы, о многом уже можно забыть, но историческая память вновь и вновь напоминала о бедах и страданиях людей. Обращаясь к этой молодой женщине, Кулиев как бы оправдывался перед ней, почему он написал это послание спустя столько лет:

Пишу не потому, что не с кем спорить,
Не потому, что темы не найду,

Пишу, чтоб разделить с тобою горе,
Как черствый хлеб в сорок втором году.

По гуманистической и интернациональной направленности это лирическое послание стоит в одном ряду с лучшими стихотворениями таких известнейших поэтов XX века, как Константина Симонова «И вот подписан будет мир...», А. Твардовского «Я убит подо Ржевом...» и др. Вот финал стихотворения «Амине Залиловой – жене казненного поэта»:

Я кланяюсь неведомым могилам,
Глазам, где столько слез затаено,
Плечам, несущим тяжесть не по силам,
И сердцу, где любовь и боль – одно.

Пер. Н. Гребнев

Проблемно-тематическая сторона этого послания требовала сосредоточиться на воспроизведении событий 1942 г., самого трагического года Великой Отечественной войны, воплотившего в себе страдания миллионов людей, безымянные могилы которых разбросаны по всем фронтам («Я кланяюсь неведомым могилам...»). Памятники Неизвестному солдату и Скорбящей вдове – это лишь небольшая дань их подвигу и исторической памяти, запечатленной в камне или в бронзе. В лице Амины Залиловой Кулиев посвятил свое поэтическое слово женщине, пережившей войну:

Я голову склоняю пред тобою,
Как вся земля, я у тебя в долгу.
Прости, что, раненый твоей бедою,
Я что-то говорить еще могу.

Через судьбу вдовы Мусы Джалиля и миллионы подобных судеб других женщин Кулиев прокладывает путь к истории военных лет, максимально воплотившей в себе нравственные поиски общественного сознания эпохи. Психологически убедительно звучит последующее четверостишие, в котором поэт пытался сказать о своих чувствах к тем женщинам, которые знали бедствия военных лет.

О Амина, твое походит имя
На имя птицы или же звезды,
О Амина, твое подходит имя
Для женщины, не ведавшей беды.

Пер. Н. Гребнев

В этом послании и в других, подобных этому, обращает на себя внимание воспроизведение мыслей поэта, которое непосредственно фиксирует работу сознания в данный момент, подводит итог всему сказанному. Так, обращаясь к Амине, Кулиев писал:

Но все ж, каким бы горем ни пытали,
Как тяжко б ни было тебе и мне,
Мы знаем цену, знаем вкус печали,
Поэзия на нашей стороне.

Подобная особенность монологов-размышлений и определенных нравственно-философских выводов в жанре посланий и посвящений была связана, во-первых, с определенной формой выражения мыслей и чувств, которая имеет свои правила художественного построения. Во-вторых, все эти обращения в жанре лирического послания объяснялись историзмом поэтического мышления и общим принципом психологизма – его аналитичностью. Кулиев, обращаясь к друзьям, знакомым, беседуя с ними, одновременно говорил о своей душе и жизни.

Таким образом, индивидуальный метод в лирическом послании и посвящении обеспечивал Кулиеву многокрасочность его художественного творчества. Без такого индивидуального своеобразия его лирические произведения этого жанра потеряли бы свое эмоциональное воздействие. Возьмем для примера его известное стихотворное послание «Язык родной земли» (1969). Оно было адресовано другу, Аскеру Аппаеву, доктору филологических наук, профессору кафедры балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского университета. С ним Кулиев дружил до конца жизни ученого, бывал много раз у этого одинокого человека в его просторной квартире по пр. Ленина в гор. Нальчике; восхищался его огромной библиотекой, которая занимала большую часть жилых помещений; принимал активное участие при защите Аппа-

евым диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук в Алма-Ате в 70-е гг., потому что там Аскер работал в Институте иностранных языков еще в период депортации балкарского народа. Сохранились научные связи, там были друзья Аппаева: Кенесбаев, Сарыбаев, Денлерев – и другие известные языковеды-тюркологи.

Аскер Аппаев был крупным языковедом, оставившим большое наследие в области исследования особенностей развития балкарского языка и его диалектов. Ученый и поэт много беседовали о роли родного языка, о его великой силе, поскольку он цементирует нравственную и психологическую целостность народа и отдельной личности; он исток жизни слова и дух народа, носитель его идей. Кулиев неоднократно говорил, что родное слово – это аромат определенного явления жизни и меткая характеристика предмета. Таким оно и предстает в произведении «Язык родной земли». Для Кулиева родной язык – не просто звучащая материя, связывающая его с миром природы и народа, а близкое, дорогое явление, сыновняя любовь к которому пронесена через всю жизнь.

Язык людей, познавших все печали,
Бывавших с радостью накоротке,
В горах балкарских люди умирали
И бредели на этом языке.
Мне кажется, в тебе сумели слиться
Все запахи моей родной земли,
Мне кажется, что все на свете птицы
В твое звучанье звон свой принесли [15].

Пер. Н. Гребнев

Кулиев, выводя эти строки, был уверен в том, что история его родного языка – это история духовных исканий горцев, их опыт, запечатленный в слове, надежды и чаяния, мечты и реальность не могут исчезнуть. Самобытный, присущий каждой нации, национальной культуре язык получил полную возможность для возрождения и дальнейшего развития еще в начале XX века. Поэтому в самом начале стихотворения Кулиев писал:

Язык, рожденный мудрецом-провидцем,
Рожденный пахарем в былые дни,
Тебя не станет – хлеб не уродится,
В ущельях не засветятся огни!

Выступая однажды на сессии языковедов, организованной АН СССР, Кулиев сказал: «Те, которые здесь говорят о языке, должны знать, что герой, погибая за Родину, кричал на родном языке «свобода!» Это не только поэтический образ. Это трагическая правда и философия жизни, облитая кровью храбрых. Я помню, что еще недавно раздавались голоса о том, что скоро умрут языки так называемых малых народов... Это решит сама жизнь...» Выступая на этом ученом форуме, далее Кулиев подчеркнул: «Родной язык для каждого из нас – голос любимой земли и матери. Он бесконечно дорог нам, это наша песня и сказка, отчий дом и очаг. Его прекрасными словами мы выражали и выражаем нашу радость и страдания, нашу любовь и надежды» (Так растет и дерево. С. 403). В поэтическом выражении это звучало так:

И пусть балкарцев мало нас, но с детства
Не мыслим мы житья без слов твоих.
Не можем мы без твоего посредства
Оплакать мертвых, вразумить живых.

Похожий на родные наши горы,
Великий, как любой язык земной,
Ты защищал нас, ты спасал нас в горе,
Как бурка от ненастья в час ночной.

Подчеркивая общечеловеческое значение этого лирического послания, вошедшего так естественно в ткань художественного творчества, известный ученый XX века, член-корреспондент АН СССР, современник Кулиева Г. Ломидзе писал: «В этом стихотворении Кайсына Кулиева нет ни грана национального высокомерия, желания рассматривать мир с маленькой скорлупы национальной исключительности. Первым и непосредственным стимулом к написанию стихотворения «Родной язык» явилось твердое убеждение в том, что в родном языке слиты все запахи отчей земли, в его звучание все птицы на свете

принесли свой звон. Языка не станет – хлеб не уродится, в ущельях не засветятся огни!» [17].

Кулиев всегда высоко ценил разговорную речь простых горцев – каменотесов, чабанов, хлеборобов – и нередко использовал ее для создания эффекта живой естественности в ткани своих посланий и посвящений. И об этом тоже писал Кулиев в послании Аскеру Аппаеву:

Язык каменотеса, дровосека,
Святой, как все людские языки,
В тебе, я знаю, слышался от века
Звон топора и тяжкий стук кирки.

Родной язык маленького балкарского народа не мог не стать объектом, пробуждающим глубокие патриотические чувства, национальную гордость и широкие раздумья Кулиева, о связи собственной судьбы и судьбы горцев Северного Кавказа. Это был материнский язык, на котором поэт впервые услышал колыбельные песни, сказки, легенды и сказания, узнал историю жизни своих предков:

Оставшийся живым в борьбе смертельной,
В неволе давней смогший устоять,
Слит для меня ты с песней колыбельной,
Которую мне в детстве пела мать.

В этом поэтическом послании нет ярко выраженной формы обращения, обязательно предполагавшего адресата. Это послание монологично, имеет качественно новую социальную и индивидуально-самобытную направленность. Патриотические мотивы, любовь к родному языку выражены непосредственно и глубоко. Вот финальные строфы, восхищающие многих читателей и почитателей стихов Кулиева:

Я, скромный твой певец, но без оглядок
Тебя люблю я, чувства не дяля.
Ты, словно голос материнский сладок,
Прекрасен, как родимая земля!

Пер. Н. Гребнев

Профессор Аскер Аппаев был благодарен Кулиеву за это удивительное послание, гордился им и в шутку говорил, будучи от природы большим юмористом и оригиналом в суждениях о поступках людей, их слабостях: «Обо мне, одиноком человеке, никто и никогда не вспомнит, но благодаря этому стихотворению с посвящением мне, я останусь в истории балкарской литературы».

Есть еще одно стихотворение, которое Кулиев написал в 1955 г., в год его возвращения на родину из Киргизии. Это стихотворение перевел известный поэт советской эпохи Николай Тихонов и называется оно «Родной язык» (1955). Оно близко по тематической направленности к проанализированному выше подобному стихотворению, адресованному Аскеру Аппаеву. Обращаясь к родному языку, Кулиев в последнем четверостишии писал:

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь.
Родной язык, ты юности язык!
Родной язык, ты верности язык! [18].

Пер. Н. Тихонов

В оригинале это обращение к родному языку звучит так:

Къыйын кюн таянган таягъыбыз,
Къууанч кюн къууанхан сырйнабыз, —
Ой ана тили, сабийлик тили,
Ой ана тили, кертилик тили!

Однако это стихотворение в тот далекий год возвращения из депортации Кулиев никакому конкретному лицу не посвящал.

В сборнике избранных стихотворений «Покуда стоят эти горы» (Нальчик, 1997), изданном на родном языке, есть стихотворение «Бизге бешик жыр айтылгъан тилибиз» («Язык, на котором пели нам колыбельные песни»). Оно адресовано Аскеру Аппаеву. Это послание датировано 1968 г. Составителем этого сборника стихов Кулиева был А. С. Созаев. Книга стихов Кулиева вышла в связи с 80-летием со дня его рождения.

В двух последних четверостишиях говорится о том, что дети, лежа в колыбели, всегда слышали сказки о нартах на родном языке и светлый образ матери был навсегда слит с этой колыбельной песней:

Жомакъ, нарт сез кибик тургъан тилибиз,
Бизге бешик жыр айтдыргъан тилибиз,
Сезлеринги айтханлай аузум кюнден
Топгъанча бола тюшюмде, тюнюмде.

Тюшюмде да айтама сезлеринги,
Акъ къырлагъа ушаш – бийик тидибиз,
Тереги, кырдыгы болдунг жеринги,
Аналаны еню кибик тилибиз.

**Не только матерями,
не только сестрами вы были нам**

Малые жанровые формы, какими являются стихотворное послание и посвящение, лирическое письмо, в поэзии Кайсына Кулиева в проблемно-тематическом плане чрезвычайно многообразны и, по нашему убеждению, были перспективными и актуальными для балкарской литературы XX века. В творчестве Кулиева (как яркого представителя этой национальной литературы) динамика развития малых жанровых форм проявилась и в стихотворном напутствии, в отклике-призыве, шире – в призывно-дидактической, наставнической поэзии. К таким произведениям поэта можно отнести стихотворения, обращенные к дочери Жанне Кулиевой, внучке Лейле, сыновьям – Эльдару, Алим и Азамату. Нравственная и эстетическая заданность заключалась в самой ее сущности и в объекте воздействия на разум и чувства тех, к кому непосредственно обращался поэт.

Вы имена свои носите гордо,
В них доброта хлебов и щедрость стад.
В них мягкость трав и скал чегемских твердость,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

Обратимся к оригиналу:

Атларыгъызда – къылкъыла кеклюю,
Болугъуз ден бар къара ишден азат,
Атларыгъызда – къаяла беклиги,
Эштемисиз, Эльдар, Алим и Азамат! –

писал Кайсын в конце послания «Хашлагъа» («Сыновьям»). 1967). Поэт обращался к своим сыновьям, в которых видел опору и надежду старости. Это был 1966 г., они были школьниками, вся жизнь была впереди с ее тревогами и волнениями, но уже тогда Кулиев задумывался над тем, что ждет продолжателей его славного рода, которым так дорожил и гордился поэт. Поэтому в несколько назидательном тоне поэт обращался к ним:

Я вам, сыны мои, балкарцы родом,
Дал имена крестьян, и вы должны
Чтить нашу землю, хлеб ее и воду,
Как пахари, ашуги, чабаны [2].

Пер. Н. Гребнев

Как старший наставник поэт обращался к ним и советовал им быть добрыми к людям, нуждавшимся в их помощи, а если наступит трудный час в судьбе их и родного края, то проявлять твердость в решительный момент. В таком лирическом и психолого-философичном плане Кулиев поучал своих чад:

Есть в ваших именах и твердость склонов,
Как скалы, будьте тверды в трудный час.
Есть в именах и мягкость трав зеленых.
Пусть доброта не покидает вас.

Кулиев мечтал дать своим сыновьям хорошую профессию и не возражал, когда они избрали тот же театральный институт (ГИТИС) в Москве, в котором когда-то, до войны, учился и он, их отец. Так оно и вышло: Алим и Эльдар учились в этом институте, закончили, получили дипломы, работали по специальности. И пожелания отца «пусть ваше дело делается споро, пусть будет слово твердо, речь легка...» сбылись частично.

Самый младший сын, Азамат Кулиев, стал известным художником, в конце 90-х гг. и начале XXI века он жил в Турции, там и создавал свои полотна, пользующиеся успехом среди балкарцев и кабардинцев, компактно проживающих близ Анкары. Попал Азамат Кулиев в эту тюркоязычную страну, когда в 1997 г. общественность России широко отмечала 80-летие со дня рождения К. Ш. Кулиева, и он в составе делегации от Министерства культуры КБР прилетел в Стамбул. С тех пор он и остался на несколько лет в Турции. В пригородном районе Анкары «Кечиерен» расположен Национальный парк имени Кайсына Кулиева. Он и напоминает Азамату об отце. Парк находится у подножья возвышенности, где на склоне близко расположены друг к другу села. Красивый пейзаж великолепно вписывается в этнографию, напоминая жителям этих районов горные пейзажи селений Булунгу, Безенги, Верхней Балкарии, где не раз был Кайсын Кулиев, его прославленный отец, которого не забыл тюркоязычный мир.

Стихотворное послание «Моим сыновьям» (1966) по гуманистической направленности и эмоциональной силе, глубине мысли и богатству интонаций – одно из инте-

реснейших произведений Кулиева, в котором биографические мотивы почти не ощутимы, но ярко выражены пожелания поэта Эльдару, Алиму и Азамату:

Не оставляйте слабых без участия,
На чьем-то горе свой не стройте дом.
Пусть жизнь обережет вас от несчастья
Соседу или брату быть врагом.

Кулиев не раз задумывался о будущем молодежи и, в частности, о будущем своих сыновей. Касаясь проблем молодых и задач писателя по отношению к ним, Кулиев спрашивал в одном из писем французского писателя Робера Мерля: «...нам ведь хочется, чтобы наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно это или нет? То, о чем я говорю, касается молодежи не только моей одной страны. Речь идет о детях всех народов». Эти письма были опубликованы в «Литературной газете» (1974. 20 марта): это известное письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Робера Мерля «Дешевые соблазны отрицания». Теоретические воззрения обоих художников слова о соотношении положительного и отрицательного в интеллектуальной жизни современной молодежи тех лет нашли художественное воплощение в гуманистических принципах Кулиева намного раньше того времени, когда это письмо было написано. Так, обращаясь к своим сыновьям, Кулиев желал им счастья, но только не за счет других людей:

Всегда и всюду, маленьким и взрослым,
Отцы желают счастья сыновьям.
Но если вам нужна для счастья черствость,
Отец – я – счастья не желаю вам.

Тема смены поколений и гуманистическая сущность человеческих деяний, безусловно, затронута Кулиевым в этом небольшом лирическом послании «Моим сыновьям». Здесь личная точка зрения на понимание счастья и благополучия выражена довольно ясно:

Нет счастья там, где в сердце злобу носят,
Тот, кто не дарит радость, сам не рад.

А в ваших именах – шуршание колосьев,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

Пер. Н. Гребнев

На этой вопросительной интонации завершались раздумья Кулиева о будущем своих детей и его пожелания им.

Поэтический образ детства и лирико-пейзажная стихотворная живопись позволили Кулиеву просто и достоверно передать глубину отцовских чувств к сыновьям в стихотворном послании «Зеленый мир» (1952), адресованном первенцу-сыну – «Эльдару, который еще не умеет читать», а также «Азамату вместо колыбельной» (1966).

Пейзажная стихотворная живопись начиналась с самых первых строк послания «Зеленый мир»:

Спит наш мальчик утомленный,
Маленький джигит.
Тополей прибой зеленый
За окном шумит [3].

Пер. Е. Елисеев

Здесь природа символизировала покой и счастье родителей, торжество жизни, и сам пейзаж олицетворял весеннее обновление мира («Гром ударил отдаленный, как салют весне. Спит наш мальчик. Мир зеленый видит он во сне»). Природа в пейзажной лирике помогала автору этих строк отразить свое душевное состояние и показать мир в динамике, когда расцветают сады, синее небо над головой и вдали видны белые горы:

Все дома и все заборы
От росы седы.
Небо синее, и горы,
И сады, сады...

Эти светлые, радостные строки Кулиев писал во Фрунзе, где жили его семья и он, счастливый отец, который лучшие свои устремления вкладывал в мечту о сыне. И вот мальчик пошел, сказал первые слова, и по воображению поэта во сне он видел зеленый мир, «свеже-

нымытый, опрятный, он ему знаком, мир, в котором так приятно бегать босиком». Видно, что поэт был «сладко усыплен своим воображеньем»: видеть вокруг зеленый мир и бегать босиком по росистой траве. О реальном мире и внутреннем психологическом состоянии в последнем четверостишии сказано предельно кратко:

Спит наш мальчик – счастье наше,
Ровно дышит он.
А над ним тихонько машет
Влажной веткой сон.

Пер. Е. Елисеев

Мы полагаем, что важно отметить и то, что в жанре пейзажной лирики, которая непосредственно адресовалась какому-то конкретному лицу, усиливалось гуманистическое начало, особенно в стихотворных посланиях, посвященных своим родным детям: дочери Жанне, сыновьям Эльдару, Алиму и Азамату. К примеру, возьмем его стихотворное послание «Азамату вместо колыбельной». В нем природа также экспрессивна, динамична, а лирикопейзажная стихотворная живопись позволила поэту сказать о своих чувствах и желаниях души.

В сумерках бывает синим
Горный склон, что утром – бел.
Я сыночку и долине
Сказку рассказать хотел [4].

Пер. Н. Гребнев

Давнее утверждение Л. Субоцкого о том, что любовь к родной природе, воспоминания о днях детства в родном краю «...приводили часто писателей, особенно поэтов, к известному обеднению образа героя, к замыканию его в рамках своеобразной ограниченности», ничего общего не имеет в отношении небольшого стихотворного послания «Азамату вместо колыбельной». Послания всегда развивались на прочной основе духовной жизни автора и заключали в себе большую эстетическую силу воздействия, даже в таком, казалось бы, простеньком «детском» изло-

жении, имеющим свою жанрово-стилистическую специфику.

Стал я говорить про скалы,
Про волшебного коня,
Но долина задремала,
Не дослушала меня.

В творческом понимании Кулиева ребенок и окружающая его этноприрода тесно взаимосвязаны, они составляют единый «организм» бытия горцев, спокойствие которых гарантировано извечной мечтой о мире.

Все уснуло сном безмолвным,
И до будущего дня
Спит арбуз и спит подсолнух,
Голову на грудь склоня.

Этим спокойствием охвачена вся природа, и колыбель заснувшего ребенка – это центр мира, планеты, именуемой счастьем родного очага и любовью матери и отца:

Спят леса и звезды ночи,
Угли – в печке, дым – в трубе.
Неусыпна, мой сыночек,
Лишь любовь моя к тебе.

Но спокойствие и тишина всегда тревожны, и простое человеческое счастье омрачено извечными тревогами всех отцов и матерей за своих сыновей:

Спит ущелье и дорога,
Лишь не спит в груди моей
Вековечная тревога
Всех отцов за сыновей.

Здесь нравственно-эстетическая активность кавказского пейзажа (горный склон, скалы, ущелье и т. д.), метафористичность (спят леса и звезды ночи, спит ущелье и дорога) позволили поэту зримо и чувственно передать свое настроение, душевное спокойствие автора нарушается лишь «вековечной тревогой всех отцов за своих сыновей».

Азамат Кулиев (или Азаматка, как его ласково называл часто поэт) – младший сын, судьба которого очень беспокоила поэта в последние дни его жизни. Поэтому он не случайно в своем духовном завещании просил общественность позаботиться о дальнейшей учебе сына в Ленинграде, в академии художеств: Кулиев верил в талант своего сына. Вот отрывок из письма Кулиева «Вместо завещания»:

«1. Я очень серьезно болен. Конец может придти неожиданно. Прошу похоронить меня в моем чегемском садики под черешней...

3. Родственников и общественность особенно прошу позаботиться, проявить внимание к моим младшим сыновьям Азамату и Ахмату, помочь им учиться.

18 января 1985 г. Чегем. *К. Кулиев*».

Через четыре месяца его не стало.

Когда Кулиев был жив, он сделал все возможное для своих детей. Он заботился о них и в школьном возрасте, и тогда, когда они учились в вузах, и в получении послевузовского образования; выполнял все их желания: Эльдар и Алим хотели остаться в Москве после окончания театрального института (ВГИКа), иметь квартиру с постоянной московской пропиской, и отец для них это сделал. В 1977 г. Эльдар уже работал на киностудии им. Горького (он защитил дипломную работу в 1976 г. и стал работать по договору с творческим объединением «Экран»). Алим учился в ГИТИСе. Эльдар начал работу над сценарием трехсерийного телевизионного художественного фильма «Раненные камни», постановка которого должна была осуществиться в 1986 г.

Думая о своих сыновьях, Кулиев писал в 1975 г. в стихотворении «Как теперь себя я самого...»:

Я своих детей растил, как мог,
Сверстников не поучал уныло.
От беды друзей своих берег,
Как, бывало, мать меня учила [5].

Пер. Н. Гребнев

Тревога за детей не покидала его, где бы ни находился Кулиев. Уезжая из дома, он постоянно думал о сыновьях,

особенно об Алиме. Как много говорило письмо Кайсына, вернее, небольшая записка, оставленная им для сына: «Алимчик, уезжая, очень прошу тебя – веди себя хорошо, не пропускай уроки. Один ведь месяц остался! Будь человеком, не подведи отца! Слушай маму – ей трудно с вами. Не твори безобразия! Как уеду, живу в постоянной тревоге из-за тебя. Пойми это! Будь здоров. До свидания.

Папа»

Но дети не хотели понимать отца, его тревог, дум, опасений и сожалений о напрасно растроченных на них душевных силах. И Кулиев это понимал:

Порой и я сникаю, загрустив,
Порой овладевает мной тревога,
Порой мне кажется: моя дорога
Окончилась и впереди обрыв [6].

писал Кулиев в 1975 г. в зените славы, общенародного признания, почета и уважения. Тревожил поэта Алим: он не хотел служить в рядах Советской Армии, но Кулиев настоял на исполнении долга перед родиной. В мае 1980 г. он написал открытое письмо накануне 35-летия Великой Победы. Вот оно: «Дорогой мой Алим! С тех пор, как ты служишь в армии, пишу тебе часто. В своих письмах я пытался говорить о любви к родной земле и снегопаде в Чегеме, о священном долге каждого из нас защищать Отечество и о цветении абрикоса у нас в саду, о человеческом мужестве и дожде, шуршащем летним вечером на зеленых ветвях чинар в ущелье, о человеческой чести и багровении созревшего кизила на склонах Ак-Су, о здоровье твоей матери, о моей работе – обо всем, что дорого тебе и мне...» Свое письмо Кулиев закончил так: «...Я уверен, Алим, что ты поймешь сказанное мною в этом письме и примешь как отцовский завет на всю жизнь. Поздравляю тебя с нашим великим праздником – Днем Победы...» [7].

Кулиев, как и все родители, очень любил своих детей, заботился о них до конца своей жизни. Особым предметом его внимания была и дочь Жанна от первого брака – от Тамары Залихановой. Жанна была первым ребенком от первой женщины в его судьбе. Жанне поэт адресовал

стихотворение «След полдня, миновавшего когда-то...». Оно без названия. Вошло это лирическое послание поэта в собрание сочинений в трех томах, изданных в Москве уже после смерти Кулиева. Когда он писал это стихотворение, ему было 55 лет. Возраст не молодой, но еще и не старый. Следом полдня и светом последнего заката называл поэт дочь, имея в виду прожитые годы и оставшееся время до конца жизни. Действительно, в последние дни роковой болезни и в минуты кончины Жанна была с ним, где бы он не лежал в больницах – в Москве или в Первом Чегеме. В этом же 1972 г. Кулиев напишет в одном из стихотворений «Ушел твой полдень, наступил твой вечер...». Но это время не было еще закатом: до рокового 1985 г. осталось еще тринадцать лет.

След полдня, миновавшего когда-то, –
Свет моего последнего заката.
Когда, усталый от трудов и бед,
Ищу я вновь слова в ночи бессонной,
Мне кажется, что веточкой зеленой
Ты шелестишь и горя в мире нет [8].

Пер. Н. Гребнев

Жанна всегда доставляла отцу только радость: и когда успешно училась в школе, и тогда, когда хорошо закончила отделение русского языка и литературы филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Она привела в порядок личный архив поэта, когда работала в Центральном госархиве КБАССР заведующей, настояла на том, что все рукописи поэта, весь материал необходимо передать на государственное хранение, чтобы люди, исследующие творчество Кайсына Кулиева, пользовались его архивом. Кулиев ценил это старание и ее любовь к нему, поэтому он писал:

Давно прошло твое былое детство,
И я не знаю: беды отстраня,
Чем осчастливил я тебя, отец твой,
Что одарила добротой меня?

Они прекрасно понимали друг друга. Жанна не осуждала отца за разрыв с ее матерью, которая вышла замуж

за другого и уже давно имела семью – мужа, сына, сноху, внуков. Кулиев ценил в дочери умение быть благодарной за моральную и материальную поддержку. Жанна Кайсыновна одна воспитывала дочь Лейлу, внучку поэта, никогда не просила у отца денег в отличие от своих братьев, умела стойко переносить все трудности, встречавшиеся на ее пути, старалась никогда зря не тревожить, не беспокоить отца. Он ценил свойства ее характера, понимал, что ей трудно будет без него, поэтому писал:

Ложится снег, и вновь вдали от дома
Мне слышится твой голос в тишине.
Я слышу вдалеке раскаты грома,
И за тебя, как прежде, страшно мне.

Мотив воспоминаний естественно вошел в художественную ткань стихотворного послания «След полдня, миновавшего когда-то...». Он связан с молодостью поэта, счастливыми годами жизни с Тамарой Залихановой, когда они, молодые актеры ГИТИСа, приезжали домой, на каникулы к родителям:

Меня к истокам возвращает память,
Мне видится, как много лет назад
Тебя, обвившую меня руками,
Несу я из дому в зеленый сад.

Все содержание этого стихотворного послания овеяно светлой грустью о быстро промелькнувших годах, о невозвратном детстве дочери, ощущениями о непреходящей силе любви к родному человеку. Особенно это светлое чувство ощутимо в финале строк послания:

Пусть не такие мы теперь, как прежде,
И годы не вернешь, как ни зови,
Но не погаснет свет моей надежды,
Покуда светит свет твоей любви.

Дочь Жанна оправдала надежды отца: он очень хотел, чтобы она стала исследователем его творчества, ученым-филологом. Работая в последние годы в научно-исследовательском институте КБР старшим научным сотрудником, она написала и издала две очень ценные книги: «Остаться

и памяти людской...» (Нальчик: Эльбрус, 1987. – 367 с.) и «Я жил на этой земле...». Кайсын Кулиев. Портрет в документах (Нальчик, 1999. – 512 с.); она является составителем и автором их предисловий. Обе книги основаны на подлинных документах о Кайсыне Кулиеве, часть которых была опубликована впервые. В 2003 г. она защитила диссертацию «Кайсын Кулиев. Личность поэта в документах и воспоминаниях современников» на соискание ученой степени кандидата филологических наук под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы КБГУ Т. Е. Эфендиевой. Первым официальным оппонентом был доктор филологических наук, профессор Н. Г. Джусойты, близкий друг Кайсына Кулиева из Цхинвали (Южная Осетия), вторым – З. А. Кучукова, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы КБГУ, долгое время работавшая над проблемой перевода произведений Кулиева с родного на русский язык.

Стихотворные послания и лирические письма Кулиев писал многим родственникам. Нельзя не назвать и такое произведение поэта, как «Колыбельная Лейле» (1971). Оно было адресовано любимой внучке от дочери Жанны. Имя «Лейла» было самым любимым именем поэта, и связано оно с его первой влюбленностью. Литературный образ Лейлы покорила читателя своей красотой, гармонической слаженностью. В цикле стихов, посвященных Лейле, внучке Кязима Мечиева, Кулиев создал гимн чистой, романтической любви («Лейле», «Еще три песни Лейле» и лирическая поэма «Говорю Лейле в Чегеме»). Для поэта это имя было самым дорогим воспоминанием юности, и его Кулиев пронес через всю жизнь начиная с 30-х гг. и вплоть до конца 70-х XX века. Не случайно этим именем он назвал свою первую внучку и подарил ей задушевные стихи. Это простая и нежная песенка о том, что пришла ночь и все уснули. «Спят, как белые подушки, облака, спит недопитая кружка молока. Солнце спит. В траве уснули муравьи. Камни спят. И даже куклы спят твои». Этноприрода и устойчивые мотивы, связанные с ней, становились мерой красоты и спокойствия окружающего мира, особенно тогда, когда пелась колыбельная песня.

Спит гора. Снега уснули
На горе.
Спит зеленая чинара
Во дворе [9].

Пер. Я. Аким

Этот мир спокойствия, нарисованный поэтом, должен быть всегда, когда засыпает ребенок; таковы характер мировоззрения художника, те задачи, которые он ставил, когда писал колыбельные песни, обращенные к своим или чужим детям планеты. В «Колыбельной Лейле» нет никакого пристрастия к традиционной восточной экзотике, поэт не любил ее вводить в детские стихи. Одним из средств образной выразительности стихов этой тематики было сравнение («Спят, как белые подушки, облака», «Входит сон. Тихо, будто наша кошка...» и др.). В финале песенки – повседневная бытовая зарисовка, которой и заканчивалась «Колыбельная...»:

Завтра утром все проснется,
Оживет.
Мама дочке платью новое
Сошьет.
Солнце осветит все темные углы,
Сказку дедушка расскажет
Для Лейлы.

Судьба этой девочки оказалась счастливой. Она, как и ее мама – Жанна Кайсыновна Кулиева, – окончила филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета, вышла замуж за Жашуева Владимира из Гунделена, подарила мужу двоих сыновей и дочь Лауру. Маленьких джигитов – Эльдара, Айдара и Лауру помогала воспитывать дочь поэта – Жанна Кулиева, постоянно проживающая в гор. Нальчике, а дочь ее Лейла Джюева (девичья фамилия) живет в Первом Чегеме, где есть улица им. Кайсына Кулиева и Дом-музей на этой же улице (бывшая Степная), где покоится прах ее великого деда. Бабушка – Жанна Кайсыновна – не нарадуется, когда видит внуков Эльдара и Айдара и слышит их детский лепет о прадедушке Кайсыне. Эльдар пошел в подготовительный класс школы-лицея № 2 г. Нальчика, где когда-то учились сыновья Кайсына Кулиева. Это он

желал им улыбаться почаще в стихотворении «Фотография внука» (1985):

Улыбайся, сынок! Что страшиться
Тягот жизни! Да будут всегда
Петь в лесу тебе вольные птицы,
В реках чистою будет вода!
Мальчик мой, улыбайся почаще,
От улыбки счастливой такой
Отступает и холод звенящий,
И безжизненный мрак ледяной [10].

Пер. Н. Кондакова

Послания и посвящения Кулиева – это не только поэтические обращения, использованные им в его двояком значении – жанровом и собственно стилистическом. Они могут характеризоваться значительно шире. И стилистический прием как форма обращения не всегда наличествовал в стихотворных посланиях. «Зимний день в Чегемском ущелье» (Исмаилу Кулиеву) – одно из таких стихотворных посланий, написанных в 1977 г., когда брат был еще жив. В нем нет ярко выраженной формы обращения, нет и монолога как такового, обязательно предполагавшего адресата. В нем есть психолого-философские моменты, связанные с природно-ландшафтными образами – мощной горной стеной Чегемского ущелья. Она была для поэта национальным символом стойкости, терпения и мудрости. Примером стойкости и мудрости для поэта был его двоюродный брат Исмаил Кулиев из Чегема, который пережил все то, что выпало и на долю поэта. Поэтому в финале стихотворения Кайсын писал:

А он и зимой полон солнца, родной мой Чегем,
С чистойшей вершинных снегов белизной, мой Чегем,
С кизилowym светом рассветов своих, мой Чегем,
С камнями прогретыми стен вековых, мой Чегем,
С оконцами, что теплоты не таят, мой Чегем,
Со скалами, что будто книги стоят, мой Чегем,
Одни в бликах солнца, другие в снегах, мой Чегем,
Каким на чужбине сверкал в моих снах, мой Чегем! [11].

Пер. Д. Долинский

Многokратный повтор «Мой Чегем» Кулиев использовал для более полной передачи силы своих чувств, своего внутреннего состояния. Когда он писал эти строки, то думал об Исмаиле Кулиеве, мужественном и трудолюбивом горце, который не раз принимал столичных гостей, приезжавших к Кайсыну Кулиеву. Исмаил был для поэта опорой. Его гостеприимный дом всегда был открыт для многочисленных кулиевских друзей. Об этом свидетельствует и большое число фотографий, запечатлевших друзей Кайсына, которые посещали дом Исмаила.

Повторение словосочетания «мой Чегем» шло по линии нарастания и передавало особое эмоциональное настроение:

Алтым кюн тегюлюн тургъан Чегемим,
Бийик къырлары агъаргъан Чегемим,
Танглары жангыдан атхан Чемемим,
Арбазларын кюн жылытхан Чегемим [12] и т. д.

К Чегему и его горным вершинам, скалам не раз обращался поэт в минуты грусти и радости «чудодейственного дуновения» души, беседовал с ними, просил у них совета и помощи. Чудодейственное состояние наступало, когда, по словам поэта, он стоял, ослепленный «всеми этим сверканьем и блеском», и горы озаряли его душу.

Ах, блеска и яркости столько, что больно глазам!
И нет, не во сне, а воочию вижу я сам:

Склоняясь над чахлою травкою, овцы вдали
Бредут, как издревле на солнечных склонах брели.

Вон туры пасутся на скалах горы Башиллик –
Высок над Чегемом в полдневных лучах ее лик!

Вон осликов гонят по тропке, заметной едва,
Мальчишки к аулу, а ослики тащат дрова.

И я, как мальчишки, гнал осликов в давние дни
И голоден был, как, быть может, сегодня они.

Поэт, воображая себя тем мальчиком, везущим на ослике дрова для очага, опирался на прошлый опыт жизни, на ассоциативную память. Это вызывало опреде-

ленное психологическое состояние, называемое вдохновением и проникновенностью. Некоторая романтическая односторонность в изображении окружающей природы Чегема и субъективизм ее восприятия соответствовали творческой позиции Кулиева, стремления которого были направлены к лучшему и возвышенному. Отсюда, естественно, возникал прием противопоставления, художественный параллелизм, подчеркивавший единство явлений и их непосредственную взаимообусловленность в природе горного края. Вот начало стихотворного послания «Зимний день в Чегемском ущелье»:

На склоне одном блики солнца, на склоне другом –
Сверканье белейшего снега. И тихо кругом.

На склоне одном пожелтевшие клочья травы,
На склоне другом – заморожено до синевы

Ручьев нетерпенье, падение их с высоты.
Величия этой застывшей воды красоты

Рука не посмеет коснуться. Стою ослеплен
Всем этим сверканьем и блеском...

Как видим, поэт смело соединял разновременные явления природы, приметы зимы и лета (на склоне одном – блики солнца и пожелтевшая трава, на другом – все «заморожено до синевы», красота застывшей воды). Все это служило для создания картин красоты Чегемского ущелья и водопадов, которые не раз воспевали поэты. Прославил Чегемские водопады и Кулиев не только в этом послании Исмаилу Кулиеву, но и в ряде других стихотворений.

Средства образной выразительности языка послания «Зимний день в Чегемском ущелье» очень разнообразны: восклицания, повтор выражений, эпитеты и метафоризация придавали этому посланию особую тональность, рисовали неповторимость зимнего пейзажа в горах Кавказа.

Стихотворное послание Исмаилу Кулиеву было по этому задумано давно. Кулиев и его брат Исмаил принадлежали к определенной социальной (родовой) группе горских крестьян – скотоводов и охотников, живших в

старинном балкарском ауле Верхний Чегем, «затерянном в верховьях сурового и красивого Чегемского ущелья, на границе Балкарии со Сванетией». Оба они, возможно, наследовали талант, предполагавший особенный, семейный подбор известных психолого-нравственных качеств, переданных им и усиленных со стороны рода Кулиевых. Талант Кулиева проявился по ряду многих объективных и субъективных факторов, а его брат Исмаил не раскрылся по многим обстоятельствам, не зависевшим от него, условия его жизни были иными. Но было и общее, что роднило их в детстве, — этноприрода, посильная помощь взрослым: пасли скот в горах, ездили на осликах в лес за дровами («Вон, осликов гонят по тропке, заметной едва, мальчишки к аулу, а ослики — тащат дрова»), а в целом их жизнь осеняла «вершина скалы Капчагай, вся залита солнцем, горящая издалека на сини небес, что прозрачней воды родника».

Кайсын Кулиев интересовался своей родословной и потомками балкарцев. Он даже выдвинул свою поэтическую теорию о происхождении своего этноса в цикле стихов «Половецкая луна». В них художественная фантазия увела поэта в глубь веков, когда печенегов сменили в причерноморских степях новые азиатские кочевники — половцы. Художественное мышление поэта углубилось в столь давние времена для того, чтобы через опыт осознанного историзма обрести высоту, с которой видны настоящее и будущее («Лишь то в потомках оживает вновь, что в предках утвердилось глубоко»).

Послания и посвящения своим родичам, роду Кулиевых и Бичеловых (со стороны матери Узеирхан) — это «высшие ростки мысли» поэта, его мечты и воображение, но вполне реальные и психологически достоверные.

К таким посланиям можно с полным правом отнести «Чегемде къар жауады» А. Къасымгъа («Снегопад в Чегеме». 1969). Оно было адресовано родственнику и близкому другу Касыму Аккаеву, долгие годы проработавшему в радиокомитете гор. Нальчика, одному из высококультурных людей Балкарии. Он хорошо знал родной фольклор и литературу. Кулиев и Аккаев были почти ровесниками, дружили с детства. Кулиев ценил в Касыме его добрый нрав, оптимизм и умение тонко шутить над слабостями людей. Как юмористу ему не было равных

среди друзей поэта. Их часто видели вместе на прогулке утром в Нальчикском парке около «Комсомольского озера»; на плече Касыма всегда был фотоаппарат, а на руках он держал маленькую собачку с мягкой коричневой шерстью. Эта болонка была предметом шуток друзей. Касым Аккаев был приятным в общении человеком, и Кулиеву очень нравилась его обаятельная улыбка. Касым бывал на всех юбилеях Кулиева, которые проходили в Нальчике и в Москве. В столице они вместе посещали театр, выставки, смотрели новые кинофильмы.

Обратимся к началу этого послания:

Чегемде ингирикде
Къар жауа кепге дери,
Акъ къойла жюнюн кекден
Чачханча элге – бери.

Къармыса. Не уа мени
Эсгериуюммюсе сен?
Акъ этеси юйлени,
Къаяяланы да юсюн [13].

Вот несовершенный подстрочный перевод С. Эфендиева:

В Чегеме вечером долго идет снегопад,
Как будто белая шерсть разбросана по всему селу и дворам.
Снег ли ты или это мои воспоминания?
О белизне снега, покрывшем скалы и дома...

Это стихотворение «Чегемде къар жауады» (1969) превосходно перевел Н. Гребнев. Оно также и названо им «Снегопад в Чегеме». Обратимся к этим же двум первым четверостишиям:

Сегодня снег идет в горах
Весь день и вечер целый,
Как будто там, на небесах, стригут баранов белых.

На горы устремил я взгляд,
Я вижу все в тумане.
Мне кажется, что снегопад – мое воспоминанье [14].

Послание состоит из 12 четверостиший. В них – воспоминания о детстве и матери, о трудной жизни горского мальчика через лирическое «Я» («Я вижу: так же снег идет и мальчик в старой шубе, рукой со лба стирая пот, сухие сучья рубит. Он ищет среди стволов густых и отыскать не может двух серых осликов своих, которых не стреножил»). Эти грустные факты биографии Кулиева и его друга Касыма нисколько не снижают эстетическое воздействие стихов, их жизненность и типичность, хотя «минуло все, мелькнув едва...». И теперь в отдаленных горных селениях все то же: «Сейчас, как много лет назад, все замело дороги, и сучья в очагах горят, и женщины в тревоге. Снежинки кто-то с облаков трясет, как в дни былые, и мальчиков у очагов ждут матери другие».

Воспоминание было одним из самых устойчивых мотивов многих посланий и посвящений Кулиева. Часто оно приобретало романтический смысл. Поэт вспоминал детство, друзей и испытывал при этом печаль, томление по ушедшему навсегда материнскому миру. И в этом послании «Снегопад в Чегеме» осталась грусть: «Нет матери моей в живых, чтоб ждать меня с тревогой. И сам другой я человек, и времена иные, и только снег, и только снег идет, как в дни былые».

Говоря о посланиях Кулиева, адресованных близким родственникам, хотелось бы отметить и тот факт, что поэт одарил прекрасными циклами стихов своих жен: Маке Дахкильговой, матери его трех сыновей, – Эльдара, Алима и Азамата, – он подарил «Море» (1974), а Элизат Кульбаевой – большой цикл стихов «Мой поздний свет» (1984).

Цикл стихов «Море» Кулиев написал, когда он отдыхал вместе с женой М. Дахкильговой в Дубултах в Доме творчества им. Яна Райниса. Датировано «Море» 1974 г. Голубая Балтика, приморские сосны, дюны. Мерный рокот моря – весь этот уют янтарного края с его тишиной навеял светлую грусть и чувство легкого одиночества, помогая «вынашивать» у рижского лукоморья заветные мечты и мысли.

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое,
Мерный рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем [15].

Пер. Н. Гребнев

Чудесный пейзаж и покой, общение с живой природой породили прекрасные строки целого цикла стихов, внутренне спаянных единым творческим замыслом. Разговор с морем – это своеобразная форма общения с людьми, средство исповеди и раздумий о роли природы и ее красот в духовной жизни человека. Лирический герой, вероятно, испытывал благотворное воздействие, наслаждение от умиротворяющих картин: синевы неба, мерного рокота моря, заходящего солнца, тишины и спокойствия. И сама любовь к морю, благодарно испытываемая широко распахнутым для любви сердцем, – это исповедь о большом и светлом чувстве, озарившем поэта в дни пребывания на Балтике («Я море полюбил, ширь его увидевши воочью»).

Романтический образ моря для выражения настроения лирического героя, его собственных внутренних переживаний использовали в своих лирических стихах почти поэты всех времен. Это стихотворение В. А. Жуковского «Море», «Погасло дневное светило», «К морю» А. С. Пушкина, Н. М. Языкова «Пловец», «Корабль», Ф. И. Тютчева «Море и утес», С. Д. Спасского «Над морем», Расула Рзы «Море, волны, капля», Расула Гамзатова «Каспий» и другие, для которых картина моря в основном служила лишь средством выражения субъективных настроений и переживаний, отправным пунктом воспоминаний и размышлений, связанных с морем как воплощением свободы и мощи, никому не подвластной стихии.

Лирическая манера Кайсына Кулиева в этом традиционном жанре своя, хотя нельзя не отметить органической близости к другим поэтам его времени, для которых человек и природа все чаще взаимозаменяются, становятся равноправными собеседниками. Так, Кулиев прямо заявлял о своем единстве с морем, когда возможно взаимопонимание: «Нам порой бывает суждено чувствовать себя его волнами: солнце в небе светит нам одно и одни дожди идут над нами». Если сравнить с «Каспием» Р. Гамзатова, то можно увидеть, что каждая строка этого стихотворения несет повышенную смысловую и эмоциональную нагрузку: «Я прихожу твои услышать речи, постичь твои повадки человечьи», – сказал лирический герой, обращаясь к морю, и не просто к морю, а к роди-

тому Каспию, который говорил не на сорока наречьях Дагестана, а на едином языке родимых гор.

В поэтических способах изображения природы и человека заключалось новое видение мира, а за ним стояли и те непростые общественные коллизии, которые были связаны с драматизмом проблемы «Человек и природа», с ощущением ответственности каждого, кто так или иначе соприкасался с природой. И об этом шла речь в цикле стихов Кулиева «Море».

Отдыхая в Дубултах, Кулиев был не просто бесстрастным созерцателем красоты Балтийского моря. Море для него, как и для Гамзатова, – живое. Оно дышит, у него свой цвет, краски, запахи и звуки. О нем можно говорить, как о человеке или земле, – ласково, проникновенно. Оно может понять поэта, как понимает его молчаливая гора в его родном Чегеме. Порой Кулиеву слышался зов моря («Я глухой твой голос, зов твой вечный слышу в час дневной и в час ночной»). Обращаясь к морю, Кулиев чувствовал себя нераздельным с ним, ощущая родство:

И мне кажется: мои предтечи
На невнятном, но родном наречье
В час печали говорят со мной.

Многие поэтические строки этого послания жене рождены ощущением счастья бытия, к которому поэт все никак не мог привыкнуть. Его радовало здесь все: беспечно летевшая птица над водой, женщина с мирно спящим ребенком на руках, лунный свет на морской глади, нагретый солнцем теплый песок. Жажда видеть людей счастливыми «под этим небом синим», а мир – в лучах тепла и света являлась как бы продолжением кулиевской концепции радостного восприятия жизни:

На песке сию я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства
И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

Первозданность восприятия мира, свойственная поэтам, была характерна и для Кулиева. Так, красноречивое

признание «Я гляжу и вижу синеву, будто я открыл ее впервые» свидетельствовало о новизне мировосприятия, радости очарования увиденным вокруг себя на Балтике. Мир гуманности и красоты выявлялся на внутренней взаимосвязи всех частей этого цикла стихов. В них синтезировалась не только основная проблематика поэзии Кулиева последних лет, но и его творческие усилия, эстетический опыт и достижения в области малых жанров.

Всеобъемлющая радость бытия не заглушала нот грусти, особенно в четвертой части этого послания. Воспоминания о прошлом («Будто раны все давным-давно зажили и не болят поныне» или «тяжесть лет и тяжесть бед») усиливали элегический тон послания. Радостные и печальные начала отражались почти во всех частях цикла стихотворного послания. К конкретно-психологическому выражению лирического переживания Кулиев шел через мир природы. В цикле стихов «Море» природа близка человеку и пейзаж ее очеловечен. Тема слияния человека с природой — давняя тема пейзажной лирики. «Выхожу один я на дорогу», «Когда волнуется желтеющая нива» Лермонтова, «Весенние воды», «Я помню время золотое» Тютчева, «Косарь» Кольцова, стихи Веневитинова, Баратынского, Бунина, Есенина и многих других проникнуты то гармонией и блаженством, то трагически мятежным чувством, в котором сквозила сдержанная тревога: «Жду ль чего? Жалею ли о чем?» (Лермонтов) или открытая тоска:

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла. — И, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе.

Ф. Тютчев

Ничего подобного нет в стихотворном послании Кулиева, хотя в некоторых четверостишиях тоже встречается диссонирующий контраст в гармонии природы, появлялись тревожные вопросы и думы, возникавшие на лоне прекрасной природы, отдыха и умиротворения. Вот строки из четвертой части цикла стихов «Море»:

Будто бы все в жизни решено
Навсегда под этим небом синим,
Будто раны все давным-давно
Зажили и не болят поныне.

Мысль о соотношении человека и природы, волновавшая многих поэтов, затрагивалась и в цикле стихов «Море». Однако Кулиев не повторял традиционный мотив пейзажной лирики о разобщенности природы и человека. Если в стихотворении Пушкина «К морю» эта мысль остро выражена через антитезу – свободная стихия, а поэт не свободен, у Лермонтова в «Тучах» она раскрывалась тоже через противопоставление: свободная природа и преследуемый властью поэт-изгнанник; в «Старике и море» у Хемингуэя – человек обречен на безысходное существование, он не только «жертва царящего вокруг него разобщения, но и носитель его в самом себе», то у Кулиева вопрос об эстетическом идеале ставился и разрешался по-другому. Некоторые большие художники и истинные гуманисты, как Хемингуэй, идеал человеческой жизни искали в единении с природой, человек свободен и прекрасен в той степени, в какой он един с миром природы (например, «Старик и море» Хемингуэя). Эта же мысль есть в стихотворении Эдуардаса Межелайтиса «Океан» – о взаимосвязи человека и природы:

О море с его берегами,
С его островами,
Я – с вами!
Ты – с нами! [16].

Кулиев по-своему подходил к этому вопросу, проявляя активность лирического переживания, трагическую причастность к миру и утверждал необходимость борьбы со злом, с социальной несправедливостью и ею определял ценность человеческой личности. Его лирический герой говорил, обращаясь к морю: «На земле людской так много горя, ну а ты невозмутимо, море, будто в мире вовсе горя нет». Образ равнодушного к страданию людей моря порожден гуманизмом поэта и временем, в котором он жил. Поэтому Кулиев утверждал художественным словом, что прогрессивное человечество и каждая личность ответственны за беды и несчастья сотен и тысяч людей,

испытывая на себе локальные войны, открытый террор, бедность, несвободу, в каком бы уголке планеты они не находились.

В цикле стихов «Море» Кулиев, выделяя основные черты общечеловеческого идеала, четко выразил социальную и личную ответственность за все, что происходит в обществе и жизни нации.

Проследим эту главную мысль, как она связана с лирической композицией и строем поэтической системы этого цикла стихов, адресованных М. Дахкильговой.

Главное в цикле стихов «Море» – не пейзажный фон, он в первой части цикла лишь окружает лирического героя. Психологически окрашенный, эмоциональный, он почти не принимает участия и не играет роли в размышлениях автора. Здесь солнце, голубое море, долговечные сосны и прочее – лишь экзотический интерьер, музыкальный лейтмотив, не более. Однако во 2-й и в 3-й частях море, морская стихия становились активным лицом, участвующим в раздумьях поэта, раскрывали его сложный духовный мир, некоторые эпизоды его личной жизни. Поэтическая семантика этих образов становится более глубокой, чем в 1-й части, менее условной.

Море для Кулиева, как и для многих поэтов-маринистов, – символ романтической, безграничной свободы. «Ты свободно, словно человек», – заявляет он, восхищаясь могущественной, никому не подвластной, вечной свободной стихией. Образ моря является в композиции связующим центром в такой же степени, как и сам лирический герой. Эта композиционная особенность повлекла за собой своеобразное развитие мысли поэта, тематику частей стихотворных циклов, кажущихся неорганично связанными между собой. Так, 1-я и 2-я части связаны между собой единой лирической связью – о себе и о своем отношении к морю говорил поэт:

Нам порой бывает суждено
Чувствовать себя его волнами:
Солнце в небе светит нам одно,
И одни дожди идут над нами.

Это не только о себе, но и о каждом человеке в отдельности. Стихия свободы и вечности – вот что особенно

дорого поэту, потому что, по мнению Кулиева (в этом он повторяет Пушкина), поэт – это сама свободная стихия.

У Кулиева к морю уважительное отношение, как к горам, о которых он сказал: «Выше вас только солнце и Бог». Горы и море не подвластны никому, все в них долговечно, прочно, постоянно. И это сознание вызывало в герое душевную гармонию, успокоенность, мудрость. «Вечны на земле добро и зло, люди смертные, мы тоже вечны», – итожил лирический герой, рисуя диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность процесса жизни.

В 3-й части – другой поворот мысли: желание подвести итог прошедшему, воспоминания о друзьях: «Здесь, у моря, я друзей своих, всех до одного, припомнить силюсь». Далее, в 4-й части, тема заключена в биографические рамки, но и здесь через личное выражалось душевное состояние автора: давно минувшее он вновь переживал, горько сожалел о несбывшихся мечтах, чувствовал боль утраты, тяжесть бед:

Вижу я тебя, легко и мне,
Будто бы мечты мои былые
Не терялись никогда на дне
Тех пучин, что глубже, чем морские.

В форме размышления взят какой-то значительный период жизни лирического героя, быть может, самого автора, история его поколения.

3-я и 4-я части объединены единой лирической темой и вполне могли бы составить законченное лирическое стихотворение. В 5-й части цикла стихов зазвучал новый мотив – об одинокой сосне, устоявшей в бурю как символе стойкости и непобедимости жизненного, доброго начала. Размышления о сосне закончены обобщением, исполненным веры в справедливость («добро порой сильнее зла»), в разумное начало. Здесь выявляется определенная духовно-нравственная концепция поэта.

Эмоциональное и смысловое напряжение несколько спадает в 6-й части, в которой налицо мотив прощания с заходящим солнцем («Почему-то мне особо мил час прощанья с солнцем заходящим»). Однако поэтическую мысль и здесь значительно усложняет и углубляет образ

женщины на фоне морского прибоя, задуманный, очевидно, в более широком плане, чем простое любование красивой молодой матерью. Об этом можно судить по последнему четверостишию:

Пламень солнца в волосах ее,
Рокот моря, берегов молчанье.
И ребенок на руках ее
Подтверждает вечность мирозданья.

Женщина с мирно спящим ребенком на руках – олицетворение человеческой молодости, непреоборимой силы развития жизни, мира и покоя на земле.

В композиционном плане 7-я часть несла развитие важной мысли в тематическом отношении – в ней дан эмоциональный и душевный образ родного края и раздумья о нем. Отчая земля для героя святая, с нее начинаются истинные истоки любви к Родине. Он любил эту землю и говорил о ней просто и проникновенно:

...где весной кизил цветет,
Где всегда хранят молчанье скалы,
Где у дома тесный огород
В дни былые мать моя копала.

Внезапно рожденная любовь к морю равносильна чувству привязанности к малой родине и выражалась она не в ярких, эффектных словах, а в сосредоточенном раздумье, в котором чувствовался некий укор самому себе:

Может быть, я тяжко согрешил
И виновен перед краем отчим
В том, что я и море полюбил,
Ширь его увидивши воочью.

Мотив малой родины большого гражданского накала углублял и расширял неисчерпаемую тему «Отчизна и малая родина».

Последняя, 8-я часть, возвращала читателя к 1-й части цикла стихов – обращению к морю, к беседе с ним. Рассказывая о себе, автор говорил морю:

Все я видел: счастье и невзгоды.
Жизнь моя седлала для меня,

Чередуя в прожитые годы,
Белого и черного коня.

В этой части послания Кулиев писал о том, что у него особенно наболело, и делился своими раздумьями с морем, как живым существом:

И теперь тебя прошу все чаще,
Руку поднося к своей груди:
Убеди меня и подтверди,
Что не все на свете преходяще.

Ты неуспокоенных людей
В час покоя озари покоем,
Море, награди добро людское
Широтой и вечностью своей.

Внешняя непоследовательность развития тем в стихотворном послании «Море» только кажущаяся. Каждая часть, состоящая из пяти четверостиший, — лирически завершенная мысль в развитии и подводит итоги жизнеутверждающей философии поэта, его личной судьбе, имевшей белые и черные полосы, и его эстетическим взглядам. В целом весь цикл стихов «Море» построен так, что темы каждой части, на первый взгляд, внешне не согласованы между собой, не переходят одна в другую. Они каждый раз меняются под влиянием новых размышлений лирического героя. Однако внешней несогласованности частей противопостояла внутренняя согласованность. Внутренняя композиция, взаимосвязь всех частей определена в первую очередь особенностями ритмики и всем строем поэтической системы.

В первую очередь хочется обратить внимание на особенность поэтической интонации цикла стихов, на их звуковую окраску и ритм (они усиливают поэтическую мысль и чувство), часто повторяющиеся «р» и «л» (звуковая доминанта строфы) придавали величавость звучанию, мерную, музыкальную ритмичность. Поэту, очевидно, нравились негромкие звуки, ласкавшие слух, создававшие ритмическую звукопись: «ложится на морскую гладь лунный свет», «облака плывут или века», «стонет море ласково и властно», «на заре уходит солнце спать» и т. д., а краски природы давались в чистых тонах: синее

море, морская гладь, красная дорожка, светлая луна, лунный свет. Здесь яркие и чистые цвета соответствовали гуманным помыслам и благородным устремлениям души лирического героя. Неспешный ритм передавал неторопливость внутреннего раздумья и, по-видимому, неожиданный порыв тоски по родному краю: цвет заходящего солнца на море напомнил поэту красноту кизила у родной реки Ак-Су:

Там, на море, солнце, заходя,
Красную дорожку прочертило,
Мне напомнив красноту кизила
У реки Ак-Су после дождя.

Торжество предвечерья, благодать, очарование минутами, когда приходили вечерние синие сумерки – и «ложится на морскую гладь лунный свет, как в первый день творенья» – переданы конкретными деталями, вызывавшими ассоциации, и они соответствовали лирической тональности всего цикла стихов. В эти часы в таинственной тишине у моря лирическому герою думалось о чем-то вечном, спокойном, прочном и, вслушившись в себя, он начинал понимать жизнь по-иному, а сердце его касалась какая-то щемящая сладкая печаль – ведь море всегда прекрасно своей первозданностью. Оно вызывало у поэта много воспоминаний:

Под сосной сажу я на песке,
Постигая благодать покоя,
И проходит тихо предо мною
И мелькает где-то вдалеке
Жизнь моя – все доброе и злое.

Цикл стихов «Море» позволял увидеть, что патриотическое чувство, которое ясно угадывалось в стихотворениях, написанных в это время, как «Благодарю тебя, земля моя родная», «Трава и снег», «Гор этих в мире роднее нет», здесь гораздо сложнее: истинно высокая любовь к Родине начинается с любви к отчему краю, и даже краткая разлука с ним вызывала у автора печаль, грусть по родным, привычным с детства картинам. Отсюда и неожиданные метафоры и уподобления – красная дорожка заходящего солнца сравнивалась с краснотою кизила, а

вечер – с буйволом серым. Образ старого буйвола давал возможность с помощью неожиданной метафоры создать красочный мир, к какому поэт привык у себя на родине. Эта метафора основана на визуальности, что не свойственно Кулиеву. Увиденное уподобляется тому, что знакомо и близко с детства.

Метафора всегда является «основным приемом романтического преобразования мира» [17]. Метафоричность мышления Кулиева не являлась отдельно взятой чертой его таланта: она определяла в известной мере его образно-поэтический взгляд на мир, обусловленный горским фольклором и, конечно, литературной традицией. «Метафоры Кулиева основаны не на зрительности, а на внутреннем ощущении, – писал Ст. Рассадин. – Это чрезвычайно характерно» [18]. Замечание верно, когда Кулиев пишет о горах, о родных, знакомых с детства местах. Тогда, по словам Рассадина, зрительные ассоциации для него вообще не играют большой роли: взгляд привык к горам, нет никакой внутренней потребности искать хотя бы невольно их похожести на что-то иное...

Другое дело – безбрежное пространство с его постоянно меняющейся картиной. У Кулиева море изображалось в движении, во время смены явлений, перехода одного состояния в другое. Важную художественную роль в этом отношении играют подвижное, динамичное построение стиха, предметно точные детали, слова со «звуковым» содержанием (голос, зов и др.), характер строфы и т. д. Поэт много раз видел море, но в тот раз, в 1973 г., когда у него окончательно созрел замысел, он «открыл» для себя море, увидел его в безмятежной обстановке, «постигая благодать покоя», и оно поразило его необычайностью, открывшейся острому взгляду художника. Реальные факты (темная волна, сверканье молний, ночная буря) и их романтическая интерпретация сказались прежде всего в очеловечении (метафоризации) увиденного мира. Отсюда разговор с морем, обращение к нему, просьба:

Ты неуспокоенных людей
В час покоя озари покоем,
Море, награди добро людское
Широтой и вечностью своей.

Ярко окрашенные романтические образы с помощью неожиданных метафор и сравнений помогали создать красочный неповторимый мир природы, тот мир, к которому поэт привык у себя на родине, – в ауле Верхний Чегем, на Безенгийском перевале, в Чегемском ущелье. Способ восприятия мира у Кулиева объяснялся не столько фольклорными традициями, сколько индивидуальным видением мира и близостью к поэтической традиции современной ему лирики. Как отмечалось в обобщающей статье о литературе 70-х гг. XX века, главное для поэзии не фольклорные, мифологические, а эстетические, ценностные знаки, смысл которых в актуальном для современного поэта в стремлении возвести сложное – к простому, преходящее – к постоянному, частное – к общему [19].

Таким образом, в стихотворном послании М. Дахкильговой «Море» два типа творчества литературного направления – это романтический и реалистический принцип изображения жизни. «Поэзия мысли и сердечного воображения», субъективно-романтическое начало в этом послании объяснялись духовными устремлениями Кулиева, особенностями его художественного творчества в 70-е гг. По меткому замечанию М. Горького, «в крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены» [20]. В послании «Море» отчетливо прозвучал пафос жизнеутверждения, мотив раздумья поэта о современнике: окажется ли он способным отстаивать нравственную чистоту и быть готовым на крутых поворотах истории на подвиг и борьбу за правду века – за торжество общечеловеческого идеала в общественной жизни и быту. Стремление к идеалу невозможно без романтической окрыленности и реалистического выражения эстетических потребностей людей, в общественных отношениях между ними. Личная судьба лирического героя, дополненная автобиографическими сведениями поэта, рассматривалась на фоне свободной стихии моря и родных мест Кабардино-Балкарии.

Здесь, у моря, я друзей своих
Всех до одного припомнить силюсь,
Всех сегодняшних и всех былых,
Где б сейчас они не находились.

В этом послании богатая внутренняя жизнь Кулиева нашла психологически верное выражение в зримом, ярком воспоминании о детстве. Так, в первом четверостишии в 7-й части Кулиев, обращаясь к морю, писал:

Море, ты прости меня сейчас,
Я перед тобой раскрою душу,
В том признаюсь, что люблю я сушу,
Где мальчишкой овец я пас.

Разговор с воображаемым собеседником содержал задушевные чувства и мысли автора о малой родине, которая вспоминалась, здесь, на янтарных берегах Балтики, о том, что ему особенно нравилось дома:

Я еще люблю огонь в печи,
Пред которою играют дети,
Дождь, стучащий по окну в ночи,
Петушиный окрик на рассвете.

Этими картинками Кулиев как бы погружал читателя (или воображаемого собеседника) в свой личный мир, мир отцовского очага и в тесный родной земли:

Я люблю поля среди камней
И готов признаться, что, быть может,
Теснота родной земли моей
Мне любой бескрайности дороже.

Картину этноприроды, быта и жизни своих односельчан Кулиев создавал силой своей поэтической фантазии и той реальности, которую он знал с детства («поля среди камней», «у дома тесный огород», «где всегда хранят молчанье скалы» и т. д.).

Послание «Море» – произведение сложное и по композиции и глубокое по мысли. Усиление личностного начала, национально-патриотический и гуманистический пафос, философские мотивы, лиризм, языковое богатство – все это приближало цикл стихов к небольшой лирической поэме.

Лирический образ природы и нравственного мира человека выступал в единстве в этом стихотворном по-

слании, обращенном к жене Маке Дахкильговой. Переадресовывая человеку высокие нравственные потенции природы, в частности, моря, Кулиев видел в нем своеобразную школу человечности. Вот о чем просил лирический герой Кулиева волну: «...оставь себе свое бессмертье, но дай свое волнение мне в пример», «...оставь себе свое всеисилье, позволь твое упорство перенять», «оставь себе свою беспечность, но научи терпению своему». Повседневность человеческого существоваания, непреходящие заботы и интересы людей, благородные помыслы и низменные поступки, вопросы быстротекущей жизни и смерти, любви к малой родине и иным краям и многое другое – все запечатлел в художественном слове Кулиев в восьми частях стихотворного лирического жанра, именуемого посланием. В нем найденный им поэтический взгляд на мир и человека XX века явился, по нашему мнению, одним из художественных открытий балкарской литературы.

Еще в большей степени нравственно-философские мотивы поэзии Кулиева отразились в цикле стихов «Мой поздний свет» в одном из разделов книги «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985). Это первое посмертное издание поэта. Стихи этого цикла об извечной и о неугасающей теме любви. Они адресованы Элизат Эльбаевне Кульбаевой, жене, с которой он прожил последние три года перед своей кончиной. Балкарка по национальности, талантливая актриса драматического национального театра, разведенная после неудачного брака, она вышла замуж за Кайсына Кулиева, имея на руках двоих сыновей; одного из них Кулиев усыновил и дал ему свою фамилию. Это Ахмат Кулиев, четвертый сын поэта. О нем Кулиев писал в своем духовном завещании 18 января 1985 г.: «...3. Родственников и общественность особенно прошу позаботиться, проявить внимание к моим младшим сыновьям Азамату и Ахмату, помочь им учиться...». Воля поэта была священной: сыновья овладели мастерством любимой профессии и достойно стали в ряды творческой интеллигенции балкарского народа.

«Мой поздний свет» – лирическое послание. Кажется, что оно написано на одном дыхании. Но эти стихи создавались поэтом долго, тщательно вынашивались и проверялись. Сначала появился цикл стихов под названием «Поздно

появившаяся звезда», датированный 1979 г. и опубликованный в республиканской газете «Кабардино-Балкарская правда» на русском языке в переводе М. Синельникова. Впоследствии название было изменено на «Мой поздний свет»; очевидно, это наиболее точно отражало суть: поэту был необходим образ гармонической красоты любимой женщины как символ света последних дней его жизни.

Элизат Кулиева была утешением и отрадой в самые горькие месяцы его неизлечимой болезни. Первая часть этого цикла стихов начиналась с конкретного обращения к Элизат:

Ты дала мне силу нелукаво
Рассказать, чем жизнь моя жива,
Ты пришла и даровала право
На простые, верные слова.

Повтор указательного местоимения «Ты дала мне силу...», «Ты пришла и даровала право...» создавал повышенное эмоциональное и логическое ударение и давал возможность перейти к следующей важной для поэта мысли: «...небеса ты прояснила эти, озарила на закате дня!» И тут же снова добавлял и объяснял значимость этой женщины в его судьбе:

Даришь мне любви бесценной благо,
Не страшась препятствий и препон...

Многоточие, обрыв – это недосказанные поэтом мысли о трудностях, которые им пришлось пережить, о препятствиях, стоявших на пути Элизат, решившейся пренебречь, возможно, какими-то условностями, мнением окружающих и другими причинами, о которых умолчал поэт в состоянии глубокого внутреннего потрясения, удивления, восхищения. Поэтому следующие строфы это объясняют четко: «О, прекрасной женщины отвага! Жертвенностью женской я сражен».

Вольной волей все узлы распутав,
Побеждая силой красоты,
Ты не испугалась пересудов, –
От меня не отказалась ты.

В эти короткие годы их совместной жизни Элизат была для поэта преданной женой и любимой, верным товарищем в творческой работе, понимавшей Кулиева с полуслова, редактором его рукописей, составителем его последних поэтических книг «Говорю людям» (М., 1985), «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985), «Жить!» (М., 1986). Осознавая это, поэт писал:

Не твоя ли радостная сила
Эту зиму сделала весной,
Теплотою сердца растопила
Льды сомненья, словно жгучий зной!

Сравнения и метафоризация в первой части цикла стихов несли эмоционально-выразительные функции («Теплотою сердца растопила льды сомненья, словно жгучий зной» или ее «радостная сила зиму сделала весной» и др.). Эти средства образной выразительности языка были важны для раскрытия положительных черт характера Элизат, для большей отчетливости и выразительности своего сложного психологического состояния.

В цикле стихов «Мой поздний свет» символические строки о всепобеждающей любви, вселяющей веру и надежду на выздоровление, — не просто дань сюжетной линии, которая связывала все шестнадцать частей. Здесь каждая строка имела реальную основу подлинных чувств, выстраданных на больничных койках в Кунцево и на Мичуринском проспекте, в спецбольнице Москвы.

Читая стихи «Мой поздний свет», живо ощущаешь всю горечь короткого счастья поэта с той, которая озарила его поздний вечер, неблагоприятно сложившиеся последние годы. «Я назвал твое имя — лицо мое вдруг озарило сияние дня. Голос твой и походка, касание рук — все награда сейчас для меня», — писал Кулиев в 4-й части цикла стихов, умоляя судьбу задержать для него, больного и уже беспомощного «запоздалый свет сквозь мглу метели...»

Стала ты моей верой, ты — светоч в метель
И — тенистое дерево в зной!
«Вышшим даром» любовь звал мудрец, и досель
Большей мудрости нет под луной.

Знаю, жизнь коротка. Как ее ни тяни,
Не удержишь ни лет, ни минут,
Но теперь для меня даже зимние дни
На весенней свирели поют.

На первый взгляд глубокая печаль пронизывает стихотворное послание «Мой поздний свет», но драматический аспект в них почти не ощутим. Дело в том, что это тоска светлая, и мечты о земной чистой любви связывали воедино все шестнадцать частей цикла стихов, оригинальных и разных по стилю. В них дан идеальный мир поэтической гармонии между больным поэтом и его последней женой, но мир несколько условный. Условный потому, что его романтические представления о любви и взаимоотношениях возлюбленных основаны только на его личностных ощущениях, иллюзиях и былой вере:

Бел мой садик сегодня, пороша чиста,
Как надежд молодых облака.
Верю я, что любим, и моя высота,
Как бывало, бела, высока...

Кулиев, нам кажется, вообразил, что его мечты о большой любви как бы сбылись, свершились, поэтому он так искренне писал об этой женщине, которая была теперь с ним постоянно:

Так я радуюсь пылко лицу твоему,
Так рукам твоим рад и глазам,
Погляжу – как бесценный подарок приму,
Возвращающий юность бальзам.

.....

Годы гнут, но так много ты даришь мне сил,
Поддержав на дороге крутой!
Мой темнеющий вечер, что стужей страшил,
Ты согрела своей теплотой.

В целом же строки стихов «Мой поздний свет» глубоко содержательны. Они объединены единым идейно-нравственным замыслом. В каждой части цикла стихов четко выражалась авторская позиция, его мысли и чувства, «раздумья долгих дум», сокровенные желания об идеальном и несбыточном. Одно из них – пожелание

любимой оставаться как можно дольше молодой и красивой:

Пусть за эту милость, боль и беды
Милой не коснутся невзначай,
Горя и печали ты не ведай,
Горный мой цветок, не отцветай! [21].

Пер. М. Синельников

Душевные пожелания поэта сбылись: Элизат и в старости была красивой, ее радовали сыновья и внуки, особенно она гордилась сыном – Ахматом Кулиевым – и его наследником, своим внуком Даниялом. Жила на проспекте имени Кайсына Кулиева и работала в Национальном драматическом театре его имени. Она была моложе Кулиева на 23 года. Элизат Кулиева написала и издала книгу «Мой гений, мой ангел, мой друг»: Воспоминания. Письма. Дневники (Нальчик: Эльбрус, 2002. – 354 с.). Все о них двоих.

Искренние и трогательные строки стихотворного послания «Мой поздний свет» являлись выражением последней воли Кулиева. Обращаясь к ней, он сказал о том, что неведомо живым:

Мне с немислимой вершины жизнь по-новому видна,
Глубина людского счастья и печали глубина.

В полной мере эти продуманные и полные глубокого смысла слова Кулиева относятся к тем, кому суждено еще долго жить и радоваться рассветам, каждый год – приходящей весне, белизне снега на вершинах гор, не раз воспетых поэтом, смеху и улыбке ребенка, успехам сыновей и дочерей, творческому труду и многим другим событиям жизни, которую мы так мало ценим, пока молоды и здоровы.

Но главное в стихах «Мой поздний свет», адресованных Элизат Кулиевой, – это Она, ее имя, свет ее лица, милых рук, доброта ее сердца:

Льется свет, и все мне стало внове,
Чем воздам за это волшебство?
Вот – стихи, и дышит в каждом слове
Свет лица и сердца твоего.

Весь цикл стихов, посвященных Элизат, воспринимается как Гимн Женщине, самоотверженной и верной любви.

Балкарец Салих Аттоев, родом из Безенги, не был родственником Кайсына Кулиева. Но и его воспел поэт и оставил навечно его имя в своем поэтическом творчестве. В первом томе собрания сочинений в трех томах, изданном в Москве в издательстве «Художественная литература» (1987), в последнем разделе есть поэмы. «Безенги» Кулиев относил к этому жанру. Впервые она была опубликована в книге лирики «Говорю людям» (М., 1985). Это был цикл стихов, состоявший из девяти частей. Однако, составляя первый том трехтомника, поэт решил отнести это произведение к поэмам. На то была воля автора, и мы не касаемся в целом этой поэмы, а возьмем лишь ту ее часть, состоящая из двадцати четверостиший, которая непосредственно была озаглавлена «Овцеводу Салиху Аттоеву» (1972).

Об этом известном человеке в КБР кинорежиссером Владимиром Вороковым был снят документальный фильм «Чабанский хлеб». Лирическое послание известному в республике чабану, Герою Социалистического Труда Салиху Аттоеву было написано в знак глубокого уважения к этому труженику. Оно было создано «по велению души», о чем сказано непосредственно и просто в одном из четверостиший послания:

Кайсыну из Чегема, сладко мне
Венчать хвалой твое простое имя.
Здесь, в Безенги, где долгие года
Ты славен с безенгийцами другими [22].

А юношеская память подсказывала поэту из Чегема воспоминания, которые были связаны с их биографией:

Произношу «Салих», и, озорной,
Вихрастый, ты идешь из давней были,
Встаешь передо мной, как в давней год,
Когда с тобою молоды мы были.

Пер. Д. Долинский

Светлые строки воспоминаний касались и их сверстников, которые не знали еще горя и страданий, связанных с Великой Отечественной войной, поэтому «радость бытия» переполняла их сердца и национальное самосознание не было отягощено заботами и тревогами:

Рассветы были наши, вечера,
До поздней ночи, тоже были наши,
Когда, казалось, радость бытия
Мы пили из высокой звездной чаши.

Тон дружеской беседы, который свойственен жанру посланий, на протяжении всех четверостиший не исчезал. «Лавина страшной войны» только упоминалась:

Но и лавину страшную войны,
Салих, мы стойко встретили с тобою,
Во имя счастья наших милых гор
Трудясь, как было велено судьбою.
Я это говорю тебе сейчас,
Тебя, Салих, и труд твой почитаю,
Прекрасно зная, как тебе она
Безмерно дорога, земля родная.

Главное во всех двадцати четверостишиях – это тема труда и мотивы любви к родному краю, где выросли друзья и где нашли свое призвание. Труд, по мнению поэта, – это основа материальных и нравственных богатств, синоним человеческого достоинства и его сущности. Любовь и уважение к трудовому человеку возникли у Кулиева рано и питались, прежде всего, личным жизненным опытом и впечатлениями. «Работать приходилось много, – вспоминал Кулиев. – Трудное начало – не брезговать и не бояться никакой работы – слило меня с простыми людьми, привило настоящее уважение к ним» (*Кулиев К. Я пришел с гор. М., 1959. С. 8*). Поэтому Кулиев писал в этом послании: «Всегда мне брат, кто землю пашет, кто пасет стада. Вовек неизгладимы в душе моей такие на земле, как ты, что и самой землей любимы».

Юрий Николаев метко сказал о главном в творчестве Кулиева, что в нем идет задушевный мужской разговор о людях, достойных величия гор. Таким достойным человеком и был Салих Аттоев, который пас отары высоко в

горах, встречал рассветы и темные ночи, испытал и зной, и холод. Тяжелый труд чабанов Кулиев знал не понаслышке: он сам с малых лет пас отары в горах. Вспоминая об этом времени, он писал: «Моя старенькая мать считает, что я с детства чрезмерно много трудился, испытал слишком много тяжелого...» (Там же). Естественно, в послании Салиху Аттоеву он писал:

Высокий труд в горах – с горой сравним
Под синевой, не знающей пределов,
Где чистая, как Белая скала,
Твоя душа вершит большое дело.

Свое представление о национальном характере Кулиев художественно воплотил в образе Салиха Аттоева. «Кулиев утверждает уважение к простым и скромным труженикам земли, – верно писал народный поэт Белорусии Аркадий Кулешов. – И я не оговорился, назвав их героями лирики Кулиева. Они с детских лет стали частью его сердца, его бесценным достоянием. Он изъясняется их языком, мыслит их образами. У поэта с ними все общее – и плуг, и хлеб, и радость, и горе» (Кулешов А. Крылатое слово поэта // Правда. 1971. 3 мая).

Салих Аттоев для Кулиева был настоящим героем труда, сильным и мужественным человеком, честным и искренним, не пользовался своим положением и не требовал никогда к себе особого внимания. Поэтому Кулиев писал о нем, обращаясь к нему как самому скромному человеку:

Хочу и я воздать тебе, Салих,
Хвалу за то, что ты земле угоден,
Поскольку любит только тех она,
Кто на веку в работники ей годен.

Для поэта Салих был мастером своего дела. Понятие эстетики труда всегда связывалось у народа с понятием мастерства. Работник – это мастер. Мастерство – одна из черт национального характера, естественно необходимое, главное свойство трудящегося человека. Утверждая мысль о мастерстве и творчестве, их единстве, Кулиев писал в этом послании Аттоеву: «Нет истинной работы без души. Нет истинной заботы – без души. Коль мастер –

значит, трудишься с душой, с такой душой, как у тебя, большой». Своеобразна и пейзажная живопись в этом послании. Зарисовки кавказской природы лаконичны и занимали одну-две строфы. Так, говоря о большой и чистой душе чабана, поэт прибегал к приему метафоризации, используя картины природы: «Знать мне это отрадно. И сказать тебе об этом мне отрадно тоже, увидя, как с высот ручьи отар текут в межгорья каменное ложе, клубясь, как облака или туман, и это – точно, хоть сравненья стары... дел овцеводам хватит на земле, пока клубятся на земле отары!».

Изобразительные средства языка послания «Овцеводу Салиху Аттоеву» отличаются живописной конкретностью, чтобы лучше показать национальный характер горца Кавказа, поэтому предметы для поэтических сравнений Кулиев привлекал из окружающего чабана этномира, и он видел каждодневно его перед собой. Это прежде всего – в лунном свете Белая скала – Дыхтау, которая раньше всех светила ему «при солнечном восходе... И на рассвете – Белая скала, под снегопадом – Белая скала, дождем и градом – Белая скала, –

Она всегда стоит перед тобой,
Сияньем белым озарив округу,
И ей твоя работа по душе:
Вы с Белою скалой – равны друг другу.

Пер. Е. Елисеев

Эта поэтическая оценка морального облика и труда овцевода Салиха Аттоева очень высокая и искренняя. Конкретность идейного замысла послания и совершенство его художественного воплощения – эти две особенности характеризуют лирическое произведение и одновременно делают его более запоминающимся из всех частей поэмы «Безенги». Художественным приемом, часто используемым в посланиях, – приемом обращения, – Кулиев закончил свое душевное слово о друге:

В знак восхищенья мастерством твоим,
Тебя, чья жизнь – великая поэма,
Прошу, прими, Салих из Безенги,
Сей скромный стих Кайсына из Чегема.

Пер. Д. Долинский

Своему родному отцу Кулиев не посвятил ни одного отдельного стихотворения. Он его никогда не видел даже на фотографии. «Мой отец, Шува, как и дед Хаджиби, был скотоводом и охотником», – писал Кулиев в очерке «Страницы автобиографии» в 1971 г.; этот очерк входит в книгу «Так растет и дерево» (М., 1975). Кайсыну Кулиеву было два года, когда его отец заболел тифом и умер. «Отца своего, конечно, не помню. Я никогда не видел его даже на фотографиях. Их у него не было. Я сам знал его только по рассказам матери и близких...», – вспоминал поэт. В произведении «Стихи, сказанные зимним вечером» (1962) Кулиев посвятил отцу четыре четверостишия. В 5-й части он писал, представляя отца в праздничном наряде:

Портрет отца в черкеске белой на стене,
Он строен и высок, при нем кинжал старинный.
Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говорит: «Кулиев, будь мужчиной!»

Поэт верил, что его отец был смелым и мужественным горцем, никакие трудности не пугали его, когда он боролся за интересы людей:

Я верю: брал легко он трудный перевал
Бросался он в огонь, в бушующую воду.
Я верю: он с врагом как нужно воевал
За правду, за людей, за честную свободу [2].

Пер. С. Липкин

**Мы делили с русским народом
горький хлеб дней испытаний
и радость праздников**

В эпистолярном жанре Кулиев плодотворно работал на протяжении всей своей жизни. Он творчески наследовал романтические и реалистические традиции в стихотворных посланиях и лирических письмах. Поэт сумел передать в них чувства, настроения, переживания, описывая природу, смену времен года — зиму, весну, лето, осень, — начало дня, ранний рассвет, полдень, наступающий сумрак ночи (в горах, в ущелье, на равнине, на море и т. д.). Но в этом жанре Кулиева больше интересовала «природа души», «пейзаж чувств», поэтому он выискивал в слове эмоциональные, вторичные значения и признаки. В жанре посланий и посвящений Кулиев необычайно расширил возможности поэтического языка при передаче психологического состояния, душевного настроения и внутреннего мира друзей, их и собственных чувств.

Русская тема в творчестве Кулиева огромна и многоаспектна. Тематика «русских» стихотворений балкарского поэта носит автобиографический характер. К этой тематике обычно относят стихи Кулиева военной поры, такие, как «Из тетради «В старой Руссе» (1941), «Сосны России шумят» (1941), «Девушке с севера» (1942), «Лампочка из гильзы от снаряда...» (1943), посвященной Вере Сидоровой и др. Конечно же истоки русской темы в творчестве Кулиева — в его непосредственном участии в Великой Отечественной войне, когда он сражался с оружием в руках на бескрайних полях России за честь и свободу Отчизны вместе с русским народом и видел своими глазами героическую оборону Сталинграда, разгром немецко-фашистских войск на Волге. Общеизвестно, что намного раньше вышеперечисленных произведений в цикле стихов «Мои соседи» (1939–1945) Кулиев обратился к этой теме, художественно осмыслил, выбрал из происходящих процессов те наглядные и неоспоримые явления, которые происходили в жизни отдаленного горного села:

Он шел с вдохновенным упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.

Пер. Е. Елисеев

Это о первом русском учителе («Учитель Борис Игнатъевич». 1939–1940), прекрасно воспетом горским поэтом, создавшим памятник бескорыстному труду и благородству, многим тысячам других русских учителей, которые по аулам и кишлакам, аулам и селам несли свет знания и доброты. Никто – ни до Кулиева, ни после него в балкарской поэзии – не смог так душевно-поэтически поблагодарить этих честно служивших своему отечеству верных сынов и дочерей. Социальная память в структуре творческого сознания напоминает нам о том, что значили первые русские учителя в жизни аульчан и какова их роль в развитии этнокультуры народа и в судьбе каждой личности:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез, –
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез [1].

Переводчик Е. Елисеев удивительно точно сумел передать эмоциональное состояние поэта. Обратимся к оригиналу:

Орусну поэтлерини
Назмуралды, Россейде
Къайын агъашча, шууулдаб
Турлукъларыны жюрегимде [2].

Стихотворение «Учитель Борис Игнатъевич» датируется 1939–1940 гг. и входит в ранний цикл стихов «Мои соседи», жанровая форма которых нуждается в уточнении. Это стихотворение Кулиева не относится к эпистолярному жанру и как стихотворное послание и лирическое письмо его можно принять тоже с большой оговоркой. И все-таки оно обращено, если и не к конкретному лицу, то к тем учителям, которые несли добрые всходы в души многих. Автобиографическая память Кулиева вызвала эти строки

благодарности первому русскому учителю Борису Игнатьевичу:

Сквозь годы, лишения, старость
Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный «Парус»,
Летящий в бескрайний простор...

Учитель мой! Добрый и милый!
Прости мне бывшие грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

Концовка оригинала почти дословно совпадает с содержанием перевода:

Сыйлы болугъун билмейин,
Эштген эдим ол атны мен.
Сен, Лермонтовча, багъалы
Болгъанса сау емюрюмде,

Борис Игнатич, устазым!
Халатларыма кеч манга.
Хансла орунуна назмумму
Алыб келдим къабырынга,

У Кулиева много стихотворных посланий и посвящений русским друзьям, таким, как поэту Александру Твардовскому («Памяти А. Т. Твардовского»), ленинградскому ученому «Владимиру Николаевичу Орлову», поэту Якову Смоленскому («Дом моего друга»), талантливому певцу – «Памяти Марка Бернеса», литературоведу и критику Ираклию Андроникову («Я вспоминал друга в горах»), лечащему врачу Н. А. Лопаткину («Стихи, написанные в больнице»), известному композитору Георгию Свиридову («Мы слушали музыку»), художнику – «Памяти М. М. Герасимова», переводчику стихов и поэту Я. Козловскому («Ты помнишь лето?..»), поэту Константину Ваншенкину («Птица летит к гнездовью»), московскому литератору Ю. Воронову («Чужого горя для поэта нет»).

Глубокой силой чувств проникнуто маленькое посвящение «Памяти А. Т. Твардовского» (1973), с которым Кулиев простился навсегда 21 декабря 1971 г. в Москве, в

Центральном Доме литераторов, где состоялся траурный митинг. Александр Твардовский был для Кулиева не просто великим поэтом, а самым близким человеком, с которым были связаны многие годы совместной творческой работы. Вот слова Кулиева из его книги «Так растет и дерево» (М., 1975): «Эти заметки – мое прощание с Александром Твардовским, мой горький реквием ему, мое слово в честь и во славу великого поэта великой России...» Поэтическое обращение Кулиева к светлой памяти своего учителя и друга вызвано болью, горечью утраты, эти чувства с годами не проходили. Кулиев не мог примириться с мыслью о том, что А. Т. Твардовского нет в живых. Значение посвящения даже не в том, что по первому четверостишию можно судить о характере личных переживаний Кулиева, а в том особом смысле, которым наполнены последующие строфы посвящения, они равны признанию:

Даже по телефону
Теперь не смогу я ему позвонить.
Больше нет у него телефона
И адреса нет.

И голос его никогда не услышу:
Ни слова, ни голоса нет у него.
А я на рассвете и в сумерках вижу еще
Белые горы... [3].

Пер. Я. Аким

Через два года после смерти А. Т. Твардовского Кулиев написал стихотворение «Гора» (1973). Оно тоже посвящено памяти друга. В нем с высоким эмоциональным подъемом Кулиев рассказал о том, какое нравственное влияние оказал А. Т. Твардовский на поэтов младшего поколения, каким прекрасным примером он служил для них. От лица лирического «Я» говорил Кулиев о горе, небывалой по красоте. Понятно, что свойства и признаки неодушевленного предмета переносились на человека, каким в данном случае представлялся Твардовский.

Ей равных не было по красоте,
Чтоб к ней взлететь, нужны нам были крылья.

Мы все ее дивились высоте,
За чистоту ее благодарили.

Вблизи горы я грелся у огня,
И, озаренный снежной белизною,
В тени ее спасался я от зноя,
И это было счастьем для меня [4].

Пер. Н. Гребнев

От лица своих сверстников Кулиев заявил, что Твардовский своей удивительной личностью влиял на их нравственную и идейную зрелость, духовное становление и поэтическую судьбу.

И потому себя мы судим строго,
Что та гора стояла много дней,
Что набирались силы рядом с ней,
Что становились выше мы немного.

Была гора, и нет горы,
Она
Исчезла, но с долиной не сравнялась.
И потому бывшая белизна
Для нас примером навсегда осталась.

Широта творческого диапазона Александра Твардовского, его многогранная деятельность по укреплению дружбы и сотрудничества представителей многонациональной культуры, его содействие делу взаимодействия национальных литератур заслужили глубокое признание и благодарную память всех писателей Российской Федерации. Об этом свидетельствует сборник «Воспоминания об А. Т. Твардовском» (М., 1978. — 487 с.), в котором его друзья и товарищи по годам учебы, военной поры, работы в советской литературе сказали свое слово о выдающемся советском поэте, любимом миллионами читателей Советского Союза и широко известном за рубежами России в переводах. Среди авторов воспоминаний были писатели П. Бровка, К. Ваншенкин, Е. Долматовский, Б. Полевой, К. Симонов, И. Соколов-Микитов, К. Кулиев и многие другие современники поэта.

Стихотворное послание «Мы слушали музыку» (1970) Кулиев адресовал прославленному русскому компози-

тору Г. В. Свиридову (1915–1997). Они хорошо знали друг друга, встречались в Москве на различных юбилейных торжествах, совещаниях, во время встреч и проводов зарубежных делегаций в СССР. Не раз бывал Кулиев в доме Свиридова гостем. Они были друзьями и почти ровесниками. Композитор был только на два года старше Кулиева. Однако их судьбы были совершенно различны, да и жизненный путь Кулиева длился 68 лет, а Свиридов прожил на 12 лет дольше.

Композитор и поэт познакомились в 70-е гг., когда Кулиев был уже в зените славы, признан во всем Советском Союзе. Представил их друг другу известный композитор, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат государственной премии Российской Федерации Аслан Дауров (1942–1999). Он считал Георгия Васильевича Свиридова своим учителем и наставником, восторгался его музыкой, как и стихами своего прославленного земляка, поэтому хотел, чтобы две эти одаренные личности встретились и подружились. Так оно и вышло. Музыка и поэзия во все времена шли вместе, и песни на полюбившиеся стихи народ распевал как в счастливые, так и горестные дни.

Аслан Алиевич Дауров в своих воспоминаниях «Великий друг» о Кулиеве писал: «...об отношениях Свиридова и К. Кулиева можно написать много. Главное то, что великий композитор нашей современности считал Кулиева великим поэтом, знал прекрасно его стихи и любил его как человека». Композитор находил в стихах горского поэта естественную музыку чувств, возможно, поэтому летними вечерами на своей даче под Москвой в присутствии Кулиева и приглашенных гостей Георгий Васильевич пел и играл на рояле новые романсы на стихи Кулиева. «Я был в восторге, потому что это была гениальная музыка, – вспоминал Аслан Дауров. – Когда я предложил Свиридову немедленно сделать запись этих романсов, то великий композитор похлопал меня по плечу и сказал: «Нет. Романсы должны отлежаться»... Буду искать в архиве композитора». Все эти моменты биографии Кулиева и впечатления от того вечера в доме композитора нашли художественное отражение в послании Г. Свиридову «Мы слушали музыку» (1970). В этом дружеском послании поэт хотел передать многое: и то, что они уже немолодые (им обоим перевалило за пятьдесят), люди пережившие

трудности, и стремительное время, неумолимо уходившее в историю. Но главное, Кулиев хотел сказать о том, что в мире ничего не было и нет, кроме этой, неповторимо прекрасной музыки, которая волнует сердца и тревожит ум:

Мы слушали музыку. Вечер и сад.
Так верили ей, и так мысли парили,
Как будто и музыка, и снегопад,
И все это с нами случилось впервые [5].

Пер. Б. Ахмадулина

Так начиналось это послание к Свиридову. В следующих четверостишиях внутреннее состояние автора передано наращениями, повторами слов или целых выражений в порядке их все большего усиления:

Впервые, давно, до всего, до судьбы,
До участи хлеба, постигшей колосья,
До тяжести, обременившей сады,
До встречи кувшина с водою колодца.

В этом четверостишии чувство нарастания череды явлений создавалось путем сочетания усиливающих синонимических слов и выражений, как и в следующем четверостишии:

Казалось, что пуля не знает ствола,
Петух не приходит заре на подмогу,
Рука человека огня не зажгла,
И жернов еще не учился помолу.

Как видно, оно создавалось путем описательной передачи усиления определенных признаков действия: пуля еще не знала ствола, не было огня, и рука человека его не зажигала, и «жернов еще не учился помолу» и т. д. Ничего не было в мире, и только звучала первозданная музыка. Именно об этом хотел сказать поэт и передать свое восхищение той музыкой, что слушал тем вечером у Свиридова.

Поэтическое вдохновение и романтический настрой автора передались и переводчику, поэтессе Бэлле Ахмадулиной, которая и романтическое освещение, и музы-

кальность стиха выразила как чудесный порыв чувств. Он возник произвольно над всем земным и обыденным. Как талантливый художник слова поднимается над временем и пространством, так и гениальная музыка может всегда волновать людей и вызывать такие поэтически-неповторимые строки:

Нет времени позже, чем ранняя рань,
Нет опыта утра у мглы предрассветной,
Не ведает тело премудрости ран,
И нет ничего, кроме музыки этой.

И в этом четверостишии образная выразительность языка, его точность, а также эмоциональная яркость создавались при помощи слова «нет» и с ним сочетающихся выражений: нет времени, нет опыта... Повтор создавал повышенное эмоциональное ударение и вводил в содержание следующего, финального четверостишия, определенную тональность.

Мы слушали музыку в мире пустом,
Уже существуя, еще не печалась:
Страдания – потом и несчастья – потом,
Пока – только музыки первоначальность!

Так передал свое отношение к музыке Свиридова и свои переживания, вызванные любовью к нему, Кайсын Кулиев, собственные философские раздумья которого связаны с далеким прошлым, не имевшим, казалось бы, ничего общего с настоящим, когда «...звучит музыка. Вечер и сад...». Поэтическая игра воображения того времени, когда пуля еще не знала ствола, и «рука человека огня не зажгла, и жернов еще не учился помолу», подчинена одному: показать только силу музыки и ее влияние на души людей – она может пробуждать пылкие чувства и душевные порывы. Продуманная, кажущаяся бессознательной череда воспоминаний и неоднократный повтор слова «до»: «...давно, до всего, до судьбы, до участи хлеба, постигшей колосья, до тяжести, обременившей сады, до встречи кувшина с водой колодца» – все подчинено выражению глубоких сердечных чувств поэта, вызванных музыкой Г. В. Свиридова.

Это лирическое послание было навеяно воспоминаниями Кулиева об одном вечере, проведенном в доме композитора, куда были приглашены сразу после заседания члены Союза композиторов России: грузинский композитор О. В. Тактакишвили, кабардинский музыковед Хажбекир Хавпачев и черкесский композитор Аслан Дауров. Кулиев пришел на вечер со своим сыном Эльдаром. Всех их встречала приветливая хозяйка дома, жена Свиридова – Эльза Густавовна. Впоследствии, вспоминая об этом вечере, А. Дауров писал: «Боже мой, что это был за вечер! Г. Свиридов играл свою гениальную музыку на рояле, Кайсын читал стихи, а О. Тактакишвили рассказывал о своей поездке в Японию. Нам всем настолько было хорошо, что долго не хотели расходиться... Кайсын все восхищался: «Какие люди, какие люди!» Эти воспоминания Кулиева и легли в основу стихотворного послания Г. Свиридову «Мы слушали музыку...»

Стихотворное посвящение известному художнику М. М. Герасимову «Откуда все мой друг узнал – бог весть...» (1971) по стилю и тону другое. Оно не похоже на тон послания «Мы слушали музыку...»; в нем нет восторга и эмоций, некой приподнятости, а есть обращенное раздумье к себе в форме вопросительной интонации, типа: «Кто я такой? Лишь автор слов и фраз...». В этом посвящении речь спокойная, приглушенная, ритм плавный. Внутренняя сосредоточенность Кулиева на размышлении о том, что перед смертью Герасимов, якобы, просил прочитать кулиевские стихи, требовала напряженного внимания к каждому поэтическому выражению, употребленному слову и его смысловым оттенкам. Отсюда принижение своих поэтических достоинств – прием самоуничтожения, поскольку Кулиев вел речь о последних минутах жизни своего друга:

Хвала не моему стихотворенью,
Я кланяюсь тому, кто в смертный час
Чужому слову внял, как утешенью [6].

Пер. Н. Гребнев

В посвящении «Откуда все мой друг узнал – бог весть...» Кулиевым соблюдены все свойства этого жанра

в полной мере. В первом четверостишии, которое определяет тональность этого произведения, в традиционной форме, без особых биографических подробностей, поэт рассуждал о поразившей его вести, которую сообщил ему друг:

Откуда все мой друг узнал – бог весть.
А я узнал, случайно встретясь с другом,
О том, какая выпала мне честь
Не по талантам и не по заслугам.

Второе четверостишие о смерти художника и о его предсмертном желании:

Земное завершая бытие,
Известный человек в своем народе
В свой смертный час просил читать мое
Стихотворенье в русском переводе.

Поэт, охваченный грустным чувством и раздумьем, почему именно его стихи умирающий хотел услышать, не мог и предположить, что его поэтическое слово может хоть на миг утешить человека, который расстается со своими близкими навек:

Возможно, под рукой у них иной
Не оказалось книги в ту минуту.
Но все ж случилось: сказанное мной
Смогло страданье облегчить кому-то.

И далее шли строфы: «Кто я такой?...» По своей скромности Кулиев пытался отрицать эстетическую значимость своего слова («Возможно, под рукой у них иной не оказалось книги в ту минуту...»), но этот факт действительно был: М. М. Герасимов любил мужественную поэзию Кулиева, его убедительную мысль и глубокое знание человеческой души. Томик стихов Кулиева лежал на столе перед больным художником, и он время от времени листал его и читал понравившиеся стихи. Силой фантазии Кулиев создавал поэтические картины последних минут жизни художника:

Горжусь я силой нашей доброты,
А вовсе не своей заслугой малой,
Я славлю руки женщины усталой,
Искавшей, плача, нужные листы.

В посвящении Кулиев стремился передать не столько свои чувства, которые испытал он при известии, как слово его отозвалось в умах читателей и почитателей его поэзии, сколько мысль, что поэт – это носитель Божественного дара, и он духовно соединяет людей в горести и печали:

Пусть это случай, что в последний час
Мое кому-то послужило слово,
Но мир прекрасен, где один из нас
Хоть иногда – опора для другого.

Уверенный в поэтическом бессмертии, Кулиев не сомневался в этом, хотя в финале посвящения М. М. Герасимову и поставил вопрос:

И, сознавая то, чем ты была,
Моя строка, чего нам ждать – не знаю,
Что похвала тебе и что хула,
Что о бессмертии мечта пустая?

На этой вопросительной интонации, сомнения о значении поэзии и бессмертии художника в обществе Кулиев закончил посвящение М. М. Герасимову «Откуда все мой друг узнал – бог весть».

Таким образом, внося в стихотворные послания и посвящения личное, биографическое начало, выделив в человеческой жизни интимное, бытовое, социально-гражданские начала, Кулиев одним из первых в балкарской поэзии открыл в этом жанре неисчерпаемые художественные возможности показа многочисленных проблем человеческого бытия, исторической памяти.

Одним из таких психолого-нравственных стихотворных посланий является «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (1963). Оно адресовано талантливому переводчику и поэту Якову Козловскому, известному по его сборникам стихов «Офицер связи», «Вереск», «Воочию», «Кизиловая ветвь», «Созвездие близнецов», а также по

его популярным стихам для детей – книги «Веселые приключения не только для развлечения», идея создания которой принадлежала С. Я. Маршаку, «крестному отцу» Я. Козловского. Козловский переводил и классическую поэзию Востока, фольклор кавказских народов, стихи Авиценны, Бедиля, Чанки, Ахмеда Мунги, Эльдарилава и поэтов XX века народов Северного Кавказа: Р. Гамзатова, А. Кешокова и др. Стихи Кулиева он стал переводить на русский язык с конца 50-х гг. XX века. Это такие стихотворения, как «Чтоб стать счастливым...» (1958), «Снежная ночь в Нальчике» (1958). «Стихи, написанные в Калмыкии» (1959), «Над валунами лысыми...» (1959). «Стихи, сказанные в Дарьяльском ущелье» (1959), «Надежда» (1959), «Кумыс» (1959), «Камни» (1959), «Жена поэта» (1959). «Женская красота» (1959) и многие другие.

Творческая дружба Я. А. Козловского и К. Ш. Кулиева началась со времен военных лет, когда оба они были на Сталинградском фронте военными корреспондентами. «На фронте познакомился я с двумя молодыми горскими поэтами: Алимом Кешоковым и Кайсыном Кулиевым». В своей автобиографической повести «Вид с белой горы» Алим Кешоков пишет об этом тепло и проникновенно», – вспоминал Я. Козловский в предисловии «Немного о себе». И здесь же: «Вспоминается такой случай. 1943 год. Зеленая поляна возле города Шахты. Кайсын Кулиев читает мне стихи. Я, как сейчас, слышу этот напевный клекот и, как сейчас, вижу этого молодого, курчавого, худенького офицера. И хотя Кайсын Кулиев был лишь немного старше меня, мне казалось в то время, что разница в годах между нами велика, ибо уже тогда он – пылкий горец – слыл известным поэтом» (*Козловский Я. Избранное. М., 1983. С. 9*).

Поэтому становится ясно, о чем писал Кулиев в 1963 г., вспоминая «огневые-сороковые», обращаясь к военному журналисту Якову Козловскому, с которым он не раз участвовал в боях, видел кровь и смерть товарищей по окопам:

Ты помнишь лето? Лес, трава кругом
И пятна крови – нашей или вражеской.

С тех пор мне росы на лугу лесном
В закатном блеске алой кровью кажутся [1].

Пер. Н. Гребнев

Воспоминания Кулиева-гуманиста связаны с войной, с ее трагическими фактами и драматическими последствиями насильственной высылки балкарцев из пределов отчего края на чужбину, оставившей недобрый след в творческом сознании поэта, которому и через 20 лет «мерещатся пятна крови»:

Мне и зима запомнилась навек,
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся.

Поэтическая строка – «Осевший снег в начале марта месяца» – имела точное время года – 8 марта 1944 г., когда по Указу Президиума Верховного Совета СССР некоторые народы Северного Кавказа выселялись из родных земель «навечно, без права возврата». В ссылку отправились женщины, дети, старики, а в это время все мужское население воевало на просторах России, защищая свободу и честь Отчизны. Бывший солдат Кулиев все это знал и помнил:

Мне видятся огонь и облака,
И пулеметчики и пулеметчицы,
И степь, где скачет конь без седока,
И повод по земле волочится.

Историческая память поэта не отбросила роковые вопросы военного бытия, его уникальный внутренний мир все еще оставался во власти трагического времени военных лет:

Все чаще наяву или во сне
Те мальчики, не ставшие мужчинами,
В бинтах сырых являются ко мне,
И лица их не тронуты морщинами.

Обращение к Козловскому – это, по сути дела, было напоминание о том, что оба они осознали боевую дружбу

в реальности боевых действий Великой Отечественной войны. В этом же предисловии «Немного о себе» Козловский писал: «О войне написано и поведано много. Я только хочу напомнить, что никогда мы не были так едины, как на войне. И не было сомнений, и все было ясно: где друг, а где враг. Война явила нам не только уроки мужества, стойкости духа, человеческой выносливости и верности, но и уроки доброты».

Мы были крепки, каждый как скала,
Мы кладь несли, не чувствуя усталости,
И та беда, что где-то нас ждала,
Являла облик смерти, а не старости.

Когда Кулиев писал это послание своему фронтовому другу, им было по сорок лет с небольшим (Козловскому 42, а Кулиеву 46 лет), мужчины, у которых была еще вся жизнь впереди. Но уже тогда Кайсын задумывался о старости, если писал в этом стихотворении «...беда, что где-то нас ждала, являла облик смерти, а не старости». Для него старость – это как смерть. В поэтическом решении темы смерти ощущение уходящего безвозвратно времени у Кулиева всегда было драматическим. В 1975 г. он писал в статье «Поэзия – это жизнь»: «Старость для меня – ужасная вещь. Я много думаю о ней. Смерть близких, гибель людей на войне, стихийные катастрофы в мире – все это остро переживается. И все переживания равны, у сердца нет и не должно быть больше, меньше.

И вообще, художник должен быть плененным всем, что есть на земле: дождем, снегом, цветением алычи, сумерками над горами, белизной снега, чудом самой жизни. Все это уйдет от нас, то есть мы уйдем, а мир останется. Разве это не потрясение? Я не могу не думать об этом» [8]. Или: «О смерть, свой страшный срок отсрочь, – прошу, как чуда: я лучшего, что мог, не написал покуда», – писал поэт в 1965 г.

В послании «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (1963) наряду с другими социально-нравственными мотивами есть и мотив старости. Так, в обращении к другу уже чувствовалась кулиевская тревога по поводу приближения старости:

Не виделась нам старость впереди,
А ныне — еду ль, за столом сию ли я —
Все чаще руку подношу к груди,
Каким-то чудом не задетой пулею.

Русским поэтам, почти своим ровесникам, Кулиев посвятил немало стихотворений лирического характера. Так, через три года после написания «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» он написал послание поэту Ярославу Смелякову и назвал его «Дождь в Братиславе» (1966).

Ярослав Васильевич Смеляков (1913 г. р.) был на четыре года старше Кулиева. Они были знакомы давно по общественной работе в Москве. Кулиеву нравился его сборник стихов «Милые красавицы России», название которого точно выражало его тональность и сущность: уважение и любовь к женщине. На эту тему много писал и Кулиев. Знал Кайсын и другие, не менее известные его сборники стихов: «Работа и любовь», «Дорога», «Счастье», «Строгая любовь», «Разговор о главном», «Поэзия рабочих рук», «Аленушка», «День России». Он был известным поэтом XX века, и Кулиеву хорошо была известна его трудовая и творческая биография. В его поэзии нашла точное отражение история Страны Советов: он воспевал ее стройки века, ее рабочий класс. Поэзию Смелякова критики называли поэзией сурового века (А. Макаров). Однако в послании Кулиева к собрату по перу нет никаких общественно-политических мотивов и намеков на то, что Смеляков был поэтом рабочего класса, как об этом не раз писали критики. Лирическое послание «Дождь в Братиславе» начиналось с «весенней» ноты:

В Братиславе в преддверье мая,
С тротуаров пылинки смывая,
Льется дождик — посланец весны,
На суда, что плывут по Дунаю,
На холмы, что остались с войны [10].

Пер. Н. Гребнев

И как во многих стихах, так и в этом Кулиев не мог не вспомнить «родимую чегемскую даль», сравнить дождь в чужом городе с тем, что он не раз видел у себя в горном

селении. Интонация двух первых четверостиший лирического повествования помогла понять смысл звуковой организованности всего содержания послания.

Всюду радостен дождик в апреле.
И платаны чужой мне земли
Мокнут так же, как старые ели
Там, в родимой чегемской дали.

Лирическое повествование велось не в напряженном тоне, а носило субъективированный, эмоционально-спокойный характер. Мотив воспоминания о былом и определенное эмоциональное отношение к происходящему в Братиславе как к конкретному явлению природы ненавязчиво передавался читателю:

В другие края и селенья
Я задумчиво память несу,
Всех дождей пережитых виденья,
Как деревья, толпятся в лесу.

Чем дальше углублялись воспоминания автора, тем взволнованнее звучал его голос, тем теплее становились интонации.

Сколько крови пролилось издревле,
Сколько армий погигло в бою,
Но как вечны дожди и деревья,
Как пленительны в каждом краю!

В 5-м четверостишии тональность уже приподнятая, патетическая и принимала характер обобщений и выводов поэта:

Дождь идет. Что забыто – воскреснет!
Дождь идет. Все забудем, что есть!
Дождь всегда – и старинная песня,
И еще не рожденная весть.

В последнем четверостишии восклицательные интонации спадают, и лирическое повествование принимает характер определенных раздумий автора:

Что нам знать о бесславье и славе,
Всем довольно и зла, и добра.
Щедрый дождик идет в Братиславе,
И земля, словно дождик, щедра.

Для Кулиева 60-е гг. XX века были самыми плодотворными: его творческий потенциал реализовался во многих литературных жанрах. Главной, конечно, была лирика и жанры смешанной формы, однако, поэт задумывался и над эпическими и драматическими жанрами. В этот период Кулиев вел очень активный образ жизни, его занимала большая общественная работа в Союзе писателей РСФСР, в различных комитетах по защите мира, депутатская работа; по долгу службы ему приходилось встречаться со многими неповторимыми личностями, общение с которыми оставляло определенный след в духовной жизни поэта. Былое счастье, радость и печаль вставали в творческом сознании Кулиева и требовали художественного выражения. Оно находило в жанре лирического послания.

Одним из таких стихотворных посланий Кулиева было обращение к Лайме Андерсон, пение которой покорило поэта и оставило в его впечатлительной душе неизгладимый след.

Казалось мне: ты пела не со сцены,
И песнь твоя врывается в мой сон,
Проникнув через каменные стены
Со дна души, из глубины времен [11].

Пер. Н. Гребнев

Это первое четверостишие стихотворного послания «Певица» (1967) сразу вводило читателя в мир чувств поэта, потрясенного силой голоса Лаймы Андерсон, чудным искусством исполнения народных и современных песен:

И я не мог понять: поет певица
Иль снится мне весь вечер напролет,
Что это не мелодия, а птица
Стремится ввысь и в небо нас влечет.

Воспоминания о счастливом случае, когда судьба свела этих двух людей высокого искусства в Риге на концерте, оставили в поэтической душе Кулиева определенный след остро пережитого чувства. Он искал в своем сердце остатки прежних ощущений, надежд и желаний, когда в памяти снова и снова вставал город с его яркой иллюминацией, Она в блеске театральных огней, почета и преклонения.

В том городе, где не бывал я прежде,
Где песням не случалось мне внимать,
Огни домов и улиц, как надежды,
То меркли, то мелькали вдруг опять.

Лирике Кулиева вообще свойственна поэтизация женщины, и он посвятил ей много прекрасных строк с выражением восхищения и преклонения перед ней. «...стихи я женщинам слагаю – весне души моей, зиме души моей» – писал он в сборнике «Звездам – гореть!» (М., 1973. С. 271). Актриса Лайма Андерсон была одной из тех поэтических муз Кулиева, талант которой остался запечатленным в поэтическом слове горца XX века:

А песня все текла и не кончалась.
И мне казалось: будто в ней одной
Все темное и светлое смешалось,
За полстолетья виденное мной.

В этом послании Лайме Андерсон нет восточно-романтического преклонения перед женщиной. Здесь другое – восхищение огромным талантом певицы как особым даром природы, духовная сила которого неподвластна времени. Именно это попытался в художественном слове выразить поэт:

Она такую обладала силой,
Что мне не страшно было вдаль глядеть
И знать, что кто-то над моей могилой
В свой час вот так же будет песню петь.

В эти же годы Кулиев написал послание Сильве Капутикян, только на четыре года раньше, чем послание

Лайме Андерсон. Творческое наследие С. Капутикян – это целая история трагической жизни армянского народа.

Надо мною шумит платан:
Я страницы твои листаю.
Гонят плениц во вражий стан:
Я страницы твои листаю [12].

Пер. Н. Гребнев

Поэтический повтор «Я страницы твои листаю» употреблен для большей выразительности лирического содержания, для музыкальности стихотворной речи. При помощи этого повтора звучание каждого четверостишия выступало особенно отчетливо, а его содержание приобретало особую эстетическую значимость:

Вот бросает цветок джигит,
Ловит женщина молодая,
А другая плачет навзрыд,
Жизнь прошедшую вспоминая;
Вдаль изгнанник бредет с сумой,
Слезы льет по родному краю,
Не вернутся ему домой:
Я страницы твои листаю.

«Поэзией большой любви» назвал стихи Сильвы Капутикян Кулиев. «Оставаясь наедине с ее стихами, я как бы остаюсь один на один с советстью и любовью человека, которому дорого все достойное уважения и все привязанности на земле, – писал он. – Я как бы трогаю рукой камень и траву армянской земли, снег ее склонов и зелень орехов... Я люблю мужество и мудрость этой женщины, глаза которой смотрят на меня как бы из глубины армянской истории, драматической и прекрасной». В поэтическом выражении Кулиева о диве армянской самобытности это звучало так в финале послания «Сильве Капутикян» (1963):

Мне мерещится, будто сам
По Армении я шагаю,
Присягаю ее камням,

Припадаю к ее ручьям:
Я страницы твои листаю.
Я стихи твои повторяю.

Пер. Н. Гребнев

Кайсын Кулиев не мог не написать ей. Их связывало духовное, творческое начало, и они часто встречались в Ереване на различных юбилейных торжествах. Они были почти ровесниками. Поэтесса Сильва Капутикян родилась в Ереване в 1919 г. Ее родители – беженцы из Западной Армении (Турция). Когда ей было 26 лет, поэтесса уже напечатала свою первую книгу стихов, а в 1952 г. она была удостоена Государственной премии. Кулиев не мог ее поздравить с этой высокой наградой: он находился в это время в Средней Азии на положении спецпереселенца. Но когда в марте 1969 г. в Центральном доме литераторов в Москве собралась общественность, чтобы поздравить ее с 50-летием со дня рождения, Кайсын Кулиев был в числе приглашенных, поздравил ее с юбилеем и правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени, прочитал стихи, адресованные ей:

В вышине по-людски кричит
Журавель, потерявший стаю,
Камни родины горячи:
Я страницы твои листаю.

Убеждение Кулиева в том, что человек – «царь земной и Бог, сошедший с неба», образующее поэтический пафос его художественного творчества, было связано не только с осознанием им беспредельных творческих возможностей человеческого труда, но и с его глубоким убеждением, что люди должны жить по заповедям гуманизма: помогать друг другу в беде, жить в мире и согласии. «Без дружбы мир нелеп, а все дороги узки», – сказал Кулиев. В его последовательном утверждении этой истины и заключалась огромная духовная сила, имеющая такое воздействие на читателей. В 1969 г. эти мотивы преобладали в его посланиях и посвящениях друзьям: Ираклию Андроникову – «Я вспоминал друга в горах», Якову Смоленскому – «Дом моего друга», Аскеру Аппаеву – «Язык родной земли»,

памяти Марка Бернса – «Песня, которую не сможет спеть мой друг», «Поэтам Грузии» и др.

В своих посланиях к друзьям Кулиев следовал гуманной пушкинской традиции: относиться с чувством понимания и уважения к иным народам и их культурам, какой бы ни была нация – великой или малочисленной. Находясь в доме друга, Кайсын хотел «...после неудач суровых или неся удачи груз, в который раз услышать снова: «Друзья, прекрасен наш союз!». Эти финальные строфы из послания Якову Смоленскому «Дом моего друга» (1969). Оно начиналось в обычной спокойной тональности:

Дома столицы в небо взвились,
Но есть в Москве еще двory,
Что словно чудом сохранились
Едва ль не с пушкинской поры [13].

Пер. Н. Гребнев

Обращение Кулиева к концепту «дом» позволяло ему затронуть многие вопросы личностного и биографического характера и выйти на тему дружбы людей, которых связывали не только профессиональные интересы, а прежде всего их душевное настроение и внутренний мир. В этом доме гости ощущали покой и уют, легко входили в атмосферу прекрасного, благородного и творческого. В послании «Дом моего друга» Кулиев подробно обрисовал, как встречал гостей хозяин дома:

Мой друг гостей своих с любовью
Усаживает вокруг стола,
Пустому звону празднословья
Предпочитая звон стекла.

Автор намеренно подчеркнул наличие домашнего уюта и редкое гостеприимство, характерное для этой московской семьи, хлебосольной и радушной, соблюдающей традиции русской старины:

Хозяин добр, и места хватит,
И так легко в его дому,
Что многие мои собратья
Всем сердцем тянутся к нему.

Кулиев полагал, что в семье должны быть слиты индивидуально-психологические свойства людей с родовыми свойствами и нравственными устоями; он даже искренне верил в то, когда входил в этот дом, что

Здесь Пушкин жив не на портрете,
Здесь кажется мне каждый раз,
Что нет полутора столетий,
Отринувших его от нас.

Социально-нравственные устои этой семьи объединяли, по мнению поэта, первоклассного, талантливого артиста Якова Смоленского и членов его семьи с предшествующими и последующими поколениями людей высокой культуры, большой духовности, которые всегда верили, мечтали и надеялись, что лирой можно пробуждать чувства добрые:

Я постучусь – мне дверь откроют,
Мой друг-артист мне будет рад.
Здесь пахнет морем и травую
И строчки Пушкина звучат.

В художественном мире Кулиева дом и семья являлись идейно-тематической доминантой, по-разному отраженной в его лирических посланиях и посвящениях. Так, в послании Якову Смоленскому «Дом моего друга» семья известного артиста и его скромный дом были для поэта олицетворением несокрушаемого мира народной жизни, основанной на трудолюбии, порядочности, честности. Поэтому в этот дом Кулиева всегда влекло:

И просто так, и приглашенный,
Я посещаю – житель гор –
Зимой седой, весной зеленой
Один такой московский двор.

Высоконравственный, сплоченный мир родственных людей, беседа с которыми доставляла удовольствие поэту, запомнился надолго со всеми подробностями их жизни и бытия, особенно их старенький дом, напоминавший поэту «горский дом в родном селенье»:

Вот старая его ограда,
Куда случалось и чуть свет
После ночного снегопада
Прокладывать мне первый след.

К прошловековому строенью
Спешу добраться я пешком.
Как горский дом в родном селенье,
Знаком мне этот старый дом.

Сравнение горского дома в родном селенье и «прошловекового строения» Москвы – не случайная прихоть поэта, не просто факт его творческого воображения; оно помогало раскрыть главный смысл послания «Дом моего друга»: прошловековое строенье, – дом превосходного чтеца, мастера художественного слова, артиста Якова Смоленского, был так же дорог Кулиеву, как и его «горский дом в родном селенье»:

Когда легко мне иль печально,
Точней – едва ли не всегда,
Дорогой не гнушаясь дальней,
Мне хочется идти сюда [14].

Пер. Н. Гребнев

Душевное равновесие Кулиев (как и все нормальные люди) находил в лоне семьи и своего очага. Эти понятия в его посланиях и посвящениях наполнены глубоким и емким содержанием. И детали дома, и семьи приобретали значение реалистического символа. Как радовался поэт, когда в конце жизни он купил в Первом Чегеме дом с небольшим садиком, построил маленькую беседку и часто сидел в ней, любуясь цветущими или покрытыми белым снегом плодовыми деревьями (в зависимости от времени года). В скромной кухне, что стояла рядом с домом, он работал, осуществляя свои творческие замыслы. Об этом свидетельствует его письмо от 31 января 1981 г. Т. Е. Эфендиевой «Дорогая Тамара Емельяновна! Я получил Вашу работу о лирике Гамзатова и Кулиева. Спасибо. Вы делаете нужное дело независимо от моей персоны, – писал он. – ...Понемногу тружусь в Чегеме, в своем маленьком домике. Гашу электричество, зажигаю керосиновые (две) лампы или

свечи и пищу вечерами. При таком свете писались лучшие книги мира — такие, как «Дон-Кихот», «Мертвые души», «Евгений Онегин», «Хаджи-Мурат». Эти лампы на моем столе горят так спокойно, как в давние времена, когда не было ужасов атомной угрозы и страха!

Так я и живу, размышляя и старея.
Еще раз спасибо Вам. Привет Салиху.

Кайсын Кулиев».

Образ дома в художественном мире Кулиева прозвучал и в стихотворном послании поэту Константину Ваншенкину «Птица летит к гнездовью» (1976). Название, вероятно, условное и одновременно символическое. Есть же народное выражение «человеческие гнезда», то есть дома, родовые очаги, лоно семьи, которые разрушались почти до основания, гибли под напором социально-исторических и общественных потрясений, как, скажем, погибла, распалась некогда прочная семья Мелеховых («Тихий Дон» Шолохова): почти никого не осталось из этой семьи: убит Михаилом Кошевым Петр; не вынесла измены Григория Наталья, не захотев родить от него, и погибла; утопилась веселая Дарья, не пожелав жить «с дурной болезнью»; от тифа умер на Кубани Пантелей Мелехов, ушла из жизни мудрая Ильинична.

Общечеловеческий смысл постоянной тревоги женщин как хранительниц «человеческих гнезд» Кулиев вложил в образ птицы в послании К. Ваншенкину. Обратимся к началу стихотворения:

Целый день проведшая в трудах
Птица возвращается в бессилье
В то гнездовье, где ее родили.
Но и птиц одолевает страх,
Что родное дерево срубили [13].

Пер. Н. Гребнев

Вековечное беспокойство и тревожное воображение, что дом и семья могут быть разрушены, никогда не покидали тех, кто был ближе всего к истокам жизни.

Всякий раз с весенних дней поныне
Птица возвращается, страшась,
Что гнезда того, где родилась,
Может статься, нет уж и в помине.

Первые два четверостишия «Птица летит к гнездовью» — об извечных человеческих началах: о естественной тяге всего живого к своему дому, своему гнездовью, — ведь только в лоне своей семьи можно обрести душевное равновесие, успокоиться, найти утерянную надежду, обрести веру в друзей, в успех, в то, что еще не все потеряно и можно, как говорится, начать жизнь сначала. Родной дом всегда связан с приятными воспоминаниями детства.

В том гнезде бывало ей тепло,
Ей порою только там казалось,
Что ее птенцов земное зло
Не коснется, как бы ни старалось.

Родной очаг — это прежде всего и защита от внешней угрозы, нравственная чистота родовых устоев, глубокая человечность во взаимоотношениях близких людей, которые могут и быстро распадаться и разрушаться под натиском трагических обстоятельств реальной жизни. Но вера, как способность человеческого духа, всегда подерживала волю и стремление, давала духу силы и тонус, устремляла человека к его цели:

Хочет птица долететь скорей
К своему гнезду, и эта малость
Возвращает снова силы ей
В час, когда их больше не осталось.

Пятое четверостишие послания «Птица летит к гнездовью» звучало уже как вывод из всего выше сказанного — родной очаг освящен родовыми устоями семьи, и их нельзя никому разрушать, если даже в мире «вовсе нет покоя»:

Птица возвращается туда,
Где ее гнездовье вековое.
И священ покой ее гнезда
В мире том, где вовсе нет покоя.

Финал этого стихотворного послания в духе традиционного кулиевского рассуждения, в котором часто звучали ноты сомнения («Может, птица попадет в беду: ведь и птичий век не вечно длится, и гнездо ее не сохранится в дальней роще или же в саду»). Однако вера, присущий человеку оптимизм всегда укрепляет человеческий дух. Финал послания «Птица летит к гнездовью» можно трактовать как оптимистический:

Но другая птица народится,
И любовь к родимому гнезду
Будет жить, покуда живы птицы.

Пер. Н. Гребнев

Ученые-психологи утверждают, что человек с развитой верой невольно тяготеет к величию духа. Духовное тяготение Кулиева к родному краю, отцовскому очагу видно из стихотворений типа «Я вернулся в Чегем», «Раздумья у реки Жилги» (приток реки в Чегеме), «В Чегеме зацветает алыча», «Луна над Чегемом», «Раздумья у отцовского дома», «Стихи, написанные зимней ночью в Чегеме». «Снежный день в Чегеме», «Чегемское предание», «Вдали от Чегема». Когда читаешь эти стихи, кажется, что другой жизни Кулиев не знал и был счастлив в той действительности, которая повседневно его окружала. В стихотворении «Рождается на свет дитя...» (1969), вспоминая свой дом он писал:

Здесь был мне счастьем каждый шаг,
И снег, и дождь, и звон капели,
И дом, где теплился очаг,
И небеса, где звезды тлели [16].

Пер. Н. Гребнев

В этом же 1969 г. Кулиев написал посвящение «Песня, которую не сможет спеть мой друг» памяти Марка Бернеса.

В музыкальном мире Кайсына Кулиева и его поэзию хорошо знали. На стихи балкарского поэта написаны песни многими известными и малоизвестными композиторами, такими, как Г. Свиридов, Э. Колмановский,

Н. Богословский, Р. Щедрин, Я. Френкель, А. Дауров, М. Османов, Т. Блаева, Дж. Хаупа, В. Молов, Ю. Мейтус, А. Казанов, А. Шахгалдян, А. Байчекуев, М. Жеттеев, З. Бинкин, В. Стасов, А. Шахбулатов, Р. Тохидзе, В. Кулаков, О. Шурова, В. Усович, И. Парин.

Его песни звучали в концертных залах и по центральному радио и телевидению в России и во многих союзных и автономных республиках СССР в исполнении Маргариты Сувориной, Льва Лещенко, Муслима Магомаева, Эдуарда Хила, Аллы Пугачевой и известных певцов его родной Кабардино-Балкарии.

Ко всем композиторам и певцам, которые были связаны с ним творческой работой, Кулиев относился с большим уважением и ценил их труд. Долгое время поэт имел дружественные связи с популярным певцом Марком Бернесом, с которым он встречался неоднократно и писал статьи о его обаятельном таланте. Одна из статей так и называется – «Обаяние таланта» (о Марке Бернесе), хранившейся в ЦГА КБР, в фонде 852. Вот что писал поэт, вспоминая, как на фронте в часы отдыха или в минуты трудности звучали песни Марка Бернеса: «...В те дни, когда я пел «Шаланды, полные кефали...» на Сиваше или где-нибудь на заснеженных и разбитых снарядами донских дорогах, сидя в кузове распатанного грузовика, вовсе не мог думать, что мне предстоит встреча с Марком Бернесом, что замечательный артист, столь известный, славный и знаменитый, одарит меня своей дружбой и станет петь мои скромные стихи. В те суровые дни войны я, как миллионы воевавших людей, просто не знал – вернусь ли к матери – домой. Тогда так легко было умереть!

После войны меня ждали новые испытания, но прошли и они. Мои стихи, часто печатавшиеся в журнале «Новый мир», понравились Марку Бернесу. На некоторые из них он заказал музыку и написал мне, очень обрадовав меня этим. Вскоре у нас завязались дружеские отношения. Он очень понравился мне, как истинный артист и милый человек. Его не сумела испортить широкая популярность. А это мне очень дорого в любом известном художнике...

Марк Бернес был артистом большой культуры и широких интересов, любил не только искусство, но и литературу. Об этом говорит даже тот незначительный в его

жизни факт, что он обратил внимание на мои стихи, заинтересовался ими. Мое стихотворение «Все еще впереди», опубликованное в «Новом мире», на которое по просьбе Бернеса Эдуард Колмановский написал музыку, артист впервые исполнил в одном из больших предпраздничных концертов в первых числах ноября 1966 г. в Кремлевском дворце съездов...»

Воспоминания Кулиева были связаны не только с радостными событиями, но с печальными, когда он впервые узнал о смерти друга. Обратимся к той же статье: «В августе 1969 г. я с семьей находился на Рижском взморье, — писал Кулиев. — Однажды, когда мы возвращались из Риги в Дубулты, мой старший сын Эльдар, горячо любивший Бернеса, купил газеты на вокзале. Мы вошли в вагон электрички. Я пошел вперед и сел. Вскоре сын стал пробираться ко мне и крикнул: «Папа! Умер Марк Бернес». Я был поражен. Эльдар протянул мне «Комсомольскую правду». В ней я увидел траурную фотографию Марка и заметку Никиты Богословского. Я снова встретился с горем, тяжелой утратой...»

За несколько месяцев до смерти Марк попросил меня написать текст для песни такого содержания: «Придумано много машин, мир удивили чудеса техники, но человек остается человеком с живой душой, со своей радостью и болью, с любовью к цветам, к зеленым деревьям, траве, земле, где созревают колосья и поют птицы». Тема была, как говорится, моей, и я с радостью согласился написать такой текст, но не успел».

Меня просил ты этим летом
Для песни написать слова,
Чтоб птицы пели в песне этой,
Цвели б цветы, росла трава.

Смерть опередила поэта. Тяжело переживая утрату, Кулиев решил написать посвящение «Памяти Марка Бернеса». Рассказывая о своем творческом замысле, Кулиев писал: «Мой замысел не давал мне покоя несколько месяцев. В те дни я был в разных городах от Тбилиси до Варшавы, и всюду думал о своем стихотворении, но написать его не удавалось. Наконец, вернувшись домой в

начале зимы, я написал его и назвал «Песня, которую не может спеть мой друг»:

Пишу я, но к чему трудиться:
Моих ты не оценишь слов,
Хоть песнями зальются птицы
Над полем красным от цветов [17].

Пер. Н. Гребнев

Третье четверостишие – непосредственно о смерти, и строки его строги и лаконичны, кажущаяся простая констатация свершившегося страшного факта:

Как ни проворны строки песен,
Они твой не отыщут след
В краях, где адрес неизвестен
И адресатов нет.

Название стихотворного послания «Песня, которую не может спеть мой друг» и обозначенная подзаголовком жанровая принадлежность сразу же настраивали на печальные размышления. Это грустное лирическое стихотворение об утрате друга. Боль и печаль рождались не в воспоминаниях, а в рассуждениях о самом трагическом явлении в жизни человека, который никогда уже не увидит ни неба, ни цветов, ни травы, не услышит голоса друзей и как «песнями зальются птицы над полем, красным от цветов»

Ни песня, ни иная малость
Не проникают в те края.
А здесь что от тебя осталось?
Лишь голос твой да боль моя.

Кулиев понимал, что и он может однажды не встретить весну, почувствовать жажду и земной вкус соли и меда, не сможет греться в холод у костра, не услышит «смех детей в саду», забудет тепло материнских рук и добрые руки жены, не ощутит рукопожатия друга.

Не слышать голос твой мне странно,
Хоть я и знаю: в свой черед

Смерть, взявшая тебя неожиданно,
Нежданно и ко мне придет.

Так как утрата невозполнима, она касается всего земного бытия, — оставшиеся в живых друзья должны помнить об ушедших, чтить их память, как того они заслуживают. Но поэт не был глубоко уверен, что его друг «близкий или дальний былое вспомнит и — как знать, — быть может, тоже сложит строки, которых» ему уже «не услышать». Будучи живым, в расцвете творческих сил, Кулиев оплакал горечь вечной разлуки, осознавая, что нет и «не может быть ни слова, ни стиха такого, чтоб нас из мертвых воскресить». Есть другое — это память, которая возвращает образ живого Марка Бернеса, его песни, оставшиеся с народом.

И эту песню, что с любовью
Пишу я, примирайся с судьбой,
Пусть завершат как послесловье,
Две строчки, петые тобой:
«Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой!»

Так закончил эту «Песню, которую не сможет спеть мой друг» Кулиев. «Это тот скромный цветок моей высокой земли, — писал Кулиев, — который я с любовью и нежностью положил на могилу Марка Бернеса».

Стихотворение несколько раз передавалось по Всесоюзному радио, и оно имело много откликов. Вот письмо И. Петровой из гор. Краснодара. «Уважаемая редакция! В одной из передач «Литературные вечера» прозвучали стихи Кайсына Кулиева, посвященные Марку Бернесу, — писала она. — Прошу Вас, напечатайте это стихотворение в «Литературной газете» и расскажите немного о творческой дружбе Кайсына Кулиева и Марка Бернеса» [18]. Подобные письма Кулиеву писали из различных городов Советского Союза. Так, учительница истории средней школы с 166 гор. Куйбышева Р. А. Соболевская благодарил редакцию: «...Вчера вторично в передаче по радио «Литературные вечера» я услышала стихотворение «Песня, которую не сможет спеть мой друг», посвященное Марку Бернесу. Хочется сказать Вам большое, большое спасибо за замечательные стихи, которые Вы очень про-

никновенно и с большим чувством прочитали. Я очень люблю песни в исполнении Марка Бернеса... Если Вас не затруднит, то пришлите мне это стихотворение, посвященное Марку Бернесу, или сообщите, где его можно прочитать...». А вот о чем просила Татьяна Глебовна Варыпаева из гор. Калуги 9 февраля 1970 г.: «Уважаемый Кайсын! Меня побудила написать Вам радиопередача «Литературные вечера», которая прозвучала в середине января. Вы читали нам свои стихи, написанные в память Марка Бернеса. Они так вошли в мою душу, как будто бы я их сама написала. В этом году я потеряла свою мать, она очень любила стихи и иногда просила меня написать ей хорошие стихи... Она любила пение Марка Бернеса. Поэтому вы поймите, какое чувство я испытала, услышав эту передачу. В ней было все, что любили мы с мамочкой, – и Ваши стихи, и чудесное музыкальное оформление Оскара Фельцмана и Валл проникновенный голос. Очень прошу Вас, пришлите мне эти стихи...» [19].

С подобной просьбой обратилась не к Кулиеву, а в редакцию студентка 5-го курса филфака заочного вида обучения МГУ А. Истогина из села Ястребовка Курской области 19 января 1970 г.: «...Передачу «Литературные вечера» я слушаю регулярно и с большим интересом. В сегодняшней (от 19 января) я особенно благодарна за страничку Кайсыну Шуваевичу Кулиеву. Его стихи, посвященные Марку Бернесу, прекрасны и прекрасно прочитаны, то есть с глубокой любовью и искренне, с интонацией мудрой и человечной. Последняя песня, исполненная Марком Бернесом, была «Журавли». Она была как нельзя кстати. Нас очень много, любящих Бернеса и горюющих о нем...» [20].

Дружба Кулиева с семьей М. Бернеса продолжалась и после смерти знаменитого певца. Когда поэт бывал в Москве, он приходил навещать вдову и выразить ей свое почтение. Они переписывались. В одном из писем жена Марка Бернеса – Лилия Бернес-Бодрова – писала: «Милый Кайсын! Спасибо за внимание, за письмо. За тяжелые воспоминания о Марке... Вышли два фильма о Марке на Ленинградской студии и у нас, на телевидении.

Книга движется понемногу. «Воспоминатели» не все дисциплинированы...» [21].

В 1969 г. Кулиев написал много стихотворных посланий и посвящений своим друзьям. Его социально-нравственная память в структуре творческого сознания нашла яркое выражение в жанре послания, в котором интонация личной близости к предмету поэтического восхваления может быть сохранена в полной мере. Найденные Кулиевым способы поэтического выражения внутреннего мира того, к кому обращено послание, могли быть самыми различными. Это можно увидеть на примере анализа стихотворного послания «Я вспоминал друга в горах» (1969). Оно об Ираклии Андроникове, личности большого масштаба, об известном ученом-литературоведе, талантливом критике, исследовательские интересы которого в основном касались истории русской литературы XIX века, жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Когда Кулиев находился в ссылке в Средней Азии, И. Андроников уже издавал свои первые серьезные исследования. Такой явилась книга «Лермонтов», изданная в Москве издательством «Советский писатель» в 1951 г. После возвращения из депортации Кулиев познакомился с Андрониковым на юбилейных мероприятиях, посвященных Лермонтову, которые обычно проходили в Пятигорске и Тарханах. Дружба их была долгой и полезной для обоих. Восхищаясь человеческими качествами своего друга и его богатым внутренним миром, Кулиев сразу, в самом начале послания, писал:

Я стою вечернею порою
Пред горою в снежном серебре,
Как с тобою, говорю • горою,
Потому что ты под стать горе [22].

Пер. Н. Гребнев

Родные горы были для поэта мерилom самого лучшего, прекрасного и благородного, мужества и честности, чистоты и прочности, свободы и неподкупности. Поэтому поэтическое выражение Кулиева «...говорю с тобою, как с горою, потому что ты под стать горе» вполне логично и убедительно. Этим сравнением Кулиев выражал свое глубокое восхищение глубиной мысли ученого в анализе лирики Лермонтова. Эмоционально-выразительная функция этого развернутого сравнения осталась и в фи-

нальном четверостишии, повтор которого создавал повышенное эмоциональное ударение на словосочетании «...ты под стать горе!» и потому ставил это выражение в центр внимания читателей.

По своим литературным взглядам Кулиев был верным и искренним сторонником и почитателем лирики Пушкина и Лермонтова, о чем он много раз писал в своих литературно-критических статьях книги «Так растет и дерево». В небольшом эссе «А парус все белеет...» Кулиев писал о том, что Лермонтов – это одно из удивительных явлений в литературе. «Он погиб, не дожив до двадцати семи лет, но создал такие шедевры, которые дали ему право войти в пантеон великих писателей». Кулиевские послания и посвящения друзьям, как нам кажется, развивались в русле пушкинских и лермонтовских посланий друзьям. Кулиев плодотворно использовал традиции жанра посланий русской классической поэзии Жуковского, Пушкина, Лермонтова, выдвинув на первый план средний стиль, слова и выражения разговорного литературного языка, обращение, беседу и лермонтовское «Эго». Так, в предпоследнем четверостишии «Я вспоминал друга в горах» читаем:

И гора сверкает, над которой
Те же звезды блещут с первых дней.
Я заметил, обладают горы
Свойством нам напоминать друзей.

«Горы напоминают друзей» – это поэтическое выражение Кулиева находилось в соответствии с той творческой задачей, которую он поставил перед собой: Андроников – это сверкающая гора, поэтому он достоин пера поэта.

Во втором четверостишии Кулиев говорил о том, что мир изменчив, но не меняется Казбек с вечным снегом на вершинах.

Мне сегодня кажется, что Мцыри
Видел тот же самый вечный снег,
Ибо изменилось в этом мире
С тех столетий все, но не Казбек.

Содержание второго четверостишия подготавливало последующие за ним: истинные художники и ученые всегда были хранителями свободы и бесстрашными борцами за передовые идеалы человечества, и силу их мысли перенимали следующие поколения, вторили им:

Может быть, перекутились стрелки,
И, как Мцыри, мы с тобой вдвоем
Вышли только что из переделки
И стоим, ликуя, что живем.

И, еще не веруя, что живы,
Я тебе кричу, и в тишине
Горы, что от века молчаливы,
Переняв твой голос, вторят мне.

Метафористическое в своей основе это послание выражало нравственные представления поэта, его эстетические взгляды на содружество поэзии и жизни, общность двух людей, жизненная позиция которых основывалась на любви к литературе, на дружеской верности и возвышенности мысли.

Ираклий Андроников высоко ценил поэзию горского друга. В предисловии «О Кайсыне Кулиеве» к первому тому собрания сочинений в трех томах (М., 1976) он писал: «Мощный творческий дар Кулиева, высокая поэтическая культура, любовь к Пушкину и Лермонтову... сочетаются с ярко выраженной индивидуальностью и народностью его поэзии и обогащают ее. Чем шире круг его впечатлений, тем острее чувствуем мы в нем современного горца, приобщающего читателя, и прежде всего свой народ, к сокровищнице мировой культуры» [23].

Через год Кулиев написал послание Н. А. Лопаткину, своему лечащему врачу, который постоянно наблюдал за состоянием его здоровья, советовал поэту, когда нужно было ложиться на профилактику в одну из московских больниц. Чаще всего Кулиев лежал и проходил необходимое лечение в спецбольнице на Мичуринском проспекте. Это была одна из лучших столичных клиник с отличным медицинским обслуживанием профессионально подготовленных людей, где для больных отводились просторные палаты на одного человека с телевизором и телефоном. В больнице был зимний сад, бассейн, хорошая би-

блиотека, бесшумные лифты и прочие удобства, которые есть в хороших санаториях. Но все-таки это была больница: лечебное учреждение закрытого типа, и посещение больных было возможно только с разрешения лечащего врача и личного желания самого больного.

«Стихотворение, написанное в больнице» (1970) – так называлось это лирическое послание Н. А. Лопаткину, который первый определил, что у поэта есть опухоль, и предложил ее удалить, пока еще не поздно. Но Кулиев не согласился: на то были причины личного характера, а когда согласился, то было уже поздно.

О чем это лирическое послание? Оно о страдании – о нравственной боли, о мучении души. Вот начало его:

Страданье человека! Милосердным
Ты делаешь того, кто человек,
Что было домом – стало пеплом серым,
Чернейшим снегом стал белейший снег [24].

Пер. Б. Ахмадулина

Повтор «страданье человека...» введен во все четыре четверостишия первой строфы, и это словосочетание связано с художественностью сюжета, хотя сюжета как такового нет. Есть лишь мысли автора о том, что страдание многообразно и связано оно не только с чувственными переживаниями, но и с самосознанием человека, его памятью:

Страданье человека – пепел зерен,
Казенный хлеб, не утоливший рот.
Я видел пепел колоса. Он черен.
Люблю смотреть, как зеленеет рожь.

Поэт страдал, болезненно переживая за гибель урожая, когда видел черный пепел колоса и зерен, пепел дерева, «не устыдившись слез» в 1941 г., в самые первые месяцы войны.

Я тронул пепел дерева рукою
Крестьянина, не устыдившись слез.
Зато зимой я плакал над строкою:
«Весною зацветает абрикос!»

Автор, обращаясь к врачу Н. А. Лопаткину, вероятно, хотел сказать, что страдание присуще всему живому и неживому (будь то сгоревшее дерево или погибший на корню урожай, плачущий ребенок или беда близких). Сочувствуя, болезненно переживая за больного друга, неудачную операцию, за горелюдей, поэт хотел сказать своим поэтическим словом, что страдания, выпавшие на его долю, не иссушили его души, не оставили следа черствости в его сердце, не подорвали его веры в прекрасные начала жизни и надежды на лучшее («Люблю смотреть, как зеленеет рожь» или плакать от счастья по поводу удачно написанной строки «Весною зацветает абрикос!» и т. д.). Поэтому концовка послания не носит драматический характер. Собственно авторский вывод «Так полюбил я радость на земле», как и повтор «Страданье человека – это...» явились главными образно-выразительными средствами языка и несли повышенную эмоциональную нагрузку, раскрывая основную поэтическую мысль:

Страданье человека – смысл насущный
Хлебов, погибших в пепле и золе.
Я видел горе. Плач детей я слушал.
Так полюбил я радость на земле.

Пер. Б. Ахмадулина

В этом же, то есть в 1979 г., Кулиев написал стихотворное послание «Чужого горя для поэта нет», адресованное Ю. Воронову, чье поэтическое мастерство Кайсын Шуваевич ценил очень высоко, считая его неординарной и яркой личностью среди московских литераторов, дружба с которыми велась много лет. Юрий Петрович Воронов – ленинградец, но последние годы жизни жил в Москве. С Кулиевым он часто вспоминал дни Великой Отечественной войны, участниками которой они были. Воронов пережил блокаду Ленинграда и все то, что было связано с ней.

Я горе Ленинграда, как свое,
Переживал. И знаю, что не раз
Прошли сквозь сердце сильное твое
Все пули, что летели на Кавказ [25].

Пер. Н. Кондакова

Это послание как бы продолжает гуманистические идеи и нравственно-психологические мотивы «Стихотворения, написанного в больнице» (Н. А. Лопаткину). Обратимся к началу послания «Чужого горя для поэта нет»:

Чужого горя для поэта нет.
Любая боль и кровь – его страданье.
Когда деревья гибнут – в мирозданье
Горюет он. На то он и поэт.

Гуманистическая концепция Кайсына Кулиева начала развиваться с лирики военных лет, когда в 1942 г. он написал стихотворное послание «Поэту будущего». Такой же осталась она и в 1979 г., когда Кулиев обращался с посланием «Чужого горя для поэта нет» к Юрию Воронову и к тем, кто оставался жить в послевоенном Ленинграде:

О дети Ленинграда! И сейчас
Я помню все. И мне покся нет,
Как будто враг опять идет на вас,
И кровь моя окрашивает снег.

Память о прошлых бедствиях ленинградцев вызывала страдание и постоянную тревогу в чутком сердце поэта уже за новое поколение молодых людей, которых могут ожидать те же беды и несчастья, пережитые ленинградцами в блокаду. Поэтому Кулиев писал:

Покоя нет! Как будто вижу я
И тот прицел, и злобный вражий взгляд,
Как будто вместе с вами сыновья –
Уже мои! – под дулами стоят.

Стадания людей, переживших войну, нельзя измерить весовой категорией – больше, меньше. Страдание – это нравственная категория. Умереть в страданиях за кого-то или за что-то – это не только гражданский подвиг, это еще и свойство души, дело чести и мужества, гуманистический взгляд на прошлое:

Кто пережил беду своей страны,
У тех и голос чище во сто крат.

Я знаю, на весах судьбы равны
Ущелья гор моих и Ленинград.

Тема ленинградской блокады прошла в прозе и поэзии на протяжении всего XX века. Как уже выше сказано, коснулся этой темы и Кулиев в послании Ю. Воронову «Чужого горя для поэта нет». Обращаясь к нему, много писавшему о горе ленинградцев в те трагические дни, Кулиев как бы итожил прожитое, которое нашло художественное осмысление в их книгах:

И потому я говорю тебе
Слова, что я сказал бы только брату,
Они одни свидетели в судьбе
Дорог горящих, где мы шли когда-то.

Я видел камень раненый. Земли
Ты силу понял в дни блокады верно.
Мы наши книги написать смогли
Для подтверждения этого, наверно.

Пер. Н. Кондакова

Идеи гуманизма художественно воплощены в поэзии Кулиева во многих посланиях и посвящениях друзьям, родным людям, иногда просто знакомым, с которыми как-то была связана жизнь поэта в 70-е годы. «...А был он просто мой сосед...» (1973) – так называлось небольшое стихотворение, имевшее подзаголовок «Памяти водителя такси Павла». Оно связано тоже с биографией поэта. Дело в том, что Кайсын любил старую, но очень удобную гостиницу «Москва», расположенную в самом центре столицы, и всегда останавливался в ней, когда приезжал сюда по делам издательства или службы. У гостиницы всегда дежурил таксист Павел, которого Кулиев знал и уважал за мастерство, привык к нему, молчаливому и исполнительному, и вызывал по телефону только его, когда надо было срочно куда-нибудь поехать: встретить на вокзале друга, отвезти в аэропорт жену и пр. Однажды он позвонил, чтобы вызвать такси, но поэту ответили, что Павел неожиданно умер.

...А был он просто мой сосед.
Водил машину. Умер он весной.
Цвели тогда каштаны. В знойный полдень
Играли ребятишки во дворе.

Ни речевой характеристики персонажа послания, ни особых приемов усиления выразительности поэтической речи, есть только смысловая изобразительность, которая подчеркивалась точностью использования в нем каждого слова о весеннем ярком пейзаже:

Над домиком его в тот день
Таким лазурным было небо,
И во дворе, нагретом солнцем,
Так зеленела на ветвях листва!.. [3].

Пер. Я. Аким

Была ликующая весна: цвели каштаны, изумрудом зеленела на деревьях листва, чистое небо поражало лазурью, воздух был нагрет солнечным теплом – все было, только не видел всего этого торжества жизни таксист Павел: «Умер он весной». О трагическом в жизни так тоже можно писать.

Почти этими же свойствами языка определялась и особая жизненность формы воспроизведения той действительности, о которой вспоминал Кулиев в посвящении «Памяти Михаила Киреева» (1973).

Смерть перемешала как-то сразу
Все, что важно только для живых,
Нет Орловщины и нет Кавказа –
Этих двух твоих краев родных.

Последняя строфа «Нет Орловщины и нет Кавказа – этих двух твоих краев родных» емко и кратко отражала суть биографии Михаила Михайловича Киреева, который родился в 1903 г. в деревне Первое Подчерненово Орловской области, но с 1939 г. жил в Нальчике, оставшись здесь навсегда. Его прах покоится на земле Кабардино-Балкарии. Кулиев считал своим гражданским долгом почтить память этого русского писателя-прозаика, внес-

шего определенную лепту в укрепление взаимосвязей братских литератур.

Язык этого посвящения отмечен кулиевским своеобразием. Обратимся к тексту:

В мире нету ни зимы, ни лета,
Ни рассвета, ни зари во мгле.
Память вечная тебе пропета
Теми, кто остался на земле [27].

Пер. Н. Гребнев

Для ушедшего друга нет «ни зимы, ни лета, ни рассвета, ни зари во мгле». Путем сочетания синонимов и антонимов создавалось чувства нарастания драматизма. Используя повтор, Кулиев с глубокой выразительностью передавал свое отношение к памяти Михаила Киреева, которого он знал по работе много лет, был с ним связан узами дружбы и общими интересами в творческой судьбе как писателей. Поэт уважал этого самобытного литератора («Рассказы», «Сильнее смерти», «Родное сердце», изданные в Нальчике в разные годы), талантливого переводчика («Круг дружбы»: Избранные переводы М. Киреева. Нальчик, 1964. — 454 с.) и ценил его статьи и выступления, которые в основном касались творчества К. Мечиева, Б. Пачева, Али Шогенцукова, Амирхана Ховпачева, Заура Тхагазитова. Кулиев хорошо знал его повести, рассказы и очерки о героях Великой Отечественной войны, и им было о чем поговорить при встречах:

Мы, бывало, в сумерках бродили,
Возвращались к дому, шли опять,
Глядя, как в сады, что мы любили,
Прилетали птицы ночевать.

Оба они были участниками Великой Отечественной войны: сначала М. Киреев был санитаром, затем сотрудником дивизионной газеты; за боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды и медалями; К. Кулиев был военным корреспондентом дивизионной газеты «Сын Отечества», был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. Поэтому, вполне

естественно, им было о чем вспоминать и рассказывать друг другу. М. Киреев и К. Кулиев были мастерами слова, любили свое писательское ремесло и верили в святое предназначение художественной литературы. И об этом пытался сказать Кулиев в своем посвящении:

Может, то, что я скажу, не ново,
Но недаром было во сто крат
Каждому из нас родное слово
Слаще всяких суетных наград.

По мнению поэта, скромный и упорный труд писателя М. М. Киреева не был достаточно оценен серьезно общественностью. Кулиев высоко его ставил как замечательного переводчика: ведь он перевел на русский язык произведения Али Шогенцукова, Адама Шогенцукова, Хачима Теунова, Амирхана Хавпачева, Аскерби Шортанова, Омара Этезова, Хабу Кадиева. Возможно, поэтому в самом начале посвящения Кулиев писал:

Никогда к твоим ногам жар-птица
Не роняла своего пера.
Баловни судьбы и мастера –
Вовсе не одни и те же лица.

Следующее четверостишие – рассуждения Кулиева о том, что такое слава. И для более точной передачи своей мысли поэт использовал сравнение оригинальной формы:

Да и правда, что такое слава,
Вспыхнувшая где-то над тобой?
Слава – это детская забава
По сравнению с красотой земной.

Славу поэт сравнивал с детской забавой, а умело использованный художественный параллелизм углублял смысл и содержание посвящения. В десяти четверостишиях Кулиев хотел сказать об этом человеке не столько как о прозаике, переводчике, сколько о ценном работнике в области культуры республики; поэт знал, что много лет Киреев был заведующим отделом культуры «Кабардино-Балкарской правды», литературным консультантом правления Союза писателей КБАССР.

Ты не видел, занимаясь делом,
Смерти, притаившейся во мгле,
Как не вижу своего предела
Я, еще живущий на земле.

Особый характер в этом посвящении, как и в других произведениях поэта, имели антитезы «Ты – Я», приобретающими характер определенных выводов, которыми Кулиев часто завершал свои посвящения с мотивами грусти и сожаления об ушедшей жизни.

В произведении «Памяти Михаила Киреева» для передачи дружеских чувств, доброй памяти о писателе Кулиев использовал разнообразные формы художественного параллелизма, оригинальные метафоры и сравнения, образы певчей птицы.

Косит певчих птиц недуг сердечный
Злей, чем ловчих птиц иль птиц иных.
Помню о тебе, мой друг сердечный,
О тебе, кавказский пленник вечный,
Помню я, покуда сам в живых [28].

Пер. Н. Гребнев

Такой высокой характеристикой («кавказский пленник вечный») закончил Кулиев свое посвящение старшему другу М. М. Кирееву.

В этом же 1973 г. Кулиев написал стихотворное послание Даниилу Гранину «Как хорошо, что вынес все невзгоды...» В нем радостное ощущение полноты жизни и накал чувств достигались путем сопоставления человеческой сути с окружающей природой:

Как хорошо, что полдень мне в угодую
Высвечивает россыпи песка,
Что, как в траву олень, вхожу я в воду
И надо мной белеют облака [29].

Пер. Н. Гребнев

Радостное восприятие морского пейзажа и сложного психологического состояния (почти восторга) от всего, что видел в тот день поэт и испытал при неожиданной встрече с другом, – все подчинено лирическому настрою

автора, выражению его внутреннего мира и проявлению чувств и эмоций:

Я знаю день, который сух и жарок,
И море, плещущее в тишине, —
Всего лишь незаслуженный подарок
Или нежданная награда мне.

Видеть море, белые облака, россыпи золотого песка, ощущать всем телом, вдыхать сухой и жаркий воздух — все было для Кулиева «нежданной наградой», благом жизни и счастьем, тем более, что память его сохранила.

Как хорошо, что вынес все невзгоды,
Что смерть моя промчалась стороной,
И кажутся мне прожитые годы
Лишь огоньками за моей спиной.

Следовательно, причина радостного мировосприятия — в прошлом, когда ушедшие годы кажутся ему «лишь огоньками за спиной». Вот почему так оптимистически поэт воспринимал все сущее на земле и радость бытия — это его каждодневное мироощущение:

И потому и облака, и землю,
И даже дождь, и снегопад, и тьму —
Я все, как дар нечаянный, приемлю
И, словно мальчик, радуюсь всему.

В этом послании Д. Гранину явно ощущалось желание Кулиева сказать своему другу не только о своем душевном подъеме, но и заявить всем и каждому о мудромприятии законов бытия: надо жить и радоваться тому, что есть, тому, что ты жив:

Наверно, это случай или милость,
Но все, что вижу, вижу наяву,
А что могло случиться, не случилось,
И потому я все еще живу.

На этой оптимистической ноте и закончилось лирическое признание Д. Гранину «Как хорошо, что вынес все невзгоды...» (1973).

В 70-е гг. творческий дар Кулиева позволил ему написать еще несколько посланий и посвящений друзьям, в которых преобладало лироэпическое начало. Так, в лирическом послании Регине Кафриэльянц «Стихи, в которых нет ничего нового» (1973) дан конкретный характер женщины-армянки, уроженки Кавказа. Но поэт считал ее коренной москвичкой, почти русской, превосходно владевшей литературным русским языком, очень грамотной во всех отношениях, поэтому она и работала редактором в столичных издательствах. И хотя в послании нет изображения определенного события, конкретных поступков опозитизированной героини, можно говорить о сюжетности этого лирического произведения, в котором автор пытался раскрыть свое внутреннее состояние, мир души.

Только скажем «Кавказ» – и почудится нам,
Будто пасмурным днем снова стало светло.
К молчаливым чинарам и белым горам
Нас с тобой отовсюду недаром влекло [30].

Пер. Я. Аким

По мнению поэта, их этномир – это кавказские горы, белоснежные вершины, молчаливые чинары, сакли отчей земли, горные ручьи, к которым их «недаром влекло».

Нас тянуло туда, где ночами из мглы
Вековечные сказки доносятся с гор,
Зеленеют долины, вершины белы,
И ручьи неустанный ведут разговор.

Всего того, что было дорого Кулиеву, Регина Кафриэльянц была лишена, она не испытывала ностальгических чувств к исторической родине, которую потеряла еще в детстве. Она постоянно жила в Москве, работала в самом центре столицы редактором государственного издательства «Детская литература», помогала Кулиеву в издании его сборников стихов «Я пришел с гор» (М.: Детгиз, 1959), «Высокие деревья» (М.: «Детская литература», 1975); ответственным редактором их была она.

Р. Д. Кафриэльянц была другом Кулиева, помощницей в делах издания сказок Кулиева для детей, таких,

как «Сказка солнца» (М.: Детская литература, 1975), «Времена года» (М., 1976) и др. Когда Кулиев лежал в Центральной больнице в Москве (улица 15-я Парковая), линия – ЛОР (5 этаж, палата 537), в марте 1975 г., она навещала его. Красивая, жизнерадостная, статная женщина, она привносила в больничную палату дух бодрости, хорошего настроения; протягивала поэту много новых изданий, красочно оформленных, и рассказывала о «московских новостях», об обширных дружеских связях. О своей исторической родине – Армении – она никогда не расспрашивала поэта, который был частым гостем в Ереване, где у него было много друзей – от академика АН Армянской ССР, ректора Ереванского университета С. А. Амбарцумяна, художника Мартироса Сарьяна, поэтессы Сильвы Капутикян до профессора Левона Мкртчяна. Может быть, поэтому Кулиев избрал ключевым словом послания слово «Кавказ», при помощи которого достигалась дополнительная полнота и емкость, усиливалась смысловая и интонационная тональность стихотворения. Обратимся к началу послания:

Если другу задумчиво скажем «Кавказ»,
Значит, радостью с ним поделиться спешим.
Мы тоскуем от дома вдали всякий раз
По горам, по высокому счастью вершин.

Красочные картины природы и психологическое состояние двух людей – автора и той, к которой обращался поэт, – передавались тем же ключевым словом «Кавказ»:

Где бы ни были мы, у тебя, у меня
Свет Кавказа в глазах, ослепительный свет,
Нет вкуснее воды, нет добрее огня,
Нет родного Кавказа – и радости нет.

Из содержания всего послания видно, что развитие определенных человеческих отношений между поэтом и Региной Кафриэльянц изображалось не очень четко, скорее, более обобщенно через то же ключевое слово:

Как желанно само твое имя, Кавказ,
Куст багряный и белый цветок алычи!
Алым цветом казила на лицах у нас
Затаились рассветного солнца лучи.

Последнее предложение говорило о внутреннем состоянии только двух людей, общественные и личные интересы которых были тесно переплетены. Несомненно, эта женщина очень нравилась поэту, возможно, он и любил ее, если принять во внимание его следующее признание: «Будто все огоньки, что зимою видны, загорелись, любовью моей зажжены. О, любовь эту я пронесу до конца; раб счастливый, я цепь, не снимая, влачил». Но эти поэтические строфы можно с полным правом отнести и к родному краю, любовь к которому была у поэта всегда в душе, тем более, что речь шла об этноприроде: «...на солнечных склонах кизил так багров, будто в сердце бурлящая кровь» или: «Эту землю и небо – мои чудеса – я в подарок от щедрой судьбы получил».

О признании в пламенной любви к Кавказу свидетельствовали и два последних четверостишия:

Ну, а если пронзит мое сердце кинжал,
То и он это имя не сможет рассечь.
Оставаясь в горах, среди каменных скал,
Остывая в траве, будет кровь моя течь.

В национально-романтическом духе изображал Кулиев в этом послании силу его души и чувства к Кавказу, но не от лица лирического героя, не от первого лица, от лица «Я», а от них, двоих:

Только скажем «Кавказ», сердце ринется ввысь,
И надежда блеснет, если в доме беда,
И покажется – мы на земле родились
Для того, чтобы не умереть никогда.

Вероятно, поэт верил в нравственное возвышение человека и надеялся, что в конечном итоге в жизни (как и в человеческой судьбе) должны побеждать прекрасные, духовные начала, связанные с этносом и родиной предков.

Лиризм, мастерство в передаче движений души проявились в стихотворном послании «Владимиру Николаевичу Орлову» (1974), коренному жителю Санкт-Петербурга, большому ученому, который хорошо знал историю города, его достопримечательности и мог часами рассказывать о каждом старинном здании северной столицы. Он любил этот город и свою любовь и гордость старался пере-

дать Кайсыну Кулиеву, с которым ему нравилось гулять в Летнем саду и рассматривать дворец Петра I, стоять около памятника ему и шутить по поводу надписи «Петру Первому – Екатерина Вторая»; восхищаться театральной площадью и площадью искусств, где находится памятник А. С. Пушкину напротив Михайловского дворца; прогуливаться по Невскому проспекту, выходить на мост и смотреть на Петропавловскую крепость и т.д. Потом все это увиденное и услышанное от Владимира Николаевича найдет художественное отражение в поэтическом слове:

...Тут Пушкин жил, Достоевский – здесь.
Там Тютчев прошел как тень.
Ты оказал мне высокую честь
В благословенный день, –

писал Кулиев, вспоминая прогулки-экскурсии по этому городу вместе с другом, который увлекательно и интересно рассказывал о Дворцовой площади и Государственном Эрмитаже (бывшем Зимнем дворце), о Казанском соборе и канале Грибоедова; об Исаакиевской площади и соборе, о бывшем Смольном институте, Блоке и стихах о Прекрасной даме.

И ты мне свой город открыл, как друг,
Судьбы его быстрый бег.
Белых ночей его зыбкий круг,
Зимы его белый снег.

Здесь все тебе дорого: пыль веков
И века грядущего слог.
С этой звездой меж облаков
Когда-то беседовал Блок.

Подчеркивая достоверность изображаемого, Кулиев точно указывал в тексте послания время и место действия, те события, которые когда-то произошли здесь и остались навечно в художественной литературе России:

Здесь он умирал вот в этом дому
В серый, бесцветный день.
И эта лестница больше ему
Уже не подставит ступень.

А в этом окне жила Она.
И – только что, а не давно –
Он тихо прошел у ее окна
И посмотрел в окно.

Художественная память поэта возвратила образы Блока и его Прекрасной дамы живым «и – только что, а не давно...» Всю сложность этой поэтической фантазии и мыслей Кулиев дал ощутить в этом лирическом послании с помощью поэтического синтаксиса и метафоризации:

...Ах, эти окна, их милый свет,
Ошеломляющий нас!
Где-то в снегу затерялся след
Песни моей сейчас.

Быть может, она уже видит сны
Иль сон ее счастьем скуп... [31].

Пер. М. Дудин

Владимир Николаевич Орлов был другом не только Кайсына Кулиева, но и поэта Михаила Дудина, вся жизнь которого прошла в северной столице. Он посвятил В. Н. Орлову стихотворение «Ода свече», символический луч которой был светом дружбы между самыми близкими друзьями, крепкой надеждой на лучшее. Поэтому, обращаясь к свече, М. Дудин просил ее: «Гори, моя надежная, не потухай, свети!», «Свети всю ночь, неяркая, дневного солнца дочь». Или: «Свети моей бессоннице, с моей душой гори» [32].

**Пока живу, пока еще не поздно,
поговори, поговори со мной!**

В 1974 г. Кулиев написал стихотворное послание «Зульфий», адресованное известной узбекской поэтессе Исраиловой Зульфие, родившейся в Ташкенте в 1915 г., в семье, никому не известной, мать ее носила темную паранджу, как и сотни других узбечек. Пройдут годы, ее дочь станет первой женщиной, удостоенной высокого звания народного поэта Узбекистана, талант которой признают во всем СССР, в Европе и Азии. Личного счастья на долю поэтессы выпало мало: ее любимый муж, талантливый поэт Хамид Алимжанов, погиб в автомобильной катастрофе, и она, одна, с маленькой дочуркой, всю долгую жизнь осталась верной памяти мужа. Зульфий не было и тридцати лет, когда на нее свалилась эта трагедия, но она нашла в себе силы, чтобы жить дальше и работать. Ее стихи тех лет поведали о незаживающих ранах сердечных:

Моей печали постижение –
В потоке месяцев и дней,
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Боль и страдания с годами не проходили. Эти чувства отразились в поэтическом слове: «И даст мне силу – твердо верю я – моя печаль, твоя беда», – писала она.

В одной из своих статей о Зульфий Кайсын Кулиев отметил ее мужество, терпение, умение стойко переносить горе. «Когда к Зульфий пришла большая неожиданная беда, она не опустила крыл, не сломилась. Это очень важно, – писал он. – Так чаще всего поступали крупные художники. А у них мы должны учиться не только художественному мастерству, но и жизненной стойкости, мудрости» [1].

С Зульфией Кулиев познакомился в послевоенные годы, когда жил и работал во Фрунзе, в Союзе писателей Киргизии. Ей тогда было лет двадцать восемь. «Я смотрел на нее с восхищением и думал: «Какой счастливый Хамид Алимжан!» Я не завидовал, а восхищался, глядя на эту молодую пару... С тех пор прошло много лет, но я все равно каждый раз с радостью смотрю на Зульфий – она остается красивой и милой».

Этих двух разных поэтов – Кулиева и Зульфью – связывала любовь к поэзии, необычайное трудолюбие и привязанность к отчему краю. Они откликнулись на просьбы друг друга, поддерживая морально, переписывались. И когда нужно было написать предисловие к сборнику стихов Зульфийи, Кулиев по просьбе редактора издательства Г. Фальк выполнил эту просьбу. Зульфийа написала Кулиеву подробное письмо, в котором благодарила и за предисловие к стихам, и за то, что он адресовал ей стихотворное послание. «...Что касается стихотворения-посвящения, это удивительно хорошо. Я не честолюбивая женщина, но если тебе посвящают стихи, значит, тебе не совсем плохо, тебе надо жить! Верь, живи, гордись! Ведь мы с Вами знаем, что поэзия не терпит лжи, значит, это – веление Вашей великолепной, тонкой души! Спасибо, друг! Я надеюсь, что Ваш отличный, просто замечательный переводчик, наш Наум Гребнев, уже здоров, и мы с Вами прочтем его скоро...»

Вскоре это стихотворение было опубликовано и вошло во многие сборники Кулиева разных лет. Обратимся к началу этого послания:

Горит внизу горы осенний жар,
Блестит чуть выше снег ее покрова.
Я вижу снег и золото чинар,
И о тебе я вспоминаю снова [2].

Пер. Н. Гребнев

Через воспоминания дано начало среднеазиатской осени. Поэт помнил золото чинар, белый снег на высоких вершинах гор, а ниже, у подножья гор, багряный, как пламя, осенний жар. Это изумительное поэтическое начало сразу вводило читателя в художественный мир поэта. Красота осенней природы, одетой в пленительные яркие краски, разнообразные тона, напомнила поэту женщину, которую он помнил совсем молодой и к которой теперь, спустя много лет, он обратился со словами приветия:

Сестра моя, живи и хорошей,
Как прежде, суетой пренебрегая,
Напоминай мне о красе своей
Красою моего родного края.

Последняя строка этого четверостишия «Красою моего родного края» указывала на особенность воспеваемой героини. Эту этноприроду поэт постоянно видел, скажем, у себя в Чегеме, поэтому поэт вспомнил красоту родного края, когда писал о красоте Зульфий. «Очей очарованье» осени, ее «прощальная краса» везде одинакова: будь то на Кавказе или в Средней Азии. Оптимистическая тональность этого стихотворного послания отражала не только полноту лирического чувства одного героя, но и признание Зульфийи братьев по перу как недостижимому идеалу в своей верности прежней любви.

Собратья, на тебя мы неспроста
Всегда смотрели восхищенным взором.
Твоя нас покоряла красота,
А чистота была для нас укором.

Женственная и обаятельная Зульфийа как женщина и как поэтесса всегда была национальной гордостью Узбекистана. «Сколько пройдено, пережито и сделано этой красивой и умной женщиной, — писал Кулиев. — ...Зульфийа сумела сказать своему народу сияющие слова, являясь ныне одним из его крупнейших и известнейших поэтов. И для этого требовался не только незаурядный талант, еще надо было обладать мудростью и стойкостью, иметь мужество художника». Эта высокая оценка в прозе вполне соответствовала и поэтическим взглядам Кулиева, который верно понимал и ее частную жизнь, большую общественную работу поэтессы, и трагические ноты ее лирики.

Мне кажется, что излучает свет
Вся жизнь твоя и ныне, и вначале:
Беду, что ты познала с давних лет,
И мудрость нынешней твоей печали.

Предпоследнее четверостишие можно истолковывать по-разному: можно как подтверждение того, что уже сказано вначале, но можно видеть в нем истинный смысл того, ради чего было написано это стихотворение. Кулиев всегда восхищался Зульфийей, ее личностью и творческим даром, — в пору ли молодости или зрелости. Ее творчество — это художественное открытие для людей всех воз-

растов, которые начинают понимать жизнь, ее светлые и темные стороны.

Что делать, если падает листва!
Я осень тоже причисляю к благу,
Недаром благородные слова
Ложатся ныне на мою бумагу.

Правильно подметил врач из Дагестана М. Абдулхабилов, когда писал в 1987 г.: «...кайсыновские стихи, посвященные вдовам поэтов, звучат, как звон колоколов в нашем хрупком и тревожном мире. Но они еще и гимн женской верности, ибо верность нужна мужчинам не только при жизни, но и после смерти. Она нужна живым, чтобы пережить горе и прожить годы без самого близкого человека». Замечательные слова Абдулхабилова можно с полным правом отнести и к Зульфие, и к стихотворному посланию «Горит внизу горы осенний жар...» (1974), в котором Кулиев обращался не только к Зульфие, но и ко многим женщинам подобной судьбы:

Прекрасна в мире всякая пора,
Весну и осень равно я приемлю.
Позволь благословить, моя сестра,
Твою поэзию, печаль и землю.

В последние годы жизни Кулиев мало обращался к жанру посланий и посвящений. В его книгу, изданную уже после смерти поэта «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985), вошли только пять таких произведений; это адресованные Ю. Воронову «Чужого горя не бывает», Давиду Кугультинову «В горах Монголии», М. Дудину «Говорю моему поколению», «Пимену Панченко» и Элизат «Мой поздний свет». Книга составлялась им самим и представляет четыре раздела: «Колыбельная моя», «Жизнь остается жизнью», «Больничная тетрадь» и «Свет твоего лица».

Самым плодотворным периодом в создании стихотворного послания и посвящения были 60-е и 70-е гг. XX века. В произведениях этого жанра были запечатлены многие биографические моменты жизни Кулиева, его взаимоотношения с друзьями, большинство которых поддерживали поэта до конца дней его жизни.

Поэзия Кулиева этого времени обладала большой идейно-эстетической силой. Отличаясь жанровой многоаспектностью, она была лирико-эпической и нравственно-философской. Мы считаем, что Кулиев был создателем жанра посланий и посвящений в балкарской поэзии; он владел секретами лирического послания, подчиненного законам истинной поэзии. Балкарский поэт был свидетелем своего времени и событий, участником которых был он и его современники. К ним он обращался на понятном им языке, чтобы описать трагический и великий XX век, выразить то, что волновало всех.

Одним из таких произведений этого жанра явилось стихотворение Кулиева «Когда свобода была под запретом» (1979). Оно посвящалось памяти Пабло Неруды, поэту «борьбы и любви», как о нем сказала В. Тейтельбойм во вступительной статье к стихам разных лет П. Неруды «Местожителство – земля» (М., 1977).

Родиной поэта Нефтали Рейнеса, взявшего себе псевдоним Пабло Неруда, является Юг Чили – узкая лента земли, протянувшаяся с севера на юг вдоль Тихого океана. Он был консулом правительства Чили в республиканской Испании, считался коммунистом и обвинял президента Чили в измене родине и демократии. Еще в 1942 г. он расклеил на улицах Мехико текст своих стихов о Сталинграде.

Кулиев знал Пабло Неруду как крупного деятеля борьбы за мир, говорящего от имени миллионов, как политического изгнанника.

Когда была свобода под запретом,
Когда о ней ни слова, ни строки,
И тот, кто мог сказать, молчал об этом,
А разглагольствовали дураки, –

Свобода, став рекой, текла на воле,
Став итицей, пела то, что на уме,
И, ветром став, носилась в чистом поле,
И, став звездой, струила свет во тьме... [3].

Пер. О. Чухонцев

Так начиналось посвящение Пабло Неруде, в котором Кулиев почтил память автора «Всеобщей песни»,

уникального, циклопического сооружения века в мировой поэзии.

Пабло Неруда очень нравился Кулиеву как поэт, особенно его стихотворение «Колокола России», его сонеты о любви («Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь» и ритуальные песни: «Небопогребальная», «Бык»). Кулиев гордился тем, что этот чилийский поэт любил русских романистов Достоевского, Толстого, Чехова; «...они стали моей самой горячей признательностью в литературе», — писал П. Неруда (*Пабло Неруда*. Ор. сит., р. 358). Его друг Федерико Гарсиа Лорка был любимым поэтом Кулиева, написавшего стихотворение «Смерть поэта» (1950) — о насильственной гибели лучшего поэта Испании. «...Он был дождем ее — весенним, чистым, был рыдающею гитарой, — и гитарой, звонко смеющейся. Песней, сложенной народом, вечно юной, из сердца льющейся! А его убили фашисты...»

Когда Кулиев писал посвящение Пабло Неруде, он понимал, что горизонты этого чилийского поэта не ограничивались Андами и югом Тихого океана, его книги «Двадцать поэм и одна песня отчаянья» (1923–1924), «Четыре времени сердца» (М., 1968), «Собрание закатов», «Виноградники и ветры», «Стихи капитана», «Торжественные песни», «Баркарола», «Желтое сердце» стали известны в мире, и переводы с испанского на другие языки не мешали читателям увидеть и почувствовать «первозданную самобытность и сокрушительную жизненную силу» (В. Тейтельбом) его поэзии.

По утверждению Кулиева, Пабло Неруда и его поэзия были всегда свободными, как ветры Тихого океана. В посвящении «Когда свобода была под запретом» Кулиев писал о свободе поэзии, не подвластной власти:

Став колосом, росла и тяжелела,
Став тучей, проливалась на хлеба,
И, став конем, бросалась в схватку смело,
И, снегом став, хранила, как судьба.

Когда казнить ее хотели каты,
Она над всем — как облако взошла,
И в казематах были с ней крылаты,
И без огня была она тепла.

Размышляя о свободе поэтического слова, Кулиев со всей мощью творческого дара утверждал, что «...навсегда свободной стала свобода. Что ей катанье-мытье! Она сама поэзии сияла из тьмы времен – как спутница ее».

Кроме стихотворных посланий и посвящений, у Кулиева есть три поэмы, которые были адресованы конкретным реальным людям.

ПОЭМЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СОРАТНИКАМ И ДРУЗЬЯМ

К лироэпическим произведениям Кулиева можно отнести три поэмы, написанные им в разное время и посвященные различным людям, которых хорошо знал поэт. Это поэма «Песнь моей любви» (Солтану Магометову), «Перевал» (Д. Бычкову) и «Золотая свирель» (Кязиму Мечиеву).

«Песнь моей любви», написанная примерно в 1978 г., опубликована в сборнике стихов Кулиева «Весенний свет» (М., 1979). В эту книгу вошли стихи разных лет, которым присущи высокие чувства гражданственности, любви к родному краю, философские раздумья о человеческом бытии.

Эта поэма как бы освещена авторским светом любви ко всему прекрасному, что когда-то видел поэт на своей малой родине, которую он называет «родиной светлых снов», «колыбелью в сиянье луны», белым корабликом, плывущим «на солнце и на звезду». Здесь все восхищало поэта:

Вернулся, и вновь твои горы, и лес,
И травы твои – я ими живу,
Руки мне твой согревает костер,
Твоя заря на вершинах скал,
И отблеск твоих величавых гор
На песне, что я о тебе слагал [4].

Произведение «Песнь моей любви» можно было бы отнести к жанру оды, поскольку в этой поэме Кулиев выразил свой восторг, восхищение перед величием этноприроды, которая окружала его с детских лет, свою радость: «Как птица поет в предрассветный час, радуюсь виду родной скалы, так счастлив я, сыном твоим родясь, – вот моя песнь любви и хвалы».

Эту песню любви и хвалы Кулиев адресовал генерал-полковнику Солтану Кеккезовичу Магометову (1920–1989) из древнего аула Хурзук Карачаевской автономной области (ныне КЧР). Потомок горцев-чабанов, он 45 лет посвятил военному делу, дойдя от курсанта полковой школы до генерал-полковника Вооруженных сил Советского Союза, окончив уже после войны с отличием Академию бронетанковых войск и Академию Генерального штаба. Жизнь этого кадрового офицера занимала воображение Кайсына Кулиева, и он гордился им, карачаевцем, занимавшим должность командира танковой дивизии, потом – первого заместителя командующего Забайкальским военным округом

Многое роднило поэта и прославленного генерала, который честно выполнял воинский долг и на фронте, и в мирное время, когда был в качестве главного военного советника в Сирии и Афганистане. Во время коротких встреч Кулиев и Магометов вспоминали дни Великой Отечественной войны, когда они, молодые и полные сил, защищали свое Отечество. Они были почти ровесниками. Поэт был старше генерала на три года, но в его присутствии шутил, что «под его начальством согласен быть в звании рядового». Оба они хорошо знали историю родного края, жизнь народа. Так, обращаясь к «земле своей» (2-я часть поэмы), Кулиев писал:

Все ты познала за долгий век –
Град и цветы, кровь и набег;
В гибельный год, среди пепла и зла,
Ты хлеб растила и нас ждала.

Когда уходили твои сыны,
Неумолимым гонимы злом,
Горькие слезы и черные сны
Пришли в твой брошенный дом.

Даже сквозь шум миновавших лет
Слышится мне моей матери стон [5].

Их детские годы были осенены светом Эльбруса, вблизи которого были расположены их горные селения, и поэт славил эти родные края («Снова я славить готов. Моя колыбель в сиянье луны, белеет снег на моем дворе, до-

роги от зноя раскалены, петух кричит на заре. Такой ты вошла в мои детские сны, такой осталась в сердце моем» (Ч. 1. С. 107).

Жанр оды, хвалебной песни требовал насыщать свою речь яркими эпитетами, неожиданными сравнениями, смелыми метафорами, риторическими вопросами, обращениями, восклицаниями, синонимами и антонимами. Так, обращаясь к земле своей (2-я ч.), к горам земли своей (4-я ч.), к горным рекам (5-я ч.), к скалам (8-я ч.), к дорогам его земли (7-я ч.), к деревьям горного края (8-я ч.), камням (9-я ч.), горцам и их языку (10-я ч.), к женщинам-горянкам (12-ая ч.), Кулиев умело опирался на систему средств построения родной речи, способствующих усилению ее выразительности; многократно использовал слово «золотой» применительно к орлу, туру («Солнце земли моей, жизнь моя, тур золотой, золотой орел!»); к хлебу, лучу и солнцу («Хлеб колосится золотой»). В каждой части поэмы поэт украшал речь неожиданными и смелыми сравнениями («Сердце твое – это боли клубок, память твоя – страданий итог», «С белой отарой схож снегопад, с черной отарой схожа гроза» и т. д.).

К вашему меткому слову приник
Я – благодарный ваш ученик,
Отзвук я, эхо ваших речей,
Капелька, славящая родник, –

писал Кулиев, обращаясь к своим землякам-ашугам, каменотесам, чабанам, охотникам, пахарям («Каменотесы и чабаны, пахари и дровосеки, вы пели – и людям родной страны мудрость дарили навеки вы»).

Ваших сказаний пестрая вязь,
Души пленившая сотни лет,
Нынешний день на меня пролилась,
В сердце вошла, как тепло и свет.

Те или иные средства образной выразительности языка были связаны в поэме со своеобразием обращений к горам, камням, скалам, родной земле, горцам и горянкам, рекам и деревьям, с авторской оценкой их значимости в жизни. Вот авторское обращение к горцам:

Герои, чьи славятся имена,
Бойцы, возлюбившие землю свою,
Вы ей посвятили себя сполна
И отдали жизнь в бою.
И кровь смельчаков – как угли в кострах,
Как в свежей траве цветы,
О вас распевают дети в горах,
О вас – молодых мечты.

Восхищаясь этноприродой Чегема, Баксана, Хулама, Домбая, Теберды, Архыза, поэт последовательно и плавно переходил к описанию животного и растительного мира, прерываемому иногда вспышками восторга. Например, в 5-й части поэмы, обращаясь к горным рекам, «дочерям голубых родников», Кулиев писал:

Вы, стирая камень в песок,
Рветесь сквозь все преграды вперед;
Воле у вас научиться смог
Приговоренный к неволе народ.

Не в силах сдержать восхищения, поэт итожил:

Что вам теснины, обвалы, рвы!
С ревом вы рвете ущелий тьму,
Миру доказывая всему,
Как сильны и отважны вы.

Однако, описывая в превосходной степени родную гидротопонимику, флору и фауну, выносливых и трудолюбивых горцев и горянок, поэт славил и другие, далекие страны и населяющие их народы, интересы, культура, быт и история которых не чужды балкарскому этносу:

Край мой, страна моя! Близким твоим,
Познанным в счастье и в горе друзьям,
Спутникам верным, соседям, родным,
От Арарата и до Саян,
От Благовещенска и Невы,
Братьям, которых эпоха дала,
Братьям твоим по годам огненным –
Вовеки моя хвала!

Несколько приподнятой стихотворной речи поэмы «Песнь моей любви» соответствовала высокая лириче-

ская интонация, создаваемая ораторскими приемами, рассчитанными, казалось бы, на произнесение перед массами людей. Поэтическая мысль Кулиева устремлялась в беспредельные выси – к небу и горам, к беспредельному пространству Земли. Она возвышалась над нею и, как в оде, воспевала все живое и неживое, принадлежавшее Вечности бытия. Вот заключительная часть – 14-я – этой поэмы, относящейся к высокому жанру лирической поэзии:

Страны моей земли,
Страны моей небо,
Страны моей солнце,
Хвала вам навек.

Страны моей воды,
Страны моей нивы,
Рассветы и ночи,
Хвала вам вовек.

Пути вековые,
Деревья и камни,
Дожди, снегопады,
Хвала вам вовек.

Олени и птицы,
Проворные лани,
Хвала вам вовек...

Многократный повтор «Хвала вам вовек» создавал повышенное эмоциональное впечатление и усиливал осязаемость того, что славил поэт («Отчизна святая, родимые горы, хвала вам, хвала вам, вовеки хвала!»). Этим троекратным повтором заканчивалась поэма «Песнь моей любви», адресованная генерал-полковнику Солтану Магометову, прах которого покоится на родной земле. Народы Карачаево-Черкесии присвоили ему звание «Почетный гражданин города Карачаевска».

Поэма «Перевал» (1961) была посвящена преподавателю Кабардино-Балкарского госуниверситета Дмитрию Бычкову, который работал на кафедре русской и зарубежной литературы. В этом же вузе еще до войны работал и Кулиев, когда вернулся из Москвы. Тогда это был пединститут. В конце июня 1941 г. Кулиев, приняв экза-

мены у студентов, добровольно ушел служить в ряды Советской Армии. Пройдут годы, Кулиев станет известным поэтом, одним из любимых Дмитрием Бычковым. Интересно в связи с этим привести воспоминания Мустафы Идрисовича Созаева (1942–1999), бывшего партийного работника, который многие годы был связан общественной работой с Кулиевым и хорошо помнил Д. Бычкова. «В 1961–1962 гг. я был студентом первого курса отделения русский язык и литература историко-филологического факультета КБГУ. По литературоведению лекции читал всеми нами любимый Дмитрий Иванович Бычков. Он был близким другом Кайсына Кулиева и большим поклонником его поэзии, – писал М. Созаев. – На всех своих лекциях он не упускал случая, чтобы с восторгом не прочесть небольшие отрывки из любимых ему стихотворений Кайсына Шуваевича. Особенно Дмитрий Иванович любил военную лирику поэта.

В отличие от Дмитрия Ивановича мы, студенты, не восторгались поэзией Кайсына Кулиева, так как были мало знакомы с его творчеством и, конечно, не могли по достоинству оценить его. И вот однажды, на очередной лекции, я задал Дмитрию Ивановичу волновавший нас вопрос: «Дмитрий Иванович! Скажите, пожалуйста, вы действительно искренне считаете Кайсына Шуваевича Кулиева поэтом такого высокого ранга или он ваш близкий друг и потому так его превозносите?»

Дмитрий Иванович улыбнулся наивности моего вопроса, а потом вполне серьезно сказал: «Запомните, молодые люди, многие современные поэты, в том числе и очень известные, чтобы как-то подчеркнуть свою показную значимость и величие в поэзии, садятся за руль новых автомобилей, летают на скоростных самолетах, наивно полагая, что вместе с ними на таких же скоростях на такие же высоты поднимаются их талант и авторитет.

Кайсын Кулиев, не спеша, далеко, очень далеко, обскакал их на своем маленьком ослике («Скачи, мой ослик!»). И еще запомните: я скоро умру и не увижу, а вы будете свидетелем того, до каких недосягаемых творческих высот поднимется гений Кайсына Кулиева. О нем заговорит весь мир».

И действительно, вскоре наш любимый преподаватель Дмитрий Иванович скоростижно скончался. А его про-

роческие слова насчет Кайсына Кулиева подтвердились в полной мере» [6].

Д. И. Бычков один из первых стал писать статьи о творчестве Кулиева, наряду с другими, такими, как Л. Ерусалимчик «Стихи Кулиева» (Соц. Кабард.-Балкар. 1943. 13 авг.), С. Смирнов «Радости трудного пути» (Лит. газета. 1957. 20 июня). Д. Бычков через год опубликовал статью «Военная лирика К. Кулиева» (Кабард.-Балкар. правда. 1958. 15 февр. и на балк. яз. в журн. «Шуехлукъ» 1960. № 10. С. 121–139).

Видно, что Дмитрий Бычков входил в число друзей Кулиева, и он обессмертил его имя, посвятив поэму «Перевал», которая датируется 1961 г., когда не стало этого талантливого педагога и критика.

Так как в т. 5 (с. 598–616) мы подробно остановились на идейно-художественных особенностях этой поэмы, здесь ограничимся сказанным.

В т. 5 (с. 616–623) нами авторами, подробно рассмотрена поэма «Золотая свирель», которая имеет второе название – «Кязим Мечиев». Это произведение-посвящение, впервые опубликованное в переводе Н. Гребнева в журнале «Новый мир» в 1967 г. под названием «Кузнец».

Ты знал ли, что станет твой стих,
Рожденный под нищенским кровом,
Для внуков ученых твоих
Великим пророческим словом? [8] –

так писал Кулиев о Кязиме Мечиеве в своей поэме «Кузнец», о человеке, который поднял факел знания во мгле ночи, рассказал о тяжелой доле горянки в старой Балкарии, наполняя людские сердца печалью. И через много лет, когда другие поколения поднимутся на новые исторические высоты, когда «минет тьма тьмущая дней, и ныне студентки-горянки заплачут над песней твоей о горе безвестной крестьянки», вещие и мудрые слова Кязима будут волновать души живых, наполнять их светом и радостью.

Поэту, оказавшему своим творчеством сильное влияние на лучших балкарских поэтов, и посвящена поэма «Золотая свирель». За много лет до этого в стихотворении «Моему читателю», выражая чувства благодарности Мечиеву, Кулиев сказал:

Спроси,
Кто был учителем моим?
Отвечу:
Знаменитый наш Кязим.

Жизненные впечатления, встречи с Кязимом были настолько сильными, что через несколько лет Кулиев смог вновь вернуться ко всему, что видел, знал, пережил, чему был свидетелем, и с высоты иного времени и творческого мышления запечатлел в художественном слове:

Родное селенье в глуши
Теперь без тебя нелюдимо,
Нет в доме твоём ни души,
Нет в печке ни жара, ни дыма.

И только гора, как всегда,
Стоит под папахой из снега
И в речке аульской вода
Белеет от быстрого бега.

Воспоминания остались от встреч с саклей поэта, от рассказов о былом стареющего поэта, о его большой гостеприимной семье:

Вот дом твой...
Спасибо судьбе,
Что стены щадит нежелые,
Где раньше являлись тебе
Счастливые сны и дурные.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно утверждать, что в поэмах «Песнь моей любви» (Солтану Магометову), «Перевал» (Дмитрию Бычкову), «Золотая свирель» (Кязиму Мечиеву), в многочисленных стихотворных посланиях и посвящениях Кулиев в автобиографическом дискурсе затронул очень многие, жизненно важные социально-философские и нравственно-этические вопросы, пропустив их через свое творческое мышление, выразил гражданско-патриотические, сердечные и трогательные чувства. Большая часть произведений этого жанра была частью жизни души Кулиева, которая выступала в его стихах чаще всего от первого лица «Я».

Наделенный необыкновенным творческим даром, Кулиев воспел в своих стихах и поэмах многочисленных друзей, родственников, соседей, просто знакомых.

В посланиях и посвящениях любимым женщинам есть проявление сильного чувства яркой личности, благородства и чувства собственного достоинства. Эти произведения отличаются психологической достоверностью женских образов, реальными жизненными отношениями (С Лейлей Мечиевой, Верой Сидоровой, Лией Ерусалимчик, Натифой Гаджиевой, Макой Дахкильговой, Элизат Кульбаевой).

Почти во всех посланиях и посвящениях образ автора играет определенную композиционную и идейно-нравственную роль. В произведениях этого жанра двух последних лет жизни поэта можно проследить основные мотивы его лирики – мотивы грусти, печали, страдания, связанные непосредственно с его роковой болезнью.

Многие послания и посвящения отличаются социальным и философским содержанием («Баллада о Габриэле Пери», 1948; «Жизнь на земле не убить!» (Индира Ганди, 1985) и «Когда свобода была под запретом», посвященная Пабло Неруде). Их гуманистический смысл – в защите демократии и прав на свободу личности.

В поэмах «Перевал», «Песнь моей любви», «Золотая свирель», посвященных конкретным людям, нашли отражение кулиевская эпоха, нравственные и социально-политические проблемы XX века. Размышления о судьбах своего поколения в поэмах, посвященных генералу Солтану Магометову, поэту Кязиму Мечиеву и преподавателю Дмитрию Бычкову, даны в тесной связи с нравственными проблемами – вопросами о смысле жизни, необходимости борьбы за справедливость и правду, об ответственности человека за свою судьбу, о профессионализме, долге перед родиной и народом. Так, в поэме «Золотая свирель» (1966–1968) Кулиев сказал об общественной значимости поэзии, о роли поэта в обществе и его назначении, о взаимоотношениях с народом и властью.

Земным, человеческим и одновременно высокопоэтическим языком поэт воспел и знаменитых во всем мире людей, и простых тружеников. Они предстали под его пером в ореоле прекрасного, благородного, а иногда – в образах идеальных национальных героев.

Продолжая русские традиции жанра посланий и посвящений, Кулиев привнес в него много личного, автобиографического, национально-особенного, то есть перестроил и обновил его, поэтому для балкарской поэзии 40-х - 80-х гг. XX столетия этот жанр стал одним из значительных и плодотворно развивающихся. И в этом была большая заслуга Кайсына Кулиева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«...В сомнениях, в мятежных думах века» прошла жизнь замечательного балкарского поэта XX столетия Кайсына Кулиева (1917–1985). 1 ноября 2007 г. ему исполнилось бы 90 лет, из коих он прожил на милой ему земле 68. Для всех знавших его людей в нашей стране и за рубежом он был известным поэтом, прозаиком, драматургом, литературным критиком, переводчиком символом национальной духовной культуры.

Кайсын Шуваевич написал около 1200 стихотворений, 15 поэм, 3 баллады, 1 роман – «Была зима», три рассказа, повесть «Скачи, мой ослик!»; много военных очерков в годы Великой Отечественной войны, сказок для детей, о которых есть положительные отклики, хранящиеся в личном архиве поэта; в среднеазиатский период жизни он написал свыше 40 литературно-критических статей о творчестве русских и киргизских писателей, которые были опубликованы на русском языке на страницах газет «Советская Киргизия», «Комсомолец Киргизии», в журналах «Литературный Киргизстан», «Кыргызстан» («О поэтическом переводе», «Искать», «Художественный перевод – высокое искусство», «Алыкул Осмонов», «Талант, отданный народу»; о творчестве Аалы Токомбаева, «Стихи о мирных людях», «Литература возрожденного народа», «Путь к песне» и др.).

В это же время Кулиев занимался переводами стихов и прозы с киргизского языка на русский (Куанычбека Маликова, Нуркамал Жетикамбаевой, Насредина Байтемирова, Алыкула Осмонова и др.). В последующие годы поэт создал пьесу «Есть на свете любовь»; издал 2 книги литературоведческого характера «Так растет и дерево» (М., 1975) и «Поэт всегда с людьми: статьи, эссе» (М., 1986), написанные им на русском языке. Эти две книги получили в научном мире широкое признание, им была дана высокая оценка в среде литературоведов, лингвистов, философов, культурологов и психологов. Кроме того, он написал на русском и родном языках много пре-

дисловий и послесловий к книгам молодых и известных поэтов и прозаиков, книги которых были изданы в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Алма-Ате, Минске, Киеве, Ереване, Тбилиси, Ашхабаде, во Фрунзе, Махачкале, Нальчике, Карачаевске, Грозном, Уфе, Польше, Праге и др. Поэт напутствовал добрым словом и литературоведов, которые писали монографии и очерки о творчестве того или иного поэта или писателя.

Многие стихотворения поэт адресовал своим знакомым, родным, близким друзьям и выдающимся личностям; из них мы узнаем о лирико-этической и социально-нравственной направленности творчества Кайсына Кулиева. Эти произведения мы рассматривали в автобиографическом дискурсе (лат. *discursus* – рассуждение), в историческом аспекте и старались показать расширение геокультурного пространства Кулиева во второй половине XX века; обратили внимание и на установление межнационального диалога культур. По нашему мнению, К. Кулиев является основателем межкультурного диалога художественной литературы Востока и Запада. Благодаря ему балкарская литература вошла в международную художественную культуру. Все это сыграло большую роль в формировании национального сознания и самосознания балкарского народа, в осмыслении культуры различных народов восточной и западной цивилизации. Переводчик Л. Шерешевский говорил, что Кайсын Кулиев отлично знал западную культуру и Восток; он долго жил в Средней Азии, потом неоднократно посещал западноевропейские и арабские страны, ездил в Индию и Японию, имел много друзей, о которых он писал в лирических посланиях и посвящениях, думая о мире и человеке в нем, о жизни как явлении динамическом, которое может быть художественно осмыслено через диалог культур.

В своем поэтическом творчестве К. Кулиев установил межнациональный диалог, который имел определенную значимость в истории художественных достижений различных народов. В этом немалую роль сыграли его поэтические послания и посвящения, адресованные про-

грессивным общественно-политическим и культурным деятелям многих стран, известным прозаикам, поэтам, композиторам, художникам кисти, журналистам, артистам и военным начальникам. В его богатом личном архиве (ЦГА КБР, ф. 852) хранятся еще неопубликованные произведения этого жанра, которые ждут своих исследователей. Богатое творческое наследие Кайсына Кулиева в новых исследованиях специалистов самых разных областей знаний должно предстать в своем органическом единстве Кулиева-писателя, Кулиева-мыслителя, Кулиева-человека и общественного деятеля второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА

К гл. 1

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 103.
2. *Кулиев К.* Избранные произведения. В 2 т. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 78. На балк. яз.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 225.
4. *Кулиев К.* Сайлама. В 2 т. Нальчик, 1958. Т. 1. С. 141.
5. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 76.
6. Там же.
7. *Кулиев К.* Сайлама. Т. 1. С. 204.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 121.
9. Там же. С. 118.
10. Там же. С. 104.
11. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 92.
12. *Кулиев К.* Горы. М., 1957. С. 222.
13. *Кулиев К.* Сайлама. 1958. Т. 2. С. 171.
14. *Хараев Ф. А.* Дух, душа, будущность. Нальчик, 1999. С. 222.
15. *Кулиев К.* Горы. М., 1957. С. 283.
16. *Кулиев К.* Салайма. Т. 2. С. 177.
17. Там же. С. 178.
18. Там же. С. 326.
19. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5. ед. хр. 57, л. 1.
20. *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 94, 95.
21. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 274.
22. *Кулиев К.* Сайлама. 1958. Т. 2. С. 237.
23. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 254.
24. Там же. М., 1976. Т. 1. С. 223.
25. *Кулиев К.* Сайлама. Т. 1. С. 350.
26. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 221.
27. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 417.
28. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 222.
29. Там же.
30. ЦГАЛИ СССР, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 832.
31. Там же, ед. хр. 98, л. 1-10.
32. Там же, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1-15.
33. *Кулиев К.* Сайлама. Т. 2. С. 82.
34. Там же.
35. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 311.
36. Там же. С. 312.
37. Там же. С. 239.
38. Там же.
39. Там же. С. 334.
40. *Кулиев К.* Горы. М., 1957. С. 244.
41. *Кулиев К.* Сайлама. Т. 2. С. 319.
42. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 136.
43. Там же. С. 131.

44. Там же. С. 133.
45. *Кулиев К.* Сайлама. Т. 2. С. 325.
46. *Кулиев К.* Горы. М., 1957. С. 280.
47. *Кулиев К.* Салайма. Т. 2. С. 177.
48. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 129.
49. *Кулиев К.* Салайма. Т. 2. С. 369.
50. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 410.
51. Там же. С. 8.
52. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 168.
53. Там же.
54. Там же. Т. 2. С. 87.
55. Там же. Т. 3. С. 160.
56. Там же. С. 161.
57. Там же.
58. Там же. Т. 3. С. 256.
59. Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева. Нальчик, 2002. С. 18.
60. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 264.
61. *Кулиев К.* Т. 2. С. 308.
62. *Кулиев К.* Я пришел с гор. М., 1959. С. 30.
63. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 95.
64. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 145, л. 1.
65. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 226.
66. *Гамзатов Р.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 2003. Т. 2. С. 327–328.
67. *Гамзатов Р.* Собрание сочинений. В 5 т. М., 1989. Т. 2. С. 102.
68. *Гамзатов Р.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 2003. Т. 2. С. 328.
69. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 325.
70. Там же. С. 33.
71. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 158.
72. Там же. Т. 3. С. 154.
73. Там же. С. 153.
74. *Кулиев К.* Избранные произведения. В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 249.
75. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 389.
76. *Карим М.* Избранные произведения. В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 411.
77. *Карим М.* Берега остаются. М., 1966. С. 121.
78. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 38, л. 1, 2.
79. Там же. Л. 37.
80. Литературная Россия. 1964. 5 ноября.
81. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 402.
82. *Кулиев К.* Таула тургъан къадарда. Сайлама назмулары. Нальчик. 1997. С. 83, 93. Материалы гостелерадио КБР. 1998. Ноябрь.

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 218.
2. *Спивак И. А.* Советская поэзия периода Великой Отечественной войны и проблемы ее жанрового развития: Автореф. дисс. на соискание ученой степ. д-ра филол. наук. Киев, 1979. С. 13.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 98.
4. Там же. С. 99.
5. Там же.
6. Там же. С. 218.
7. Там же. С. 213.
8. Там же. С. 214.
9. Там же. С. 215.
10. *Кулиев К.* Салайма. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 22, 23.
11. Личный архив А. Суюнчева.
12. *Кулиев К.* Салайма. Т. 2. С. 28.
13. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников. Нальчик, 2001. Т. 4. С. 17.
14. Газета «Заман». 2003. 26 июля
15. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 180.
16. Там же.
17. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Нальчик, Т. 1. С. 78.
18. *Кулиев К.* Горы. М. 1957. С. 192.
19. *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 256.
20. Там же.
21. Там же С. 257.
22. Там же.
23. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 178.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же. С. 144.
28. Там же.
29. Там же. С. 145.
30. Там же. Т. 3. С. 551.
31. Там же. Т. 1. С. 30.
32. *Кзули К.* Собрание сочинений. В 3 т. Нальчик, 1981. Т. 1. С. 126. (На балк. яз).
33. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Нальчик, 1976. Т. 1. С. 33.
34. Там же. Т. 3. С. 554.
35. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 455, 456.
36. *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 254, 255.
37. Там же.
38. *Кулиев К.* Поэзия – жизнь // ЛГ. 1975. 1 янв.
39. *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 255.
40. Там же.

41. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 140.
42. Там же.
43. Там же. С. 141.
44. Там же. С. 139.
45. Там же.
46. Там же. С. 140.
47. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 218.
48. *Карим М.* Возводящий мост // ЛГ. 1973. 17 янв.

К гл. 3

1. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 219.
2. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 404.
3. Там же. Т. 2. С. 321.
4. Там же. С. 295.
5. Там же. Т. 3. С. 393.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5. ед. хр. 84, л. 1.
7. *Кулиев К.* Песнь зеленого дерева // Литературная Россия. 1969. 14 февр.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 203.
9. *Кзули К.* Таула тургъан къадарда. Сайлама назмулары. Нальчик, 1997. С. 316.
10. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 293.
11. *Кзули К.* Покуда стоят эти горы. Сайлама назмулары. Нальчик, 1997. С. 317.
12. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 374.
13. Там же. С. 339.
14. Там же. Т. 3. С. 111, 112
15. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 251.
16. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 124.
17. Там же. С. 125.
18. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 136, л. 1.
19. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 316.
20. Там же. С. 319.
21. Там же. С. 74.
22. Там же. С. 388.

К гл. 4

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 160.
2. *Кулиев К.* Сайлама. Нальчик, 1958. Т. 1. С. 279.
3. *Кулиев К.* Говорю людям. М., 1985. С. 130.
4. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 245.
5. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 37, л. 31.
6. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 242.
7. Там же. С. 237.

8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 239.
9. Там же. С. 240.
10. *Кулиев К.* Сайлама. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 321.
11. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 341.
12. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 240.
13. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 258.
14. Там же. Т. 2. С. 297.
15. Там же. С. 450.
16. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М. 1975. С. 403.
17. Национальное и интернациональное в советской литературе. 1971. С. 20.
18. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 327.

К гл. 5

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 76.
 2. Там же. Т. 2. С. 281.
 3. Там же. Т. 1. С. 302.
 4. Там же. Т. 2. С. 284.
 5. Там же. Т. 3. С. 449.
 6. Там же. С. 464.
 7. *Кулиев К.* Письмо сыну // Литературная газета. 1980. 7 мая.
- С. 7.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 203.
 9. Там же. С. 167.
 10. *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 235.
 11. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 37.
 12. Покуда стоят эти горы. Сайлама. Назмулары. Нальчик, 1997.
- С. 356.
13. Там же. С. 389.
 14. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 462.
 15. Там же. Т. 3. С. 373.
 16. *Межелайтис Э.* Стихотворения. М., 1984. С. 52.
 17. *Жирмунский В.* Вопросы теории литературы. Л. 1928. С. 218.
 18. *Рассадин Ст.* Кайсын Кулиев. М., 1974. С. 11.
 19. Вопросы литературы. М., 1980. № 12. С. 54.
 20. *Горький М.* Собрание сочинений. В 30 т. М., 1967. Т. 24. С. 471.
 21. *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 270.
 22. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 391.

К гл. 6

1. *Кулиев К.* Сайлама. Нальчик 1958. Т. 1. С. 92.
2. *Кулиев К.* Живу среди людей. М., 1976. С. 90.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 204.
4. Там же. Т. 2. С. 120.

5. Там же. С. 141.
6. Там же. Т. 1. С. 251
7. *Кулиев К.* Поэзия – жизнь // ЛГ. 1975. 1 янв.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 209.
9. Там же. С. 330.
10. Там же. С. 358.
11. Там же. С. 105.
12. Там же. С. 460.
13. Там же. С. 461.
14. Там же. М., 1987. Т. 3. С. 23.
15. Там же. М., 1977. Т. 2. С. 490.
16. Там же. Т. 2. С. 470.
17. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 83, л. 20.
18. Там же, ед. хр. 79, л. 7, 8.
19. Там же, л. 19, 195.
20. Там же, ед. хр. 27, л. 1.
21. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 476.
22. Там же М., 1976. Т. 1. С. 9.
23. Там же. М., 1987. Т. 2. С. 115.
24. Там же. Т. 3. С. 127.
25. Там же. М., 1977. Т. 3. С. 315.
26. Там же. С. 258.
27. Там же.
28. Там же С. 276.
29. Там же. С. 301.
30. Там же. С. 348.
31. *Дудин М.* Ключ: Новые стихи и переводы. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1985. С. 26.

К гл. 7

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 62.
2. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 355.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 390.
4. Там же. Т. 3. С. 110
5. *Кулиев К.* Весенний свет. М., 1979. С. 108.
6. Там же. С. 110.
7. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* Кайсын Шугаевич Кулиев. Воспоминания современников. Нальчик, 2001. Т. 4. С. 206.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 517.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
«Я старался говорить с тобою о том, что знал из первых рук» (К. Кулиев)	7
Ты – дар бесценный, данный мне судьбою, Как полю – всходы, как заре – лучи	85
О женщинах балкарии	114
Поэзия Грузии озарила мою душу и мою жизнь, стала необходимой для меня	119
Как в молодости, так и на склоне лет	147
Не только матерями, не только сестрами вы были нам	185
Мы делили с русским народом горький хлеб дней испытаний и радость праздников	227
Пока живу, пока еще не поздно, поговори, поговори со мной!	277
Поэмы, посвященные соратникам и друзьям	285
Заключение	295
Литература	298

Литературно-публицистическое издание

Серия «КЛИО»

(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)

Тамара Емельяновна Эфендиева

Салих Ибрагимович Эфендиев

Фуад Салихович Эфендиев

ДРУЗЬЯ К. КУЛИЕВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Том 7

Зав. редакцией *Л. О. Тамазова*. Художник *М. М. Горлов*. Технический редактор *Т. В. Демьяненко*. Корректор *Д. М. Калмыкова*. Компьютерная верстка *Н. Т. Расторгуевой*. Рег. № 1020700753952 от 06.02. 2004. Подписано в печать 12.03. 2008. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная. Усл. п. л. 15,96. Тираж 1000 экз. Заказ № 36. Отпечатано на ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» Министерства культуры и информационных коммуникаций КБР. 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33